

5

РФ



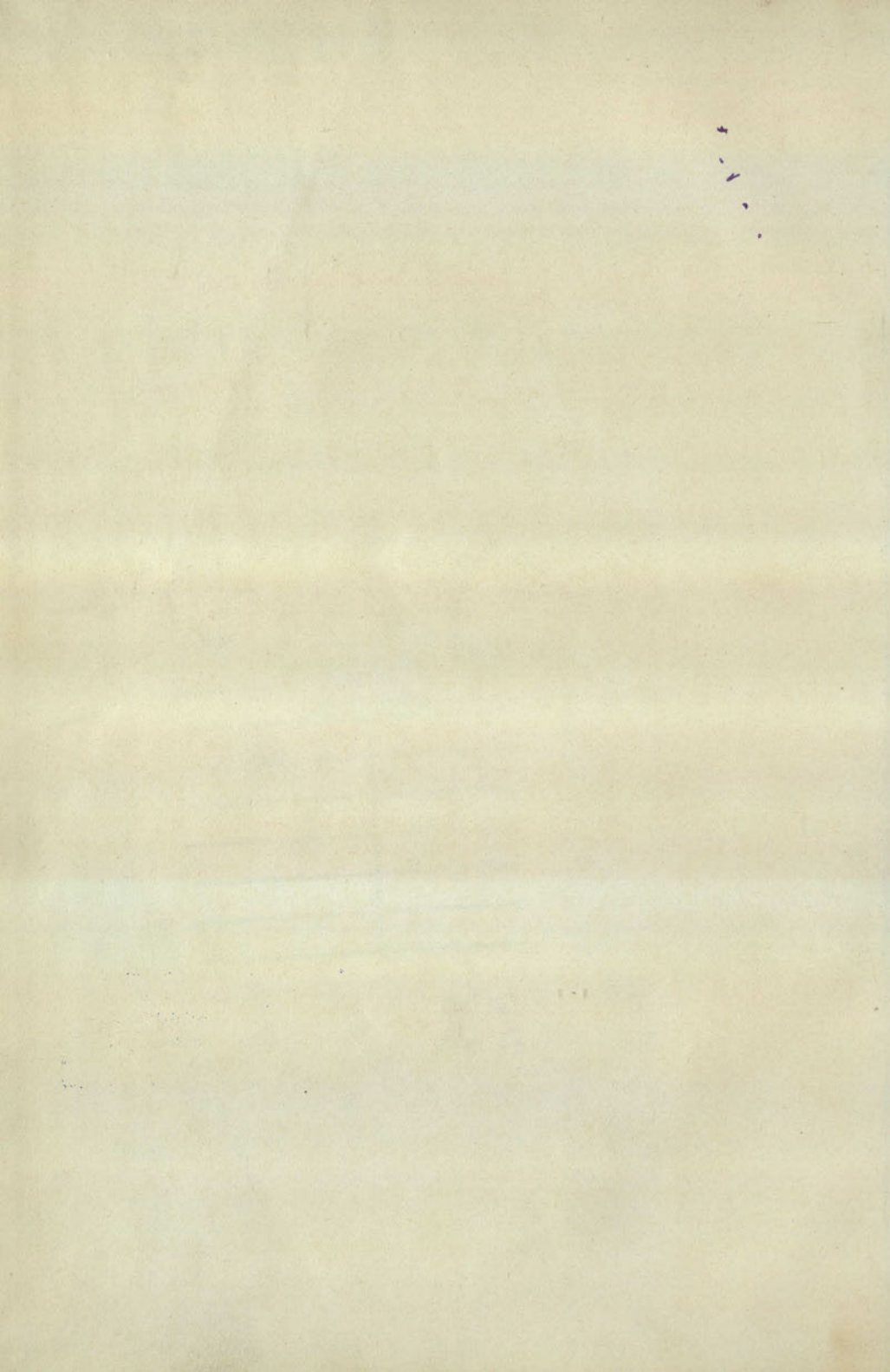
РФ

- 205 -

Творение мира и
человека.....

1883

I. V. 29. 1283.



73
1-52

ТВОРЕНИЕ
МИРА И ЧЕЛОВѢКА

ИЗЪЯСНЕНІЕ

БИБЛЕЙСКОЙ ИСТОРИИ ТВОРЕНИЯ

ВЪ СВЯЗИ СЪ ЕСТЕСТВЕННОЮ ИСТОРИЕЮ

АПОЛОГЕТИЧЕСКІЙ ОПЫТЪ

Протоіеря Н. Сергіевскаго

ЗАСЛУЖЕННАГО ОДИНАРНАГО ПРОФЕССОРА БОГОСЛОВІЯ ВЪ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

~~32827~~

KX

БИБЛИОТЕКА
Ростовского
Епархиального
Управления

М О С К В А.

Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.

1883.

РЕДКИЙ ФОНД

~~245~~

Печатать позволяется. Москва, 31-го марта 1883 года.

Цензорь протоіерей С. Зерновъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Десять лѣтъ тому назадъ, о предметѣ издаваемаго нынѣ сочиненія читаны были авторомъ публичныя лекціи въ московскомъ университетѣ. Потомъ онѣ были на половину переработаны и печатаемы въ „Православномъ Обзорѣніи“. Но трудъ сочиненія и печатаніе были прерваны на самомъ трудномъ мѣстѣ, и прерваны повидимому случайно. Вспомнилось мнѣ, что между хранящимися у меня записками блаженной памяти митрополита Филарета, въ разное время данными имъ по дѣламъ редакціи „Православнаго Обзорѣнія“, есть одна касающаяся предмета моего сочиненія. Въ 1862 г. изъ редакціи была представлена Владыкѣ митрополиту на разсмотрѣніе статья „о шести дняхъ творенія“. Статья не была напечатана вслѣдствіе неодобрительнаго отзыва Владыки. Отыскалъ записку и читаю:

„Первую часть статьи о шести дняхъ творенія можно обвинить даже въ нелѣпости. Писатель думаетъ, что еслибы Богъ хотѣлъ сотворить сушу и растенія въ одни сутки, то не могъ бы сдѣлать сего иначе, какъ употребивъ плутоническіе и нептуническіе процессы, выдуманные геологами; что Богъ не могъ вдругъ произвести земли, способной питать растеніе, а нужна была для сего долгая работа воды и воздуха, хотя впрочемъ самъ же писатель думаетъ, что животныя могли быть произведены мгновенно.

„То очевидно, что *день* во многихъ мѣстахъ Священнаго Писанія значить извѣстное время, или періодъ времени. Но писатель для своихъ геологическихъ переворотовъ дѣлаеть иногда крутые перевороты въ смыслѣ.

„*Яко одеждоу свѣиши небеса, и измѣнятся.* Псаломъ очевидно смотритъ въ будущее: а писатель оборачиваетъ его назадъ.

„Онъ находитъ страннымъ простое значеніе псалма: *милость и судъ*: но самъ даетъ ему толкованіе принужденное.

„*Наши книжники—мѣряютъ дѣла Божества аршиномъ—не шутя воображаютъ—соответственно дѣтскому возрасту народа—ребенку*—всѣ эти насмѣшки надъ буквальнымъ толкованіемъ шести дней творенія падаютъ и на Василія Великаго.

„Статья могла быть написана скромнѣе и осмотрительнѣе: и тогда однимъ принесла бы пользу, другихъ не соблазнила бы. Но въ настоящемъ видѣ болѣе способна возбудить прекословіе, нежели принести пользу.

„Николà, французскій изслѣдователь Христіанства французскимъ, обстрѣляннымъ буйными мыслями ушамъ, говорить скромнѣе о томъ же предметѣ“.

Февраля 18 дня,
1862 года.

Перечитавъ эти строки, я подумалъ, не мнѣ ли собственно, печатающему объ исторіи творенія и остановившемуся на трудномъ мѣстѣ и имѣющему въ виду дальнѣйшія и большія трудности, не мнѣ ли мудрый Святитель повторяетъ теперь свое слово, сказанное прежде для другаго,—не внушаетъ ли онъ мнѣ осторожность, неспѣшность въ обнародованіи мыслей, можетъ-быть, и вѣрныхъ, но недовольно еще изъясненныхъ для того, чтобы онѣ не возбудили прекословія?



Итакъ, я тогда же рѣшилъ остано-
виться дѣломъ пе-
чати, взять время, продолжать изслѣдованіе до тѣхъ
поръ, пока ясно не увижу, что публичное о немъ слово
не будетъ бесполезно.

Работа тогда остановилась на изложеніи *новаго опыта*
изъясненія исторіи творенія. Между тѣмъ побуждаемый
со стороны, особенно покойнымъ Ю. О. Самаринымъ,
котораго просвѣщенное сочувствіе цѣнить надлежало,
я не воспротивился напечатать *общія основанія* новаго
изъяснительнаго опыта. Потомъ Юрія Федоровича не
стало. По ходу сочиненія надлежало предложить „про-
веденіе опыта въ подробностяхъ изъясненія шестодне-
ва“. Затѣмъ по первому плану слѣдовала бы послѣдняя
глава, — *необширное* слово о сотвореніи человѣка, гдѣ
вопросы о происхожденіи человѣка въ единой четѣ, о
единствѣ рода человѣческаго и о древности начала че-
ловѣка были устранены, какъ требующіе отдѣльнаго
изслѣдованія. Но рѣшившись остановиться печатаніемъ
сочиненія, я встрѣтился съ мыслями, хорошо ли, пра-
вильно ли отъ перваго вопроса объ образѣ или спо-
собѣ сотворенія человѣка отдѣлять прочіе антрополо-
гическіе вопросы? Изслѣдованіе всѣхъ этихъ вопросовъ
въ связи не послужитъ ли къ испытанію предлагаемаго
изъяснительнаго опыта?—Очевидно надлежало занять-
ся подробнымъ изученіемъ антропологическаго вопроса,
чтобы видѣть, приложимъ ли къ этому вопросу во всѣхъ
его подробностяхъ новый опытъ изъясненія творенія.
Но вопросъ антропологическій, во внѣшней научной
области, такъ обширенъ, что всякая медлительность въ
изученіи его сама собою понятна, а въ области его
внутренней, библейской такъ важенъ, что великое тво-
реніе св. Василія остановилось на предѣлѣ Творенія
человѣка.



Наконецъ изучивъ по возможности область внѣшнюю и сопоставивъ ея результаты съ ученіями библейскими, я убѣдился, что *новый опытъ изясненія* оправдывается и на исторіи творенія человѣка въ самомъ широкомъ сопоставленіи ученія Библии съ естественными ученіями, даже до послѣднихъ подробностей.

Итакъ совершивъ трудъ со всѣмъ вниманіемъ къ высокому предмету, и безъ какой-либо самонадѣянности исполнивъ то, *что по нашей силѣ*, наконецъ безъ сомнѣнія помысленій рѣшаюсь отдать печати свой трудъ, какъ *опытъ апологій* Творенія, и дѣлаю его извѣстнымъ въ надеждѣ такой мѣры пользы отъ него, какая угодна Творцу Господу во славу Его имени, въ созиданіе Его Церкви, въ просвѣщеніе людей Его, еще же и въ память приснопамятнаго мудраго Святителя Церкви. Онъ и самъ въ свое время потрудился великимъ трудомъ въ томъ же родѣ *, послужившемъ и основою и образцомъ для настоящаго сочиненія отъ самаго зачала его; онъ же былъ наконецъ и главнымъ руководителемъ въ совершеніи сочиненія словомъ своимъ и духомъ, словомъ всегда свѣтоноснымъ и никогда не ветшающимъ, — вѣрнымъ и надежнымъ носителемъ духа Богомудраго и руководителемъ къ испытанію Духа.

Протоіерей Н. Сергіевскій.

Марта 30 дня,
1883 года.

* „Записки на книгу Бытія, руководствующія къ разумѣнію писмени ея „и къ испытанію Духа ея,—при посредствѣ сличенія переводовъ съ подлинникомъ, мнѣній св. Отцевъ и толкователей, преимущественно же, ясныхъ и „собой другія объясняющихъ, мѣстъ самаго Священнаго Писанія“. *Первое изданіе 1816 года. С.-Петербургъ.*

БЛАЖЕННОЙ ПАМЯТИ
СВЯТИТЕЛЯ ФИЛАРЕТА
МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКАГО.

1782 — 1882.

Въ началѣ сотвори Богъ небо и землю (Быт. I, 1).

Въ началѣ бѣ Слово, и Слово бѣ къ Богу, и Богъ бѣ Слово. Вся Тѣмъ быша, и безъ Него ничтоже бысть, еже бысть. Въ Томъ животъ бѣ, и животъ бѣ свѣтъ человѣкомъ (Іоан. I, 1—4).

Вѣрою разумѣваемъ совершитися вѣкомъ глаголомъ Божіимъ, во еже отъ неявляемыхъ видимымъ быти (Евр. XI, 3).

Достойнъ еси Господи пріяти славу, и честь, и силу: яко Ты создалъ еси всяческая, и волею Твоею суть, и сотворени (Апок. IV, 11).

Благослови душе моя Господа.—Господи Боже мой, возвеличился еси зѣло. — Яко возвеличишася дѣла Твоя, Господи: вся Премудростію сотворилъ еси (Пс. СП, 1, 24).

О БИБЛЕЙСКОЙ ИСТОРИИ ТВОРЕНИЯ

ВЪ СВЯЗИ СЪ ЕСТЕСТВЕННОЮ ИСТОРИЕЮ

I.

ВВЕДЕНИЕ.

Задача. — Богословіе и Естествознание. — Планъ и части изслѣдованія. — Литература предмета.

Библейская исторія творенія безспорно есть сложный предметъ для научно-богословскаго изслѣдованія. Какъ по существу дѣла, такъ особенно по историческому ходу наукъ, этотъ предметъ Богословія представляется стоящимъ въ преимущественно близкомъ отношеніи къ наукамъ естественнымъ. Сами естественныя науки въ своихъ опытахъ изъясненія происхожденія міра, образованія земли и развитія ея организмовъ неизбежно касаются библейской исторіи творенія. Поэтому богословіе всегда рассматривало этотъ предметъ въ роученія болѣе или менѣе въ связи съ естественными ученіями. Въ настоящее же время, такое сравнительное разсмотрѣніе особенно нужно и—въ особенной полнотѣ. Естественныя науки для настоящаго времени имѣютъ такое же значеніе, какое имѣла философія для времени своего продолжительнаго господства. А философія опредѣляла и вѣру и невѣріе. Тогда и научно-богословское мышленіе, не теряя изъ виду философскихъ направленій мысли, стѣдило за ними съ напряженнымъ вниманіемъ: что отражалось въ самомъ

построеніи богословія. Не меньшее, если еще не большее, теперь требуется вниманіе отъ богословія къ направленіямъ и къ даннымъ естествознанія. Ибо современное положеніе естественныхъ наукъ имѣетъ еще такую особенность, какой философія никогда не имѣла. Эта особенность состоитъ въ томъ, что въ наше время естествознаніе изъ сокровенности амфитеатровъ и лабораторій выходитъ проповѣдывать такъ сказать на кровлю,—изъ ученыхъ системъ и трактатовъ переходитъ въ общедоступные журналы, пишетъ популярныя руководства; такъ что нынѣ сколько-нибудь образованный человѣкъ уже знаетъ нѣчто и о клѣточкѣ и о безчисленныхъ звѣздныхъ мірахъ, объ инфузоріяхъ, окаменѣлостяхъ ископаемыхъ, о слояхъ геологическихъ и т. п. Популярныя изданія по естествознанію даже въ русской печати, хотя большею частію переводныя, составляютъ уже особую и не незначительную литературу. Понятно, насколько такая общедоступность естественнo-научныхъ знаній распространяетъ кругъ вліянія ихъ на строй мысли въ обществѣ. Для справедливой оцѣнки этого вліянія не должно забывать еще слѣдующихъ обстоятельствъ: болѣе или менѣе поверхностнаго, но импонирующаго характера всякой научной популяризаціи; а въ современномъ естествознаніи—еще нетвердости, неустановленности необходимыхъ границъ между точными результатами науки и гипотезами; наконецъ уже—особаго направленія въ этой области знанія, матеріалистическаго направленія, которое отнюдь не тождественно съ наукою, но выдаетъ себя съ необычайною самоувѣренностію за единственно законное направленіе въ наукѣ. Все это вмѣстѣ взятое создаетъ такое положеніе вещей, при которомъ спеціальное изъясненіе ученія Вѣры о твореніи міра—въ связи съ естествознаніемъ—является, безъ сомнѣнія, современною и неотложною задачею Богословія.

Но чтобы рѣшеніе такой задачи было, по возможности, удовлетворительно, чтобы оно соотвѣтствовало важности

предмета, какъ перваго, основоположнаго предмета въ библейскомъ Откровеніи, а потому—основнаго и для вѣры въ Откровеніе, слѣдственно—и для науки Вѣры или богословія; чтобы наконецъ рѣшеніе задачи было сообразно съ особенными обстоятельствами, въ какихъ задача полагается,—обстоятельствами господства естествознанія въ наше время: въ этихъ условіяхъ, по крайнему нашему разумѣнію, требуется прежде всего опредѣлить основную мысль, которая должна управлять рѣшеніемъ подлежащей задачи. Такимъ образомъ на первомъ мѣстѣ мы поставляемъ рѣшительный вопросъ: въ какое положеніе должно стать богословіе вообще въ отношеніи къ естествознанію? Должно ли богословіе какъ наука Вѣры по Божественному Откровенію—признать своею рѣшительною противоположностію изслѣдованія и открытія наукъ естественныхъ,—чего такъ добивается нынѣ направленіе матеріалистическое?—Конечно, богословіе не сдѣлаетъ такой услуги матеріализму.

Матеріализму весьма желательно, поставить въ діаметральную противоположность—даже вообще науку и Вѣру. Но общій вопросъ объ отношеніи вѣры и науки можно, кажется, считать въ настоящее время уже исчерпаннымъ. Странное дѣло, что христіанская вѣра, бывшая по меньшей мѣрѣ въ теченіе тысячи лѣтъ единственною воспитательницею и хранительницею всякой человѣческой науки, принуждена еще доказывать такую простую вещь. Противная сторона все твердитъ о Галилеѣ и его осужденіи. Но въ томъ, въ чемъ погрѣшили противъ Галилея, виновна не Вѣра христіанская; вина на сторонѣ маловѣрія въ истину Божія Откровенія; еслибъ *вѣрили* въ его истину, то имѣли бы вѣру и въ его могущество. Никогда никакое дѣйствительное открытіе человѣческой науки не можетъ подорвать истины Божественнаго Откровенія; истинное научное познаніе можетъ развѣ углубить разумъ вѣры въ Откровеніе. Таково для вѣры значеніе уже *самой науки о Вѣрѣ* или Богословія. Для нашей

цѣли необходимо войти въ нѣкоторое объясненіе значенія богословской науки.

Путь познанія Вѣры есть богоизволенный путь: *испытайте Писанія*, говоритъ Господь; *подадите въ свѣтъ вашей—разумъ*, увѣщаетъ апостолъ. И своей высшей точки наука Вѣры достигла именно въ христіанствѣ. Христіанское богословіе, какъ наука, само въ себѣ служить лучшимъ доказательствомъ, что наука не есть противоположность Вѣрѣ. Для матеріалиста самое выраженіе: *наука Вѣры* есть какъ бы игра словъ, или же хула на величество науки. Но онъ ошибается. Вѣра, какъ предметъ науки, есть нѣчто такое, что можетъ быть не всходить и на умъ инымъ ея противникамъ. Они воображаютъ, что вся наука заключается въ естествознаніи,—въ знаніи фактовъ природы, а что Вѣра есть отвлеченность ненаучная. Это фантазія. Предметъ Вѣры есть также *дѣйствительный міръ*, какъ и природа видимая; и сама эта природа въ своемъ *изначальномъ происхожденіи* есть первый фактъ Вѣры,—первоположный грунтъ всей ея исторической жизни въ человѣчествѣ. Геогностъ старается изслѣдовать грунтъ почвы, на которой онъ живетъ; онъ открываетъ лежащіе другъ на другѣ слои, изъ коихъ каждый имѣетъ свою особенность въ отличительномъ свойствѣ своихъ элементовъ и въ отсутствіи, или своеобразности окаменѣлостей; такимъ образомъ въ послѣдовательности ихъ онъ открываетъ все болѣе и болѣе богатое раскрытіе органической жизни, пока не является человѣкъ. Повидимому достигнуть послѣдній, высшій пунктъ развитія природы; но нѣтъ,—на этой высшей ступени исторіи природы для *мыслителя* раскрывается обильнѣйшая жизнь въ исторіи *человѣчества*.—Параллельно съ этимъ, но ступеню выше, *наука вѣры* старается изслѣдовать въ этой исторіи духовный фундаментъ факта христіанскаго сознанія Бога и христіанской жизни. И здѣсь—предъ нею открываются также ряды событій и состояній, изъ коихъ каждое послѣдующее покоится на предъидущемъ,—періоды развитія, оставившіе также своего рода

твердые слѣды или останки, но не нѣмыя, и не нарушенныя поврежденіемъ, а нетлѣнные, словесные останки въ древнѣйшихъ Писаніяхъ, представляющихъ въ себѣ какъ бы органическое восхожденіе,—дотолѣ пока великое дѣло не достигаетъ своей вершины,—пока не является человѣкъ, называющій Себя Сыномъ Человѣческимъ. Это высочайшій пунктъ, дальше котораго еще не ушли, но на которомъ раскрылась богатѣйшая новая жизнь въ христіанскомъ мірѣ. Здѣсь въ двухтысящелѣтней его исторіи опять свои ряды событій и состояній, и въ самомъ первомъ изъ нихъ—изумительный памятникъ Писанія историческій, учительный, пророчесвенный, изначала предъизобразившій весь путь дальнѣйшаго развитія, и—дѣйствительною уже совершившагося вполнѣ оправдываемый за событія будущаго. Вотъ предметы науки Вѣры: это основныя факты историческаго фундамента, факты изначальнаго творчества и новотворенія въ полнотѣ времени, и всего дальнѣйшаго всемірнаго домостроительства. Такимъ-то образомъ наука Вѣры по самому предмету своему есть равноправная съ другими науками, и ея матеріаль идетъ какъ бы параллельно съ матеріаломъ самого естествовѣдѣнія; и то и эта имѣютъ дѣло съ фактическимъ, которое должно быть прежде всего понято и установлено. Если угодно, и метода въ обѣихъ наукахъ одна и та же: сравненіе и соединеніе фактическаго въ единичную связь сообразно съ общими законами мышленія. Нужно развѣ, отнять у исторіи, а также у философіи ихъ научный характеръ, а лучше и отъ ума человѣческаго отнять его научное стремленіе и научныя приемы,—тогда и знаніе Вѣры потеряетъ характеръ науки. А это будетъ лишь тогда, когда наступитъ то баснословное время, о которомъ фантазируютъ нѣкоторые матеріалисты, когда *ихъ* міросозерцаніе поглотитъ всѣ другія науки и сдѣлается всё во всемъ,—тогда, но не ранѣе! По матеріалу въ обѣихъ наукахъ, какъ въ наукѣ Вѣры, такъ и въ наукѣ природы, фактъ стоитъ противъ факта. Пусть матеріалистическіе представители

естествознанія игнорируютъ факты христіанской Вѣры и знаніе о нихъ,—съ высокоуміемъ какъ устарѣвшую точку зрѣнія; но это значитъ закрывать глаза, чтобъ не видѣть враждебной дѣйствительности; а дѣйствительность отъ этого не исчезаетъ.

Что же мы имѣемъ въ виду, говоря о научномъ значеніи богословія? Убѣдить ли въ томъ матеріалистовъ по профессіи, которые читать насъ не станутъ? Мы имѣемъ въ виду преимущественно образованныхъ православныхъ; мы желаемъ, чтобы тѣмъ изъ нихъ, у кого прежде не было, запала мысль, что наука Вѣры великое дѣло въ интересъ самой Вѣры, что отрицаться богословія какъ какой-то отвлеченности нынѣ значитъ подавать руку противникамъ Вѣры, и вообще значитъ дѣлать худую услугу Вѣрѣ, какъ-либо опорочивая серьезный научный анализъ въ отношеніи къ ея премудрѣйшему, разумѣйшему содержанію. Однако и это—не главная наша цѣль; главная еще впереди.

Если Вѣра сама является предметомъ науки,—имѣетъ свою науку, точную, многообъемлющую, каково христіанское Богословіе; то, чрезъ эту науку, *Вѣра* уже ближайшимъ образомъ *посредствуется съ прочими науками*; и отсюда возникаютъ не случайныя, но необходимыя отношенія между ними. Съ этой точки зрѣнія, надѣмся, можно представить опредѣленный и не случайный взглядъ на отношенія науки Вѣры и науки о природѣ, отнюдь не какъ отношенія противоположностей. Мы рѣшительно не можемъ смотрѣть на богослововъ и естествоиспытателей какъ на противниковъ. При этомъ, конечно, необходимо и справедливо выдѣлить изъ области положительнаго естествовѣдѣнія ту матеріалистическую натурметафизику, которая преднамѣренно или слѣпо является страшною противницею Вѣры вообще, не только какъ предмета богословія, но главнымъ образомъ какъ основы жизни человѣчества. Эта противоположность совсѣмъ не научнаго свойства, хотя бы къ ней и принадлежали люди занимающіеся положительною наукою; эта противополож-

ность, если бы серьёзно взять её какъ положительно-единое и всё, есть отрицаніе науки и, при послѣдовательномъ про-
веденіи, она явилась бы отрицаніемъ самой себя. Мы готовы въ ней видѣть извѣстное философическое направленіе; и съ этой стороны готовы отнестись къ ней какъ къ естественной реакціи противъ другихъ крайнихъ направленій; всякая же реакція въ ходѣ исторіи мысли имѣетъ свое значеніе. Но признать её тождественною съ положительнымъ естествозна-
ніемъ, надѣмся, воспретило бы намъ само естествознаніе. При этомъ однако мы готовы самихъ матеріалистовъ, на-
сколько они естествовѣды (а между ними есть примѣчательные естествовѣды), готовы именно настолько не считать мате-
ріалистами. Послѣ же этой оговорки, нѣтъ основанія видѣть въ наукѣ Вѣры и въ естествовѣдѣніи, равно какъ и въ на-
укѣ Вѣры и наукѣ общей какія-то двѣ враждебныя силы. Это два отдѣленія трудящихся въ познаніи Единой истинѣ;
тѣ и другіе любятъ истину, допытываются о ней у неба и
земли, ищутъ её *въ потѣ лица и горя духомъ*. Тутъ мы ви-
димъ соработниковъ одного и того же великаго дѣла, которые
то расходятся каждый на дѣланіе свое, то ведутъ цѣлое дѣ-
ло какъ бы сообща. Успѣхъ каждаго есть успѣхъ для всѣхъ.
При такомъ взглядѣ на дѣло, отношенія знанія Вѣры и ка-
кой угодно другой науки могутъ быть мирными и безъ кон-
кордата. Въ ихъ отношеніяхъ предстоитъ задача не какого-
либо примиренія, какъ сдѣлки между двумя сторонами, но
задача спокойнаго строгаго сравненія различныхъ научныхъ
опытовъ, результатомъ котораго непременно должна выйти
истина, то-есть или положительное знаніе, добытое счастли-
вымъ опытомъ, или знаніе о томъ, что извѣстный научный
опытъ есть только или вѣроятенъ или же невѣренъ. Будь
науки закончены и строго сравнены, человѣчеству предста-
ло бы вполне согласное познаніе истины, какое только до-
ступно ему на землѣ, но посему и—болѣе полное познаніе
Вѣры. Пока это еще не совершилось, каждая наука въ сво-
ей отдѣльной области живетъ сколько положительнымъ, уже

достигнутымъ знаніемъ, столько же, если не больше—надеждою знанія въ будущемъ, притомъ надеждою не на свой лишь исключительный трудъ, но на общій трудъ всѣхъ наукъ. Въ такомъ взаимодѣйствіи наукъ есть мѣсто критикѣ, которая сама есть не что иное, какъ научный методъ, но не должно быть мѣсто враждѣ.

Но такъ поставляя дѣло, не поставляемъ ли мы самый предметъ Вѣры предъ судомъ другихъ наукъ, и — его вѣчную истину какъ бы въ зависимость отъ ихъ измѣнчивыхъ рѣшеній? Мы уже показали, что предметъ вѣры въ самой наукѣ о Вѣрѣ является какъ матеріалъ научнаго познанія, то есть какъ матеріалъ анализа и синтеза научныхъ; однако это не означаетъ же *порабощенія* Вѣры богословско-научнымъ методамъ. Тѣмъ менѣе должно быть недоумѣнія въ отношеніи науки къ наукѣ, или метода къ методу. Знанію вѣры менѣе, чѣмъ какой-либо наукѣ, можно опасаться подъ вліяніемъ общаго взаимодѣйствія поступиться своею истиною; или лучше — ему не предстоить ни малѣйшей такой опасности, лишь бы оно различало между безусловною истиною своего предмета какъ Божественнаго Откровенія и своими научными опредѣленіями, изслѣдованіями, доказательствами. Никакія открытія наукъ доселѣ не превзошли, и никакія открытія въ будущемъ не превзойдутъ истины Откровенія; но исторія показываетъ въ прошедшемъ и можетъ показать въ будущемъ, что вслѣдствіе дѣйствительныхъ какихъ-либо открытій въ наукахъ общихъ, — опредѣленія, доказательства, построенія человѣчески-богословскаго мышленія или богословской науки преобразуются, углубляются, достигаютъ большой внутренней стройности. А въ этомъ, конечно, нѣтъ ничего, кромѣ блага для науки о Вѣрѣ, слѣдственно для познанія Вѣры. Истина Откровенія всегда неизмѣнна, но ея познаніе можетъ быть болѣе полное и менѣе полное. Всѣ необходимое Вѣрѣ и исповѣданію *во спасеніе* открыто ясно, то-есть всё, что никогда не было бы открыто никакими усиліями человѣческаго познанія, то въ Откровеніи изглаголено

ясно, и потому твёрдо стоитъ и въ познаніи Вѣры; хотя и здѣсь *познанію* невозможно уравниваться съ содержаніемъ Откровенія. Но слово Божіе есть *жизнь и духъ* всеобъемлющіе. Коснётся этотъ духъ истиннаго естественнаго познанія, и—оживить его, увѣрить въ его истинности; а это познаніе въ свою очередь освѣтитъ познаніе Вѣры. Едва ли кто станетъ сомнѣваться, что познаніе въ извѣстной мѣрѣ зависитъ и отъ естественной силы и средствъ познаванія. Значить, можно говорить безъ обольщенія, что при извѣстныхъ успѣхахъ общенаучнаго анализа, и богословскому анализу могутъ стать болѣе доступными такіа стороны иныхъ его предметовъ, которыя прежде были менѣе доступны,—или же богословскому языку предстанутъ такіа реченія, такіа выраженія для его предмета, которыя лучше освѣтятъ его для познанія извѣстнаго времени, которыя прежде не были возможны, хотя бы потому, что не были нужны по ходу общаго образованія. Вѣра не есть мёртвое слово, но есть жизнь и духъ, которые требуютъ живаго и глубокаго испытанія и никогда не могутъ быть исчерпаны. Надобно понять и помнить, что знанію о Вѣрѣ противостоятъ не только тѣ или другія мнѣнія общихъ наукъ, еще не разрѣшенныя для нихъ и для него въ смыслѣ рѣшительной истины; ему также предстоитъ прежде всего и собственный предметъ, безъ сомнѣнія не вполнѣ еще обнятый знаніемъ. *Нынѣ разумѣмъ отчасти.* И ни одна богословская *система* не можетъ выдавать себя *вполнѣ равнымъ* выраженіемъ истины Откровенія. Слѣдственно и знанію о вѣрѣ, какъ наукѣ, свойственно исканіе истины, то-есть большее и большее проникновеніе въ безпредѣльную глубину своего предмета; и если ей на этомъ пути случится найти какую-либо помощь въ опытахъ другихъ наукъ, то принять такую помощь можно и должно съ радостію и признательностію. *Вся испытующе, добрая держите.*

Говоря такимъ образомъ, мы не что-либо новое проповѣдуемъ, а лишь обосновываемъ и ясно выражаемъ обычный научный приѣмъ богословія. Напримѣръ, Догматика никогда

не пренебрегала философію; церковная исторія—общую археологію; при истолкованіи Писанія, богословіе съ очеvidною пользою для экзегезиса всегда соображалось съ открытіями въ области еврейской и греческой филологіи, со всякимъ новымъ манускриптомъ священныхъ книгъ; и конечно можетъ пользоваться открытіями и не священныхъ древнихъ памятниковъ, каковы памятники Востока—Египта, Ниневіи, Вавилона, которыми нынѣ какъ нельзя болѣе изъясняются и подтверждаются наприм. извѣстные мѣста пророковъ Исаи (XXIII), Езекии (XXVI) и Осіи (IX, 3), которые противниками Откровенія прежде выставлялись какъ будто погрѣшительныя. Неужели же богословіе не можетъ относиться подобнымъ же образомъ къ естествознанію, къ его открытіямъ, изъясняя сказаніе священной исторіи творенія? На этотъ послѣдній вопросъ мы имѣемъ рѣшительный отвѣтъ въ знаменитомъ твореніи св. Василія Великаго, въ его бесѣдахъ на *Шестодневъ*, гдѣ св. Отецъ Церкви является сколько великимъ богословомъ, столько же естествословомъ, который обнялъ всю совокупность естественныхъ познаній своего времени и небоязненно представилъ ихъ въ гармоніи съ ученіемъ Откровенія.

Итакъ богословіе не можетъ смотрѣть на естествознаніе какъ на свою противоположность, какъ ни желалось бы этого матеріалистическому направленію въ естествознаніи. Надѣемся, мы довольно ясно показали, что самое существованіе *науки о Вѣрѣ* фактически объединяетъ мнимыя противоположности; что предметы Вѣры въ отношеніи къ научному познанію представляютъ точный, не только мысленный, но фактическій матеріалъ, какъ бы своего рода *космосъ*, вселенный міръ, котораго происхожденіе, образованіе и дальнѣйшее развитіе также изслѣдуется въ наукѣ богословской, какъ изслѣдуется видимый міръ въ наукахъ естественныхъ. Мы показали, что въ общей системѣ наукъ всѣ онѣ и каждая идутъ къ одной цѣли, къ познанію Единой истины, и потому необходимо помогаютъ одна другой такъ, что успѣхъ

каждой есть успѣхъ для всѣхъ наукъ; что по этому отноше-
ніе богословія къ прочимъ наукамъ должно быть отноше-
ніемъ *научнымъ*, т.-е. критическимъ, но не враждебнымъ, и—
признающимъ истину, гдѣ она есть, въ каждой научной об-
ласти. Для устраненія здѣсь недоумѣній мы показали, что
человѣческое *познаніе* Вѣры не можетъ отождествлять себя
съ божественнымъ Откровеніемъ Вѣры; что Откровеніе есть
вѣчная неизмѣнная истина, но познаніе ея подчинено измѣ-
няющимся условіямъ и можетъ быть болѣе полное и менѣе
полное; что это познаніе зависитъ и отъ естественной силы
и отъ естественныхъ средствъ познаванія, тоже богодаруе-
мыхъ,—суть ли это общіе приемы и средства мышленія, или
фактическія познанія въ разныхъ областяхъ наукъ. Мы по-
казали, что богословіе такъ всегда и поступало, напр. въ
отношеніи къ философіи—въ догматикѣ; въ отношеніи къ
филологіи—въ толкованіи Писанія; въ отношеніи къ архео-
логіи—въ исторіи церковной; что слѣдственно, наконецъ—по
историческому ходу наукъ, выдвинувшему нынѣ естество-
знаніе на особенно видное мѣсто,—богословіе и въ отноше-
ніи къ естественной наукѣ можетъ и должно стать въ по-
добное же научное отношеніе,—нимало не смущаясь мечта-
ніями матеріализма... Естествознаніе и матеріализмъ не си-
нонимы. Сами естествовѣды, и притомъ передовые предста-
вители науки, какъ напр. Агасисъ, Либихъ, возстаютъ про-
тивъ матеріалистической лжи и посмѣваются надъ ея кликою:
«велика богиня матерія!» Мы могли бы назвать еще многія
имена первостепенныхъ ученыхъ естествовѣдовъ въ Герма-
ніи, Англіи, Франціи, Шотландіи, Америкѣ *, даже у насъ,—
которые открыто исповѣдываютъ свое вѣрованіе въ истину
Откровенія Слова Божія, даже отдаваясь специальнымъ тру-
дамъ въ которыхъ они пытаются изъяснить согласіе Откро-
венія съ науками естественными. Но какъ бы то ни было,

* Имена эти во множествѣ названы у Рейша, въ VI чтеніи его замѣча-
тельной книги относящейся къ нашему предмету: „Bibel und Natur.“

природа есть также Откровеніе Божіе, собственно на которомъ дѣйствуетъ и созидаетъ само Откровеніе Вѣры. Значить богословію и по внутренней своей задачѣ, нельзя отвращать взора отъ фактовъ природы, слѣдственно и отъ естествознанія. Если богословіе прежде обращало вниманіе болѣе на философію, чѣмъ на естественную науку; это совершенно законно. Естествовѣдѣніе тогда не имѣло того значенія въ научной области, какое нынѣ имѣетъ. Только въ послѣднее время естественная исторія получила настоящее значеніе науки и сдѣлалась силою умственного движенія въ-ка. Можно смѣло утверждать, что наши предшественники обратили бы достодожное вниманіе на естествовѣдѣніе, если-бы оно въ ихъ время возымѣло такое же значеніе, какимъ обладаетъ въ наше время. И это вниманіе было бы, конечно, не иное, какъ научно-критическое; но не въ однихъ цѣляхъ полемическихъ, ибо критика не есть только полемика. Каково было вниманіе богословія къ философіи, таково же должно быть его вниманіе и въ отношеніи къ естествовѣдѣнію.

Установивши такимъ образомъ общій взглядъ на предлагающую намъ задачу сравнительнаго научно-богословскаго изслѣдованія о предметѣ богословскомъ и вмѣстѣ естественно-научномъ, постараемся теперь по возможности изъяснить, сообразно съ этимъ общимъ взглядомъ, частные предметы и планъ нашего изслѣдованія.

Не считая естествознаніе противоположностію Вѣры, этимъ однако мы не утверждаемъ того, чтобъ естественныя науки, даже внѣ области матеріализма, были во всѣхъ своихъ положеніяхъ и гипотезахъ вполне согласны и совпадали съ св. Писаніемъ, по всѣмъ пунктамъ, въ которыхъ онѣ находятся съ нимъ въ соприкосновеніи. Но мы надѣемся выставить въ надлежащемъ свѣтѣ то, какъ *несомнѣнные результаты* новѣйшаго естествовѣдѣнія гармонируютъ съ духомъ и словомъ св. Писанія. Что же касается остающейся разности между обѣими областями познанія, библейскаго и естествен-

наго; мы постараемся освѣтить эту разность критически, и возвести ее изъ общихъ, неопредѣленныхъ предположеній къ фактической дѣйствительной ея нормѣ, пользуясь научнымъ анализомъ какъ богословскимъ, такъ и—самого естествознанія. Въ послѣднемъ случаѣ мы будемъ пользоваться всѣми свидѣтельствами самихъ представителей современнаго естествознанія.

Въ такихъ цѣляхъ восходя къ пониманію дѣла въ самомъ его принципѣ, намъ прежде всего слѣдуетъ сдѣлать разграниченіе между областями библейскаго вѣроученія и естественной науки, по собственнымъ законамъ каждой области. Необходимо выставить на первомъ планѣ *существо* священнаго Писанія какъ памятника откровенія Вѣры; и въ этомъ его качествѣ опредѣлить потомъ самое *значеніе* откровенія о природѣ. Такъ Библия своимъ существомъ предъизобразитъ свои предѣлы, далѣе которыхъ она идти не хочетъ. Послѣ этого мы спросимъ само естествознаніе о *существовѣ* его области и ея предѣлахъ. Рѣшивши такимъ образомъ со возможною опредѣленностію вопросы основные, отъ обычной неясности которыхъ главнѣе всего и зависитъ большая часть недоумѣній въ отношеніи изслѣдуемаго нами предмета,—мы поставимъ свою задачу ясно и рѣшительно. Мы знаемъ, что такая постановка увеличить трудности дѣла; но скрывать эти трудности значило бы унижать дѣло, которое мы защищаемъ; оно сильно своею истиною восторжествовать надъ всѣми трудностями.—Въ этой мысли, далѣе мы изложимъ саму *исторію творенія по Библии*, прежде только съ богословскимъ изъясненіемъ, независимо отъ данныхъ естествознанія,—исторію творенія какъ начало цѣлаго библейскаго ученія о природѣ и человѣкѣ; и поставимъ съ нею въ связь эту цѣлость ученія, какъ лучшее внутреннее ея изъясненіе и оправданіе. Здѣсь уже откроется предъ нами богатѣйшая сокровищница непоколебимыхъ истинъ, возвышающихся надъ всѣми фазами изслѣдованія природы. Но здѣсь же, для рѣшительнаго сравненія, пусть станетъ картина, какую рисуетъ современное

естествознаніе въ параллель библейскому изображенію. Мы не будемъ ни ослаблять красокъ, ни уменьшать размѣровъ этой картины, будучи глубоко убѣждены, что даже одно это сопоставленіе, столь близкое и рѣшительное, само собою способно показать преимущество и свѣта и предѣловъ истины Откровенія Вѣры предъ открытіями и гипотезами и даже чаяніями естественнаго познанія.—Но само собою разумѣется, что вмѣстѣ съ этимъ, особенно ясно откроются и разности мнимыя и дѣйствительныя, которыя намъ предлежитъ различить и изъяснить строгимъ научнымъ анализомъ,—которыя, ради самаго величія истины Откровенія, только и могутъ и должны быть изъясняемы не спѣшнымъ словомъ отрицанія нисшей области, но мѣрнымъ, безпристрастнымъ изслѣдованіемъ нисшей и высшей. Мы замѣтили, что богословіе всегда разсматривало ученіе Откровенія о твореніи не безъ отношенія къ естественному ученію о природѣ. Поэтому какъ ни ново настоящее господственное положеніе естественныхъ наукъ, однако въ исторіи богословскаго анализа уже имѣются *опыты*, вызванные новымъ положеніемъ вещей,—опыты изъясненія библейской исторіи творенія сравнительно съ естествою исторіею. Итакъ въ дальнѣйшемъ ходѣ нашего изслѣдованія мы подвергнемъ подробному разсмотрѣнію эти изъяснительныя опыты. Изъ этого разсмотрѣнія наглядно откроется, какъ серьезно относится богословская наука къ своему предмету, какъ твердо и послѣдовательно, а не случайно она идетъ въ рѣшеніи великаго вопроса; съ тѣмъ вмѣстѣ откроется, что этотъ вопросъ есть дѣйствительно великій, что отношеніе естествознанія къ ученію Вѣры не есть нѣкоторая простая ариѳметическая задача, съ которою такъ легко порѣшаетъ матеріализмъ къ обольщенію себя и людей мало знакомыхъ съ дѣломъ, но есть задача сложная, трудная, подвигающаяся къ рѣшенію постепенно, и къ рѣшенію именно въ смыслъ истины Откровенія.—Не предупреждая хода изслѣдованія, однако мы при-
нуждены здѣсь замѣтить, что критика доселѣ въ богословіи

извѣстныхъ изъяснительныхъ опытовъ, показавши въ каждомъ изъ нихъ моментъ истиннаго познанія, расширяющагося и углубляющагося съ каждымъ новымъ опытомъ,—показавши такимъ образомъ, что сдѣлано богословскою наукою для рѣшенія нашего вопроса, вмѣстѣ съ тѣмъ покажетъ, что предстоитъ еще сдѣлать богословскому анализу для удовлетворительнѣйшаго рѣшенія, какое только возможно по современному состоянiю научныхъ средствъ какъ въ богословской, такъ и въ естественно-научной области. Сообразно съ этимъ, воспользовавшись данными, выработанными критикою, мы будемъ наконецъ имѣть средства *въ новомъ опытѣ* изобразить, можетъ быть, рѣшительнѣе доступную глубину Библейскаго ученія о творенiи сравнительно съ естественнымъ познанiемъ о природѣ.—Но вѣнецъ творенiя и природы человѣкъ; и наше изслѣдованiе должно завершиться изъясненiемъ особенностей ученія о человѣкѣ по Библии и естествознанiю. Здѣсь мы увидимъ, въ какой внутренней связи съ этимъ послѣднимъ отдѣломъ изслѣдованiя стоитъ все предидущее; и какая органическая цѣлость во всемъ ученiи библейскомъ; и какъ принципиально разрѣшаются съ его точки зрѣнiя всѣ недоумѣнiя возбуждаемыя въ естественной исторiи собственно о человѣкѣ, о его происхожденiи, недоумѣнiя космогоническiя, палеонтологическiя, полигенистическiя. Такъ проведенное изслѣдованiе, въ концѣ концовъ, очевидно, будетъ апологiею Библии. Поэтому мы называемъ наше изслѣдованiе *апологетическимъ*. Заключенiемъ апологiи должно быть сопоставленiе исторiи творенiя съ цѣлымъ библейскимъ ученiемъ о мiрѣ и человѣкѣ, какъ рѣшительное доказательство того, что, какъ согласно съ результатами, такъ и несмотря на результаты естествознанiя, Священное Писанiе оказываетъ себя непреложнымъ памятникомъ Откровенiя истины, которая стоитъ неизмѣримо выше всѣхъ человѣческихъ открытiй и которая никакими открытiями никакой науки никогда не можетъ быть ни умалена, ни тѣмъ менѣе поколеблена; напротивъ того — строго сопоставляемая съ

познаніями научными, еще болѣе открываетъ безмѣрность своихъ горизонтовъ и своей глубины. Такъ обосновываемая увѣренность во внутренней силѣ истины Вѣры можетъ необязательно и свободно не только признавать, но даже вызывать право свободного добросовѣстнаго изслѣдованія естественной науки. Даже помимо намѣренія, такое изслѣдованіе будетъ содѣйствовать возстановленію природы въ правахъ Откровенія живаго Бога и Творца,—природы столь легкомысленно нынѣ злоупотребляемой для сокрытія Бога и для ослабленія вѣры въ Откровеніе слова Божія: ибо природа какъ одно изъ начальныхъ Откровеній положена во внутреннѣйшемъ согласіи и сродствѣ со всею совокупностію послѣдующихъ Откровеній Божіихъ въ исторіи спасенія. Примѣчательно, что тѣ вѣтви естественной науки, которыя имѣютъ ближайшее отношеніе къ Библіи, начали особенно цвѣсти только въ послѣднее время. Это обстоятельство напоминаетъ намъ знаменательныя слова великаго въ свое время естествоиспытателя Бюффона: «истины природы *откроются* съ исполненіемъ времени; Вседержитель и Творецъ собираетъ ихъ какъ послѣднее средство, свидѣтельствовать о Себѣ человѣку, когда откроется ослабленіе вѣры».

Литература нашего предмета очень обильна. Она обнимаетъ двѣ научныя области. Одинъ изъ аккуратнѣйшихъ нѣмецкихъ апологетовъ «Библейской исторіи въ связи съ Естествознаніемъ», профессоръ боннскаго университета *Рейш* употребилъ восемь страницъ своей книги, чтобъ только назвать имена и сочиненія относящіяся къ ея предмету. Указавши на Рейша, мы избавляемъ себя и читателей отъ подобнаго подробнаго перечня. Назовемъ лишь нѣсколько сочиненій изъ новыхъ и особенно—богословскихъ. Таковы *Курца*, дерптскаго профессора, «Библія и Астрономія, или изложеніе Библейской космогоніи и ея отношеній къ естественнымъ наукамъ» (Берлинъ 1864);—*Шулца*, бреславльскаго профессора, «Исторія творенія по естествозна-

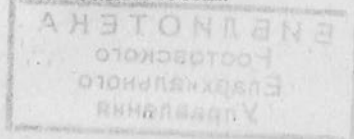
нію и Библіи» (Гота 1865);—*Бозиціо* «Шестидневное твореніе и геологія» (Майнцъ 1865);—*Піанціани* «Естественная космогонія сравненная съ книгою Бытія» (Римъ 1862);—*Цольманна* «Библія и природа въ гармоніи ихъ Откровеній» (Гамбургъ 1869). Не излишне назвать еще книгу *Виземана*, пользовавшуюся заслуженною извѣстностію и нынѣ имѣющую научное значеніе: «Разсужденія объ отношеніяхъ между наукою и откровенною религіею» (Парижъ 1837);—также книгу *Николя*: «Научныя изслѣдованія о Христіанствѣ» (1846). Не продолжая перечня сочиненій иностранной литературы, лучше скажемъ нѣсколько словъ о ея характерѣ. Въ ней можно различить четыре главныхъ направленія. Два изъ нихъ, каждое однако по своему, стараются обосновать ту мысль, что между предметомъ Библейскаго сказанія и дѣломъ естествознанія вообще не можетъ быть никакого недоразумѣнія; и въ этомъ смыслѣ естественная наука съ ея фактами и гипотезами отсылается—или ко времени дошестидневнаго творенія, къ неопредѣленному въ Библіи времени первобытнаго хаоса, или же—ко времени послѣ творенія, къ событію библейскаго всемірнаго потопа. Два другія направленія стараются устанавливать параллель между самою исторіею творенія по Библіи и естественною исторіею—такъ, что въ одномъ направленіи проводится параллель между днями творенія и геологическими эпохами—по возможности точная, какъ параллель двухъ линій точка въ точку взаимно соотвѣтствующихъ; въ другомъ же—параллель проецируется идеальная, дающая понимать внутреннее соотвѣтствіе собственно между основными мыслями священнаго сказанія о твореніи и только главными, достовѣрнѣйшими результатами естественной науки. Примѣтивши эти направленія, уже не трудно оріентироваться во множествѣ и разнообразіи сочиненій по нашему предмету. Всѣ они такимъ образомъ распредѣляются въ четырехъ, рѣзко различающихся одна отъ другой, группахъ. Каждая имѣетъ свое значеніе; и потому правильное пользованіе ими не должно

БИБЛИОТЕКА
Ростовскаго
Епархіального
Управления

РЕДКИЙ ФОНД

допускать смѣшенія, или безразличнаго пользованія сочиненіями разныхъ направленій. Изъ названныхъ нами сочиненій, къ первому направленію принадлежитъ книга Курца, ко второму—книга Бозиціо, къ третьему—сочиненія Рейша и Піанчіани, къ четвертому—Шульца. Въ ходъ нашего изслѣдованія мы покажемъ на своихъ мѣстахъ и другія имѣющія значеніе сочиненія—по ихъ принадлежности къ тому или другому направленію.

Но это—литература иностранная. У насъ еще нѣтъ своей спеціальной литературы по предмету сравнительнаго изученія Библии и естествознанія. Однако у насъ есть капитальное твореніе относящееся къ этому роду изслѣдованія, хотя представляющее только результатъ такого изслѣдованія, и не обнажающее своей серьезной предварительной работы. Это твореніе, замѣчательное еще и по судьбѣ своей, которая опредѣляетъ и его значеніе, — достойно стать во главу въ зачинающейся православно-богословской, русской литературѣ по нашему предмету. *Записки на книгу Бытія*, блаженной памяти московскаго митрополита Филарета, въ первый разъ были напечатаны въ 1816 году. Последнее изданіе, съ согласія автора, сдѣлано въ годъ его смерти въ 1867 году. Великій авторъ скромно просилъ издателей (общество любителей духовнаго просвѣщенія), чтобъ они пересмотрѣли тѣ мѣста книги, которыя могутъ имѣть отношеніе къ естествовѣдѣнію, и если потребуется—сдѣлали бы проэкты примѣчаній, и показали ему. Мы не знаемъ, какіе проэкты были представлены; но книга вышла безъ малѣйшихъ измѣненій и прибавленій. Надобно сравнить состояніе естественныхъ наукъ въ началѣ нашего вѣка и въ наши дни. Однако, читая, въ *Запискахъ на книгу Бытія*, главы о твореніи, можно подумать, что книга писана именно въ послѣдніе годы. Собственно, это толковательный трудъ библейскій виѣ прямого отношенія къ естествознанію, но составленный такъ, какъ могъ составить только великій богословъ и вмѣстѣ естествовѣдъ нашего времени. Въ ходъ нашего изслѣдованія мы будемъ имѣть случай оправдать это фактически.



Такъ какъ въ послѣднее время наша богословская литература вообще есть больше журнальная литература, то надлежитъ искать статей по нашему предмету въ нашихъ духовныхъ журналахъ. Перечислять эти статьи мы не будемъ, однако считаемъ нужнымъ напомнить статьи проф. *Кудряцева* въ «Правосл. Обозрѣніи» *о происхожденіи рода человеческого* и въ «Твореніяхъ св. Отцовъ» *о единствѣ рода человеческого*. Можно указать и на разборъ ученія Дарвина «о происхожденіи видовъ въ царствѣ растительномъ и животномъ»; это примѣчательная статья *Фрошаммера* изъ Атеней, переведенная на русскій языкъ въ «Твореніяхъ св. Отцовъ» въ томъ самомъ году, какъ появился первый русскій переводъ книги Дарвина.

Въ заключеніе о литературѣ нашего предмета, скажемъ нѣсколько словъ о церковно-богословскихъ твореніяхъ и особенно о «Шестодневѣ» св. Василия Великаго *. Церковные опыты изъясненія Шестоднева, или шести дней творенія были и прежде и послѣ св. Василия. Но о прежнихъ опытахъ Св. *Ееофилъ Антиохійскій*, во второмъ вѣкѣ, говорилъ: «нѣтъ никого между людьми кто могъ бы достойно изложить и изъяснить все домостроительство шестидневнаго творенія,—обладай онъ тысячею устъ, владѣй тысячею языковъ. Многіе писатели предпринимали этотъ трудъ; одни избирали своимъ предметомъ твореніе міра, другіе происхожденіе человѣка, и можетъ быть, ни одинъ не принесъ искры свѣта, которая была бы достойна божественной истины» **. Строгость сужденія оправдывается трудностію предмета. Неизвѣстно, каковъ послѣ былъ шестодневъ св. *Ипполита*. Мы знаемъ нѣчто о толкованіи *Оригена*: это не столько изъясненіе библейскаго сказанія, сколько затемнѣніе аллегоріями.—Шестодневъ св. *Василія*, по чистотѣ ученія и искусству изложенія, оставилъ въ тѣни и наконецъ въ забвеніи всѣхъ его пред-

* Рус. перевод. въ изд. Твор. св. Отцевъ 1845 г.

** *Ееоф. Ант. II къ Автолику*, изд. въ русск. пер. свящ. *Преображенскаго*.

шественниковъ. «Тѣ, которые читали толкованіе св. Василія», говорить св. Григорій Нисскій, «удивляются ему не менѣе, какъ и самому тексту Моисея; и мнѣ кажется это основательнымъ: ибо между сими двумя твореніями такое же отношеніе, какое между зерномъ и колосомъ, изъ зерна вырастающимъ. Что Моисей заключилъ въ немногія слова, то Василій развилъ столь возвышенно, что это даже не только колосъ, но дерево подобное тому, какое произрастаетъ изъ горчичнаго зерна и которое въ Евангеліи уподобляется царствію Божію». «Св. Василій, по словамъ того же Григорія, одинъ могъ такъ показать величіе дѣлъ Божіихъ. Какъ ни возвышенно дѣло творенія, но теперь всякій можетъ уразумѣвать оное при помощи изъясненія св. Василія» *. Последними словами Григорія Нискаго безпристрастно изображается значеніе и его собственнаго «Шестоднева». Извѣстно, что св. Григорій Назіанзенъ, а также и Фотій восписывали столь же великія похвалы творенію святителя кесарійскаго; а св. Амвросій, подражая ему, или лучше переводя оное, тѣмъ самымъ воздалъ автору такое почтеніе, такое свидѣтельство, какое только можетъ воздать великій великому. Отличительный характеръ Шестоднева св. Василія, отношеніе его къ предшествовавшимъ, особенно оригеновскимъ опытамъ толкованія исторіи творенія, лучше всего изображается въ слѣдующихъ словахъ самого Василія: «извѣстны мнѣ правила иносказаній, хотя не самъ я изобрѣлъ ихъ, но нашелъ въ сочиненіяхъ другихъ. По симъ правиламъ, иные, принимая написанное не въ общеупотребительномъ смыслѣ, воду называютъ не водою, но какимъ-нибудь другимъ веществомъ; и растенію и рыбѣ даютъ значеніе по своему усмотрѣнію; даже бытіе гадовъ и звѣрей объясняютъ сообразно съ своими понятіями, подобно какъ снотолкователи видѣнному въ сонныхъ мечтаніяхъ даютъ толкованія согласныя съ собственнымъ ихъ намѣреніемъ. А я слыша о

* Св. Григ. Нисск. *Шестодневъ*, стр. 2.

травѣ, траву и разумѣю; также растеніе, рыбу, звѣря и скотъ, всё чѣмъ оно названо, за то и принимаю. *Не стыжуся бо благовѣствованіемъ...* Ужели точнымъ словесамъ Духа предпочту (мудрость мнимую? Не паче ли прославлю Того, Кто не затруднилъ ума нашего предметами тщетными, но управилъ все домостроительство Писанія въ цѣляхъ назиданія и усовершенія душъ нашихъ? Сего, кажется мнѣ, не уразумѣли тѣ, кои вдаваясь въ изысканные смыслы аллегоріи, вознамѣрились придать нѣкоторую, своего изобрѣтенія, важность Писанію. Но это значитъ ставить себя премудрѣе словесъ Духа и подъ видомъ толкованія вводить собственные свои мысли. Будемъ понимать Писаніе такъ, какъ написано»*. Шестодневъ св. Василія остался неоконченнымъ; онъ останавливается на твореніи человѣка. Самое это обстоятельство въ связи съ внутреннимъ, зрѣлымъ характеромъ творенія показываетъ, что это было одно изъ послѣднихъ твореній великаго Отца Церкви. Это неподражаемый для насъ образецъ и твердое руководство въ дѣлѣ научнаго отношенія къ Писанію.

* *Бесѣда* 9, стр. 157—159, по изданію вышеуказанному.

II.

БИБЛЕЙСКОЕ ОТКРОВЕНІЕ ВЪ ЕГО СУЩЕСТВѢ И ПРЕДЛАХЪ.

Происхожденіе Библейскаго Откровенія о міротвореніи.—Боговдохновенность Писанія и въ особенности книги Бытія. — Отличительный характеръ содержания Библии и ея предѣлы.—Значеніе ея воззрѣнія на природу.

Ученіемъ о міротвореніи открывается Библейское Откровеніе; и это не случайность. Здѣсь отъ творческаго начала изъясняются основы Божественнаго домостроительства человѣческаго спасенія. Итакъ, стараться понять Библейское сказаніе о міротвореніи не значитъ удовлетворять лишь болѣе или менѣе отдаленной потребности знанія какъ спеціальнаго только знанія такихъ подробностей, безъ которыхъ можно разумѣть Вѣру;—нѣтъ, это есть удовлетвореніе потребности существенной въ познаніи существа Вѣры. Съ этой точки зрѣнія можно представить точное опредѣленіе существа Библейскаго Откровенія и оцѣнить значеніе его воззрѣнія на природу.

Первыя главы Библии заключаютъ въ себѣ почти всё относящееся до ученія Вѣры о природѣ; въ остальномъ всего Св. Писанія содержится сравнительно—мало существенныхъ дополненій. Первая книга Писанія извѣстна подъ именемъ книги *Бытія*, первой въ числѣ пяти книгъ пророка Моисея или *пятикнижія*,—древнѣйшаго письменнаго памятника Божественнаго Откровенія. Цѣлю нашихъ изслѣдованій не требуется

входить въ разсужденіе о писателѣ пятикнижія; мы имѣемъ дѣло не собственно съ лицомъ пророка Моисея, но съ книгою Божія Откровенія, чрезъ него данною Церкви и ея изначала знаемою, какъ такое Откровеніе, и оправдывающею себя самымъ содержаніемъ. Но нашею цѣлію отчасти требуется опредѣленіе того, какъ вообще относится Божіе Откровеніе къ человѣческому его посредству, или иначе — въ чемъ собственно состоитъ Боговдохновенность св. писателей и св. Писанія?—Къ этому опредѣленію мы пойдемъ повидимому окольнымъ, но въ сущности кратчайшимъ, и—надѣмся—самымъ настоящимъ, именно для насъ лежащимъ путемъ.

Мы спросимъ: Откровеніе о твореніи, заключающееся въ первыхъ главахъ Библіи, было ли извѣстно человѣчеству ранѣе написанія первой священной книги?—Можно бы предполагать съ внутреннею достовѣрностію, еслибы не было внѣшняго основанія, которое заставляетъ признавать, — что это Откровеніе принадлежитъ къ изначальнымъ, первымъ Божіимъ откровеніямъ человѣку, которыя до Писанія сохранялись въ человѣческомъ родѣ чрезъ преданіе. Въ самомъ дѣлѣ исторіею религій нынѣ доказано, что первыя преданія всѣхъ народовъ, при всемъ различіи духа ихъ религій, поразительно согласуются въ основѣ и часто даже въ подробностяхъ съ библейскимъ сказаніемъ. Если нельзя думать, чтобъ всѣ прочіе народы только чрезъ Евреевъ получили эти общія преданія; то надлежитъ допустить первый источникъ общій какъ для Евреевъ, такъ и для язычниковъ,—восходящій къ тому времени, когда родъ человѣческій находился еще въ своемъ первобытномъ единствѣ, когда онъ не былъ еще раздѣленъ—разселеніемъ по всей землѣ и рознію языка,—раздѣленіемъ рѣзко обозначившимся физически и духовно въ расахъ и въ цивилизаціи, и въ религіи. Изъ того первобытнаго времени разсѣянные потомъ народы должны были вынести тѣ воспоминанія и тѣ преданія, которыя оказываются сходными у всѣхъ. Послѣ раздѣленія, первобытная истина неизбѣжно явилась въ разнообразныхъ формахъ; но во всѣхъ

своихъ видоизмѣненіяхъ она не утратила знаменія своего единства, которое въ сущности должно быть возводимо да-дѣе — даже до времени не только родоначальника послѣпо-топнаго міра, но и перваго родоначальника человѣчества. Для примѣра мы укажемъ нѣкоторыя черты космогоній различныхъ народовъ, самыхъ отдаленныхъ другъ отъ друга, — въ доказательство общаго ихъ источника. То первое состояніе вещей, которое Библия обозначаетъ *землею невидимую и неустроенною* (*tohu wabohu*), имѣетъ во всѣхъ языческихъ мифологіяхъ свой противообразъ, встрѣчаемый подъ различными именами начиная съ *Атора* у Египтянъ и до *хаоса*. «Тьма и бездна» вообще являются главными чертами во всѣхъ изображеніяхъ хаоса. Шесть дней или шесть раздѣльныхъ твореній встрѣчаются въ большей части космогоній, начиная съ Китая, на востокъ, до Этрусковъ на западъ, — и даже въ томъ самомъ порядкѣ какъ въ Бытописаніи. У всѣхъ народовъ безъ исключенія человѣкъ представляется какъ послѣднее твореніе; многія мифологіи языческія знаютъ о его образованіи изъ земли и о происхожденіи жены отъ мужа *. «Не бесполезно», говоритъ мигр. *Филаретъ* при изъясненіи перваго дня творенія, — «замѣтить въ языческихъ писателяхъ нѣкоторыя черты, которыя очевидно приближаются къ изображенію Моисея, и *показываютъ* рожденіе различныхъ о началѣ міра преданій отъ *одного* истиннаго *преданія заключеннаго* въ священныхъ книгахъ» **.

Однако рядомъ съ этимъ сходствомъ въ основѣ преданій нельзя не замѣтить и должно замѣтить существеннѣйшія различія между языческими космогоніями и священнымъ Бытописаніемъ. Понятіе творенія въ строгомъ смыслѣ вообще какъ бы неизвѣстно язычеству. Только Библейское сказаніе представляетъ чистую идею творенія безъ вѣчной матеріи и

* Пространныя о семъ свѣдѣнія у *H. Luken*, Die Traditionen des Menschengeschichts oder die Uoffenbarung Gottes unter den Heiden (Münster 1856) отъ стр. 28.

** Записки на книгу *Бытія* изд. 1816 г., стр. 15.

безъ содѣйствія ви́шняго посредника, или ви́шняго міро-образователя; въ язычествѣ свѣтъ этой идеи иногда проторгается какъ бы невольно, но тотчасъ потухаетъ для сознанія; языческія космогоніи или предполагають матерію уже существующею, и тогда въ нихъ Богъ и міръ стоятъ какъ двѣ противоположности непримиримыя (дуализмъ), или же—вмѣсто творенія у нихъ выступаютъ эманации, развитія Самого Бога въ жизнь міра, въ которыхъ пропадаетъ все истинное различіе Бога и міра (пантеизмъ). Каждая изъ этихъ космогоній носитъ характеръ частно-національный, какъ слѣдъ особенностей міеологическаго процесса въ каждомъ народѣ, особенностей физическихъ и духовныхъ, въ данномъ случаѣ искажавшихъ универсальную истину. Такъ, книга закона Ману учитъ, что единое божественное зерно, положенное въ водахъ, преобразовалось въ яйцо блестящее какъ золото; что Брама, проживши въ этомъ яйцѣ одинъ годъ творенія равный 3'', 110', 400,000 человѣческихъ годовъ, раздѣлилъ это яйцо на двѣ части, изъ которыхъ образовалось небо и земля. Такъ Вавилоняне баснословятъ, что Вэль, создавши двучастную натуру (Номогака), изъ одной части извлекъ небо, изъ другой землю; и потомъ отрубилъ себѣ голову и изъ смѣшенія земли съ его кровію образовались боги. Подобное баснословіе и въ египетскихъ міеологіяхъ *. Вездѣ—искаженіе истины своеобразнымъ міеологическимъ процессомъ, узнаваемой лишь при ясномъ свѣтѣ Библейскаго сказанія.

Но это искаженіе фактически не доказываетъ ли необходимость божественнаго обновленія первобытнаго Откровенія, равно какъ дальнѣйшую необходимость охраненія его отъ окончательнаго потемнѣнія,—то-есть необходимость запечатлѣнія этого Откровенія на всѣ времена *Боговдохновеннымъ писаніемъ*? Такъ мы приходимъ къ пониманію факта священ-

* Кромѣ указаннаго сочиненія Люкена, см. Wuttke Abhandlung über die Kosmogonien der heidnischen Völker vor der Zeit Jesu und der Apostel. 1850.—Zöckler, art. Schöpfung in Herzog's RE. XX, стр. 720 и слѣд.

наго Бытописанія, и къ пониманію высокаго значенія истины этого факта; слѣдственно уже къ нѣкоторому уразумѣнію внутреннего достоинства Библейскаго сказанія—несоизмѣримаго съ общечеловѣческими преданіями. Еслибы мы знали, въ какомъ видѣ было преданіе въ самомъ избранномъ народѣ Божиѣмъ около времени написанія книги Бытія; тогда намъ еще въ большемъ свѣтѣ открылось бы значеніе факта первой Св. книги. Митрополитъ Филаретъ въ своемъ толкованіи происхожденія книги Бытія между прочимъ говорить: «избранное Богомъ племя возрасло въ народъ, но—въ которомъ рѣдкіе были способны къ непосредственному просвѣщенію отъ Бога, и—который *также былъ въ опасности потерять веру* какъ и бытіе свое» (стр. VI). Напрасно Богъ не творитъ ничего. Видно, настояла необходимость, первоначальное Откровеніе обновить чрезвычайнымъ образомъ и запечатлѣть оно также чрезвычайнымъ образомъ. Такъ мы можемъ понять, что Библія не есть только человѣческій памятникъ Божественнаго Откровенія, но есть памятникъ Божественнаго запечатлѣнія Откровенія Писаніемъ: само *писаніе Боговдохновенно* (2 Тим. III, 16).

Вотъ мы пришли къ вопросу о Боговдохновенности Писанія, и конечно уже понимая его великое значеніе.—Хотѣлось бы дать краткій отвѣтъ безъ уцѣрба полноты дѣла. Богословіе не напрасно различаетъ въ Писаніи степени вдохновенія историческаго, учительнаго, пророческаго, — Ветхозавѣтнаго и Евангельскаго. Божіе Откровеніе на пути воспитанія человѣчества по премудрѣйшему закону мѣры постепенно являлось въ большемъ и большемъ свѣтѣ и полнотѣ: оно сіяетъ то какъ *свѣтильникъ въ темномъ мѣстѣ*, то какъ *денница* приближающагося дня, то какъ *солнце во всей силѣ своей*. Свѣтъ всегда свѣтъ, и тьмы въ немъ нѣтъ; но мѣра свѣта различна. Полнота Откровенія есть Новый Завѣтъ; и чѣмъ ближе къ нему подходитъ то или другое Ветхозавѣтное Откровеніе, тѣмъ оно полнѣе (Евр. I, 1—1 Кор. II, 7—10). Сообразно съ этимъ, *первыя главы Бытія* должны

быть поставлены рядомъ съ Евангеліемъ отъ Іоанна, поого-
лику начало этого Евангелія само зрѣтъ къ первоначалу
Библейскаго сказанія: *Въ началѣ сотвори Богъ небо и землю;—
въ началѣ бѣ Слово, и Богъ бѣ Слово, и вся тѣмъ быша.*—
Но очевидно, что и мѣра внутренняго озаренія священныхъ
писателей, должна сообразоваться съ этою мѣрою полноты
Откровенія, или—что почти тоже—съ предметомъ Писанія,—
смотря по тому: есть ли это исторія, болѣе или менѣе извѣ-
стная священному писателю въ своихъ фактахъ, но никогда
безъ Откровенія неизвѣстная въ своихъ внутреннихъ Боже-
ственныхъ цѣляхъ;—есть ли это ученіе, освѣщаемое частію
и естественнымъ свѣтомъ, частію и прежнимъ Откровеніемъ,
но требующее еще мѣры новаго свѣтлаго свѣта;—есть ли
это наконецъ пророчество, безъ полноты озаренія невозмож-
ное. Напрасно Богъ не разливаетъ свои дары. *Въ Бытоси-*
саніи мы имѣемъ и исторію, и ученіе, и своего рода проро-
чество или прозрѣніе, обращенное хотя не въ будущее, но
въ прошедшее, однако—такое прошедшее, котораго никогда
не былъ свидѣтелемъ ни одинъ человѣкъ.—Послѣднее изъ-
ясненіе о божественномъ вдохновеніи касается еще вопроса:
есть ли вдохновеніе только озареніе ума Божественною ис-
тиною, или вмѣстѣ и внушеніе *слова* для ея выраженія? Этотъ
вопросъ лежитъ камнемъ на пути къ вѣрному пониманію
Писанія. Но не снимается ли этотъ камень съ пути самымъ
простымъ способомъ? Вопросу трудному противопоставляется
вопросъ легкій: одинаково ли правильно ищеть и одинаково
ли вѣрно находить точное слово для выраженія мысли чело-
вѣкъ высокаго ума и—человѣкъ ума обыкновеннаго? Конечно
не одинаково. Можно судить посему, имѣеть ли Божествен-
ное озареніе—отношеніе только къ мысли, или же и къ слову
священнаго писателя? Безъ сомнѣнія, сообразно съ степенью
озаренія писателя и съ предметомъ Писанія, самое слово
письменное является болѣе или менѣе свѣтло-избраннымъ
носителемъ Откровенія. Протестантская схоластика говоритъ
о боговдохновенности языка Писанія; мы этого не утверждаемъ.

Но противоположное воззрѣніе доходить до отрицанія всякой богодухновенности слова; это противно самому факту откровенія чрезъ писаніе. Сама священная исторія въ Писаніи, какъ исторія Откровенія, даетъ намъ понять различіе откровенія—ради устнаго провозвѣщенія и ради письменнаго запечатлѣнія. Пророки послѣ раздѣленія царствъ не всѣ писали: величайшій пророкъ Ілія не писалъ; не говоримъ о многихъ другихъ. Пророки начали писать по особенному внушенію Духа. И это былъ *поворотъ* въ пророчествѣ. Когда Израильское царство пало и когда паденіе Іудейскаго было уже рѣшено въ высшихъ судьбахъ; когда пророческая дѣятельность рѣшительнѣе обращается къ возвѣщенію будущаго, духовнаго, вѣчнаго Христова царства: тогда Духъ Божій побуждаетъ пророковъ къ *письменному изложению* того, что Онъ давалъ имъ созерцать и провѣщать. Что же значить это свышнее побужденіе къ писмени? Какъ оно давалось пророкамъ и какъ было исполняемо?—Божественная цѣль Писанія есть точное запечатлѣніе Откровенія *на вѣсь времена*: какой же человѣческій умъ самъ по себѣ способенъ изнести слово неветшающее, сильное на вѣсь времена? Чѣмъ полнѣе Откровеніе, чѣмъ возвышеннѣе его предметъ; тѣмъ глубже проникаетъ избранника-провозвѣстника свышнее озареніе, просвѣщая его мысль и направляя ее на сроднѣйшее ей слово. Это не пассивно воспріемлемый диктантъ; тутъ самое избраніе того или другаго лица для запечатлѣнія того или другаго Откровенія есть уже указаніе на то, что вдохновеніе имѣетъ въ виду свободу разума вдохновляемаго, или, какъ изумительно—смѣло говорить Апостолъ что *духъ пророчества повинуется пророку*. Посему-то св. Василій Великій въ первой бесѣдѣ на шестодневъ, говоря о писателѣ его, считаетъ нужнымъ указать на воспитаніе Моисея мудрыми наставниками, и на то, что удалившись изъ Египта въ Еѳіопію, тамъ на совершенной свободѣ въ продолженіи цѣлыхъ сорока лѣтъ онъ упражнялся въ умозрѣніи о существующемъ; что только послѣ сего какъ бы приготовленія, будучи уже

восьмидесяти лѣтъ, Моисей видѣлъ Бога, какъ только можно видѣть человѣку, и что *Богъ возлагалъ* къ нему, какъ не говорилъ ни одному пророку, — *усты ко устамъ возлагалъ ему явь и не гаданіемъ* (Числ. XII, 6, 8)*. Итакъ вдохновеніе слова не есть невольное, страдательное, но свободно-разумное воспріятіе; тѣмъ не менѣе есть *вдохновеніе* въ мѣру угодную Духу. Ни единое слово человѣческое не исчерпываетъ мысли Божіей; но эта мысль сама ищетъ и опредѣляетъ себѣ соотвѣтственнѣйшее слово. *Слово* Писанія о *твореніи* есть именно такое слово, подобно какъ слово Писанія объ искупленіи. Надѣмся, что мы православно, т.-е. согласно съ мыслию Церкви, т.-е. *истинно* излагаемъ понятіе о Боговдохновенности Писанія вообще, и въ частности—Бытописанія о твореніи.

Изяснивши такимъ образомъ вопросъ о боговдохновенности въ отношеніи къ библейскому *Бытописанію*, которою оно поставляется на высоту безусловной истины, не только по внутреннему ея содержанію, но и по словесному выраженію, мы должны теперь опредѣлить самый характеръ этого содержанія:—что собственно имѣетъ оно въ виду сообщить намъ,—чего именно надлежитъ, и чего не должно искать въ немъ,—какіе собственные предѣлы библейскаго бытописанія, которыхъ нельзя по произволу ни сокращать, ни распространять?—Для правильнаго отвѣта на эти важные для насъ вопросы, лучше всего припомнить цѣлый составъ Библии и общій ея характеръ.

Библія, какъ извѣстно, есть собраніе отдѣльныхъ книгъ, написанныхъ въ разныя времена различными писателями, которые однако всѣ принадлежатъ къ одному народу. Это—народъ божественнаго избранія, избранный съ чрезвычайною цѣлю домостроительства спасенія человѣческаго. Итакъ библейскіе писатели, будучи избранниками изъ самой среды

* Твор. св. Отцевъ въ русск. пер. Годъ третій, кн. I, стр. 2 и 3.

избранія, своими писаніями должны служить не какой-либо другой, а этой самой цѣли домостроительства спасенія.— Въ этой цѣли библейское собраніе открывается повѣствованіемъ о сотвореніи міра и человѣка, и нѣкоторыми *характеристическими* священными преданіями первобытной жизни рода человѣческаго, выражающими сущность этой жизни и, такъ-сказать, законы дальнѣйшаго ея хода. Затѣмъ оно оставляетъ почву всемірной исторіи, и обращается къ исторіи избраннаго народа. Но священные историки заносятъ въ лѣтопись не столько дѣла и судьбы народа, сколько слѣды дѣятельности Бога въ народной исторіи. Вся лѣтопись проникнута вѣрою въ особенную божественную цѣль, къ которой руководится народъ избранія на всѣхъ путяхъ его жизни. Эта-то вѣра служитъ предметомъ и ученія и пророчествъ, какъ преимущественнаго руководства къ спасительной цѣли. Она же служитъ источникомъ притчей израильской житейской мудрости. Въ зеркалѣ этой же вѣры повѣряетъ себя и философія израильская (въ Екклесіастѣ), и понимаетъ себя въ отношеніи къ ней какъ неудовлетворяющую предварительную ступень.—Собраніе было завершено съ исполненіемъ предопредѣленной мѣры древняго Откровенія, когда народъ избранія, доведенный до извѣстнаго предѣла своей исторіи, долженъ былъ отселѣ довольствоваться прежде даннымъ Откровеніемъ, приготовляясь въ его свѣтѣ уже къ близкому великому будущему, предъизображенному въ этомъ Откровеніи—какъ конечный предѣлъ древней священной исторіи.— Но собраніе еще разъ раскрывается для принятія новыхъ книгъ, противъ которыхъ народъ древняго избранія въ ослѣпленіи возстаетъ, но которымъ міръ народовъ, еллиновъ и варваровъ, воздать должное и ради которыхъ преклонился и предъ первымъ собраніемъ. Писанія Новаго Завѣта связуются съ Завѣтомъ Ветхимъ, и собою представляютъ, такъ-сказать, построеніе вершины къ незаконченному дотолѣ зданію, на которую однако напередъ указывалъ фундаментъ. Новый завѣтъ есть исполненіе полноты Ветхаго. Таковъ божественный организмъ Писанія!

Итакъ Библия цѣлостію своего состава, начинающагося Откровеніемъ о сотвореніи міра и завершающагося Евангельскимъ Откровеніемъ о возрожденіи и вѣчной жизни, ясно показываетъ намъ характеръ своего содержанія. Собственный предметъ Библии есть дѣло Откровенія спасенія, слѣдственно предѣлы и цѣль этого дѣла суть предѣлы и цѣль Библии. Отсюда мы заключаемъ, что Библия не имѣетъ цѣлю обогащать насъ чисто виѣшними познаніями; она назначена не для того, чтобы учить насъ напримѣръ астрономіи, геологіи, физикѣ и вообще естествознанію въ широкомъ смыслѣ слова. Всякое такое познаніе есть дѣло ума и труда самихъ людей. Богъ посылаетъ Свой свѣтъ для человѣка только туда, куда безъ Него глазъ человѣка и трудъ человѣка достигнуть не могли бы, а достигать должны. Посему одинъ изъ естествоиспытателей, англійскій геологъ *Букландъ* не безъ справедливости упрекаетъ тѣхъ, которые въ Библии ищутъ подробнаго повѣствованія о феноменахъ геологическихъ, и остроумно замѣчаетъ, что этихъ явленій не возможно найти въ Библии точно также, какъ въ ней нѣтъ упоминанія ни о спутникахъ Юпитера, ни о кольцахъ Сатурна,—что обо всѣхъ этихъ и подобныхъ предметахъ надобно искать въ энциклопедіи наукъ, а не въ книгѣ назначенной для руководства Вѣры *.—Въ этомъ же смыслѣ Курцъ старается изъяснить религіозный характеръ Библии, утверждая, что она никогда не предрѣшаетъ естественнаго человѣческаго познанія, и никогда не возбуждаетъ задачъ, которыхъ рѣшеніе по праву принадлежитъ опытному изслѣдованію, что поэтому-то никакой истинный результатъ, добытый изслѣдованіемъ, никогда не можетъ быть въ противорѣчій съ Библіей; что она даетъ свободу изслѣдованію; не склоняется наприм. ни къ плутонизму, ни къ вулканизму, и между ними также не рѣшаетъ какъ между гомеопатами и аллопатами **.

* Le monde primitif et ses merveilles.

** Bibel und Astronomie, стр. 397.

Если же Библия имѣетъ въ виду учить не естествознанію, но Вѣрѣ; то казалось бы дѣломъ нетруднымъ разграниченіе предѣловъ между познаніемъ Вѣры и естествознаніемъ. Однако трудность состоитъ въ томъ, что нѣкоторые предметы познанія, при всемъ различіи характера его въ божественномъ Откровеніи и въ человѣческой наукѣ,—*общимъ* той и другой области.

Въ самомъ дѣлѣ первый предметъ Откровенія, конечно, есть Богъ. Но—не такой богъ, который не касается міра и котораго не касается міръ. Откровеніе учить вѣрить въ Бога, сотворившаго міръ, и находящагося въ реальномъ, живомъ отношеніи къ міру. А естествознаніе считаетъ міръ и его жизнь *своею* областію.—Далѣе Вѣра опредѣляетъ отношеніе человѣка къ Богу, и руководя человѣка къ его назначенію, открываетъ ему тайну его существа. Но вопросомъ, что такое человѣкъ?—занимается также и естествознаніе, считая отвѣтъ *своею* задачею. Какъ тутъ разграничить области?—Иные рѣшаютъ это такъ: вѣра имѣетъ въ виду *духовное* отношеніе міра и Бога, собственно—идею творенія и промышленія; а естествознаніе изслѣдуетъ *внѣшніе процессы* жизни міра; равно какъ—вѣра имѣетъ въ виду *духовную* сторону человѣка, а естествознаніе должно ограничиться *тѣлесною* стороною. Но естествознаніе всегда пыталось изслѣдованія и о духѣ человѣка, и о вопросѣ творенія міра. Не говоримъ уже о томъ, что нынѣ естествоиспытатели дѣлаютъ особенно смѣлую попытку, рѣшать за или противъ вѣры—по преимуществу *эти* вопросы о духѣ человѣческомъ и о Духѣ творческомъ. Притомъ, и область познанія Вѣры хотя бы въ отношеніи къ человѣку—не одинъ духъ его. Вѣра объемлетъ и тѣлесную сторону человѣка и говоритъ словомъ Откровенія объ отношеніи тѣла къ духу. Искупленіе благоволитъ обнимать цѣлаго человѣка. Точно также и въ отношеніи къ міру, Откровеніе даетъ вѣрѣ созерцать не только общую идею о его сотворенности, но и самую исторію творенія, и въ связи съ нею—настоящую судьбу міра

и послѣднее его назначеніе. Такъ Откровеніе объемлетъ и человѣка въ цѣлости его духа и тѣла,—и самый міръ неразрывно съ нимъ связанный изначала и до конца. Посему-то наука о Вѣрѣ, именуясь Богословіемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ непремѣнно есть и антропология и даже космология. Съ другой стороны, по той же тѣсной связи этихъ предметовъ познанія, и естествовѣденіе приходитъ неизбѣжно къ воззрѣніямъ, соприкасающимся съ областію Вѣры. Значитъ произвести раздѣлъ двухъ спорныхъ областей не такъ легко, какъ инымъ кажется. Области эти входятъ одна въ другую. Познаніе ихъ границъ составляетъ еще цѣль человѣческаго знанія; и пока эта цѣль не достигнута въ мѣрѣ возможной для понятія, дотолъ неизбѣжны недоумѣнія испытующей мысли въ отношеніи къ Писанію,—на пути познанія ей собственнаго.

Тѣмъ не менѣе, Откровеніе не переступаетъ своихъ границъ. Мы увидимъ, что именно въ этихъ границахъ оно говоритъ о природѣ и человѣкѣ. Понять эти границы значитъ тоже, что изъяснить общій законъ ученія Откровенія о предметахъ, принадлежащихъ и, повидимому, доступныхъ естественному познанію.

Откровеніе, начинаясь созданіемъ міра и человѣка, заключается возсозданіемъ человѣка и самаго міра. Итакъ *мысль о мірѣ не есть внѣшняя для Библии*. Однако Библія и здѣсь есть собственно Откровеніе. Износя *врооспредѣляющую* истину о мірѣ, она не имѣетъ въ виду руководить естественнымъ познаніемъ. Божественное вдохновеніе не вводило священныхъ писателей въ области человѣческой науки. Но оно дѣлало больше,—*поставляло ихъ выше всякой науки*. Оно имѣло въ виду не естествословіе для однихъ ученыхъ, но—богословіе для всего рода человѣческаго. Въ библейскомъ Откровеніи о мірѣ открывается самый корень Вѣры, связующей человѣка съ Богомъ чрезъ дѣло изначальнаго творенія міра и человѣка,—не общею только *идеєю* творенія, но и *существомъ самой исторіи* творенія. Человѣческая на-

ука справедливо признаетъ, что *существо* вещей для нея не постижимо. Откровеніе, имѣя въ виду спасеніе человѣка, *спасая самое существо жизни* его, даетъ ему испытывать самыя *глубины* вещей, имѣющихъ непосредственное отношеніе къ его спасенію. Какъ Іегова есть *Богъ бытія*; такъ первая книга Откровенія есть книга *Бытія*,—существа вещей. Здѣсь мы не можемъ входить въ подробности разясненія этихъ мыслей: онѣ могутъ быть изъяснены лишь цѣлымъ подлежащимъ изслѣдованіемъ. Но дабы эти мысли въ самомъ началѣ не были поняты превратно, замѣтимъ, что религиозный характеръ Бытописанія отнюдь не означаетъ того, чтобы преслѣдуя высшія цѣли оно приносило имъ въ жертву цѣли низшія. Божественное вдохновеніе не переносило священнаго писателя въ будущія области человѣческой науки; но это не значить, чтобы священное Писаніе когда-либо могло стать ниже этой области,—уже потому, что писатель былъ поставляемъ на безмѣрной высотѣ вѣдѣнія Духомъ истины,—не научнаго вѣдѣнія, однако еще высшаго. Извѣстное слово блаженнаго Іеронима, будто «многое изъ естественнаго рассказано въ Писаніи сообразно понятіямъ времени, но не съ безусловною истиною» *, само не можетъ быть признано безусловной истиной. Справедливѣе утверждать, что Библія вообще о всѣхъ предметахъ говорить такимъ языкомъ, который *сообразенъ всѣмъ временамъ*, заключая подъ покровомъ понятнаго слова всегда сущую истину,—достигаетъ ли ея извѣстное время, или нѣтъ. Возьмемъ хоть извѣстное, напрасно пререкаемое мѣсто изъ книги Іисуса Навина: «остановись солнце надъ Гаваономъ и луна надъ Аялонскою долиною! И остановилось солнце и луна стояла, доколѣ народъ поражалъ враговъ своихъ. И не было такого дня прежде и послѣ того, въ который бы Господь такъ слушалъ гласа человѣческаго» (X, 12—14). Приспособленіе ли это къ понятію извѣстнаго лишь времени, нынѣ будто не

* Multa in Scripturis Sanctis dicuntur juxta opinionem illius temporis, quae gesta referuntur, et non juxta quod rei veritas continebat. In Hierem. XXVIII, 10, 11.

истинное? Напротивъ, не есть ли это—*необходимое* выраженіе великаго факта, которое не могло и быть инымъ ни въ то время, ни нынѣ, ни когда-либо, ни въ какой книгѣ, ни даже въ астрономическомъ трактатѣ? Не поспѣшили ли нѣкоторые съ неважною системою приспособленія развѣнчать это мѣсто Писанія отъ его высокаго, всесторонне-истиннаго значенія? Ибо какъ разсуждаетъ даже *современная* наука,—для нея солнце развѣ неподвижно, и луна не есть единственный спутникъ земли? Въ данномъ мѣстѣ словомъ Писанія не указывается ли какъ бы первый и послѣдній *предѣлъ* остановки движенія въ *нашей* вселенной?—Писаніе не имѣетъ въ виду ни птоломеевой, ни коперниковой системы, но оно умѣетъ въ выраженіяхъ общаго смысла заключать глубокую, всестороннюю истину. Вдохновеніе не насилуетъ свободы человѣка, не внушаетъ слова непонятнаго; но свѣтитъ ему въ избраніи изъ разумѣваемыхъ—слова соответственнѣйшаго существу мысли.—Итакъ вообще мы противъ системы приспособленія; и по преимуществу не должны давать ей мѣста въ отношеніи къ возвышеннѣйшему первому Откровенію бытописанія. Конечно и здѣсь, какъ во всей Библии, употребляется языкъ не отвлеченный, или научный, который вѣдь разнообразится для каждаго времени, а вѣковой языкъ общаго смысла. Но подъ этимъ покровомъ, насколько можетъ человѣческое слово приравниваться къ истинѣ божественнаго Откровенія,—истина эта сказывается твердо, если не безъ ограниченія (ибо она простирается далѣе человѣческаго слова и глубже человѣческаго разумѣнія), однако—безъ всякаго искаженія. Предѣлъ слова Писанія есть предѣлъ *возможнаго* явленія Божественной истины на землѣ. Потому-то никакая наука никогда не прострется далѣе предѣловъ Библии, но всякое истинное естественное познаніе соответственнаго Откровенію предмета найдетъ, какъ донинѣ находить себѣ мѣсто въ величественной рамѣ Откровенія, хотя оно и не имѣетъ цѣли служить естественному познанію.

III.

БИБЛІЯ И ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ ВЪ ИХЪ УЧЕНИИ О МІРѢ.

Изясненіе Бытія первой главы, въ связи съ цѣлымъ ученіемъ Библіи о мірѣ и человѣкѣ.—Изложеніе ученія Естествознанія о происхожденіи міра и его существъ.—Представляющіяся разности между сказаніемъ книги Бытія и объясненіями Естествознанія.

Мы установили понятія о св. Писаніи, о его существенномъ характерѣ, о значеніи его воззрѣній на природу. Определеніемъ этихъ понятій мы надѣемся, съ самаго начала стать на определенную точку зрѣнія, недопускающую произвольныхъ или случайныхъ разсужденій, которыя, какъ ни были бы обширны, не могутъ привести ни Богословіе, ни Естествознаніе къ твердымъ рѣшеніямъ. Мы старались найти точку зрѣнія самой Библіи на ея ученія, чтобъ въ ея собственномъ свѣтѣ можно было видѣть сущность и характеръ ея содержанія,—прежде чѣмъ сравнивать ее съ Естествознаніемъ. Какіе ни были бы результаты сравненія, важнѣе всего то, чтобы Библію представлять тѣмъ, что она есть сама въ себѣ.

Выдерживая эту цѣль, мы обратимся теперь къ изложенію и собственно богословскому изясненію библейской исторіи творенія,—независимо отъ тѣхъ или другихъ данныхъ Естествознанія. Затѣмъ уже приступимъ къ сравненію. Но и здѣсь мы не поведемъ дѣла, какъ это обычно,—путемъ частныхъ, болѣе или менѣе произвольно избранныхъ сопо-

ставленій того или другаго отдѣльнаго, естественнаго ученія съ тою или другою библейскою истиною. Полной библейской исторіи творенія мы противопоставимъ *цѣлое* изображеніе естественной исторіи о происхожденіи міра. Такимъ образомъ оба сравниваемые предмета предстанутъ каждый въ своемъ собственномъ, опредѣленномъ видѣ; и результатъ сравненія во всякомъ случаѣ будетъ по возможности полный и опредѣленный, ведущій къ твердымъ рѣшеніямъ.

«Въ началѣ Богъ сотворилъ небо и землю.» Вотъ основополагающія слова Откровенія. Небо и земля, весь міръ есть свободное дѣло творчества Божія, есть дѣло единственно воли Божіей, слѣдственно дѣло не опредѣляемое ничѣмъ инымъ *внѣ* Бога, *внѣ* Его воли или Его творчества. Такъ первыми словами Писанія рѣшительно устраняются всѣ языческія,—пантеистическія, дуалистическія, матеріалистическія заблужденія. *Въ началѣ* Богъ сотворилъ міръ; итакъ міръ невѣченъ, онъ имѣетъ начало. *Богъ сотворилъ* міръ; итакъ единственная высочайшая причина происхожденія міра есть Богъ; итакъ міръ самымъ началомъ своимъ поставленъ въ отношеніе зависимости отъ Бога какъ твореніе отъ Творца, Единаго Сущаго по Себѣ, или имѣющаго жизнь въ Себѣ. Не какую-либо отъ вѣчности саму по себѣ существующую матерію Онъ образовалъ въ космосъ, въ благоустроенный міръ: Онъ призвалъ отъ небытія къ бытію самое первое вещество міра.—Нѣтъ слова на языкѣ человѣческомъ, которое могло бы *уравнительно* выразить это дѣло творенія, воззванія міра изъ небытія къ бытію; но еврейское слово Бытописанія *bara*, которое мы переводимъ *сотворилъ*,—особенно въ соединеніи съ словомъ *b'reshith, въ началѣ*,—есть изъ всѣхъ однородныхъ словъ соотвѣтственнѣйшее понятію выражаемому *. Извѣстное мѣсто посланія къ Евреямъ изъ-

* Это можно видѣть во всякомъ еврейскомъ лексиконѣ и во всякомъ серьезномъ комментаріѣ Библии.

ясняетъ это слово глубокимъ перифразомъ: *вѣки устроены словомъ Божиимъ, такъ что изъ невидимаго произошло видимое* (Евр. XI, 3). Творчество, актъ творенія изъясняется здѣсь у Апостола какъ *дѣло слова*. Слово дѣлаетъ внутреннее внѣшнимъ, невидимое видимымъ. Слово Божіе дало внутренне-сущей мысли о мірѣ видимое бытіе, — сотворило, *измалоало* міръ.

Въ началѣ сотворилъ Богъ небо и землю. «Имена *небо и земля*, взятые вмѣстѣ, знаменуютъ *цѣлое твореніе*», — объясняетъ митрополитъ Филаретъ, вслѣдъ за Василиемъ Великимъ *, и конечно въ согласіи съ словами символа вѣры: «вѣрую въ Единого Бога Творца небу и земли, видимымъ же всѣмъ и невидимымъ.» Итакъ, *небо* — міръ невидимый, духовный, о которомъ сказано лишь однимъ словомъ; *земля* — міръ видимый, вещественный, о созданіи котораго дается болѣе полное откровеніе. Впрочемъ такъ какъ названіе *небо* далѣе переносится и на области міра видимаго, и какъ вѣнецъ этого міра — человѣкъ вмѣщаетъ въ себѣ міръ видимый и невидимый; то согласно съ этимъ, можно сказать: *небо и земля* въ совокупности — таковъ творческій *начатокъ вселенной*.

Но въ началѣ сотворенія собственно міръ видимый, *земля* — это: *tohu wabohu*, *земля безвидная и неустроенная*, или *пустая*. Еврейскія слова означаютъ изумляющую пустоту, или неопредѣленность. Таково первое зачатое по его виду, — какъ бы изумительно великій, необъятный и непостижимый зародышъ вселенной, въ которомъ не видно ни границъ, ниже какого-либо опредѣленія формъ и видовъ будущаго организма, или членовъ организма видимой вселенной. Такое первое состояніе вещей именуется также и потому же самому — бездною во тьмѣ, или *тьмою надъ бездною*. Здѣсь *земля* еще не означаетъ будущей земли, но — общее вещество всего міра. *Земля невидимая и неустроенная*, говоритъ митр. Филаретъ, не означаетъ земнаго шара, поелику онъ образо-

* Зап. на кн. Бытія, стр. 4.

вался не прежде раздѣленія воды, *яже подъ твердію, отъ воды, яже надъ твердію*; и поелику земля она въ семъ состояніи противопологается устройству всего видимаго міра*.

Однако *tohu wabohu*, какъ первое зачатое міра, выражаетъ никакъ не то же, что хаосъ языческихъ мифологій и космогоній. Библейскія слова не указываютъ въ первоначалѣ вселенной—присущаго хаотическаго нестроения, а тѣмъ болѣе не указываютъ какого-либо прившедшаго разстройства. Первое состояніе вещей, лишь сравнительно съ предстоящимъ ему совершеніемъ, и притомъ для человѣческаго созерцанія есть *tohu wabohu*, но это зачатое представляется запечатлѣннымъ отъ Духа Божія, слѣдственно представляется стройнымъ: *и Духъ Божій носился надъ водами*.

Эти слова Писанія изображаютъ весьма важный моментъ въ исторіи творенія. Съ этого момента начальная земля не есть только косное и мертвое вещество; она наитствована жизнью отъ Духа животворящаго, въ мѣру угодную Творцу**. При семъ однако дальнѣйшее совершеніе созданія не есть саморазвитіе. Писаніе даетъ понять, что первосотворенный зачатокъ вселенной не могъ самъ собою пройти всѣ предназначенныя ему степени или возрасты до мѣры полной; ибо не иначе, какъ по творческому *да будетъ*, онъ возвышается съ предыдущей на слѣдующую ступень. Но Писаніе откры-

* Зап. на кн. Быт., стр. 8, 9.

** Смыслъ словъ Бытія I, 2 стиха, какъ оный переданъ у 70-ти и изъясненъ нѣкоторыми отцами церкви: „Духъ Божій носился, парилъ надъ водами“; „Духъ Божій наитствовалъ на воды“,—этотъ смыслъ не подлежитъ сомнѣнію. Переводы словъ *Ruach Elogim*, вмѣсто *Духъ Божій*, вѣтеръ Божій, или буря Божія,—въ своей односторонности не допустимы съ точки зрѣнія экзегезиса. Въ писаніи есть выраженія *горы Божіи*, *кедры Божіи* и т. п. д.; но эти выраженія означаютъ высокія горы, высокіе кедры; такъ *Ruach Elogim* означало бы свирѣпую бурю; но соединенный съ этимъ именемъ глаголъ *rachaph* значитъ парить, сидѣть на янцахъ, высиживать,—слѣдственно не можетъ быть сказанъ собственно о бурѣ. Но книгою Дѣяній (II, 2,—4) и тотъ и другой переводъ примиряются такъ, что общепринятый смыслъ по 70-ти является несомнѣнно истиннымъ.

ваетъ также, что дальнѣйшее творчество Слова Божія изрекаетъ и изводитъ жизнь какъ бы сокрытую уже въ самихъ *небѣ и землѣ*: «да произраститъ земля, да произведутъ воды» и т. д. Значитъ твореніе съ самаго *начала* стало *природою, существомъ, жизнью*, которая при всей зависимости отъ Творца пріяла отъ Него даръ уже относительной самостоятельности. Относительная самостоятельность дочеловѣческаго созданія есть заря свободы человѣка.

Въ дальнѣйшемъ совершеніи созданія Писаніе открываетъ намъ въ постепенности шести дней или время слѣдующіе творческіе акты:

1. «И сказалъ Богъ: да будетъ свѣтъ; и сталъ свѣтъ.—И отдѣлилъ Богъ свѣтъ отъ тмы; и назвалъ Богъ свѣтъ днемъ, а тму ночью. И былъ вечеръ, и было утро: день одинъ».—Такъ созданіе свѣта въ его законмѣрности изображается первымъ созданіемъ, полагающимъ начало творческой седмицы, — первому *дню* міра. Теперь «земля» уже *небезвидна*, свѣтъ *возсіялъ изъ тмы* бездны, свѣтъ какъ первое проявленіе жизни и первое условіе всѣхъ прочихъ ея рожденій или движеній.

2. «Потомъ Богъ сказалъ: да будетъ твердь посреди водъ; и да отдѣляетъ она воды отъ водъ. И создалъ Богъ твердь; и отдѣлилъ воды, которыя подъ твердію, отъ водъ, которыя надъ твердію: и стало такъ. И назвалъ Богъ твердь небомъ. И былъ вечеръ, и было утро: день второй».—Свѣтъ не только разгналъ тму *бездны*; съ свѣтомъ началось раздѣленіе цѣлаго вселенной, или *бездны водъ*. Въ откровеніи втораго творческаго акта Писаніе изображаетъ уже не единую бездну, но *воды и воды*. Новымъ творческимъ актомъ создается *твердь* посреди водъ. Еврейское слово *rakia*, которое мы переводимъ «твердь», значитъ простертіе, пространство, шатеръ. Во всякомъ случаѣ оно даетъ понимать, что дѣло втораго дня есть положеніе или *утвержденіе* предѣловъ между частями раздѣленнаго цѣлаго,—предѣловъ, *изъ же не прейдутъ*,—слѣдственно положеніе предѣла самому дѣленію. Пони-

маніе тверди какъ атмосферы свойственной каждому тѣлу или шару вселенной не исключаетъ указаннаго, по нашему мнѣнію, главнаго смысла тверди; а само находитъ себѣ мѣсто въ немъ. Твердь для каждой части *водъ* названа *небомъ*, т.-е. небомъ этихъ водъ, ихъ областію, ихъ пространствомъ, если угодно—и атмосферою, какъ бы шатромъ облегающею ихъ, ближайшимъ образомъ охраняющею, обезпечивающею ихъ нераздробляемую цѣлость и самостоятельную жизнь.

Итакъ *собственно* земля, вмѣстѣ съ другими тѣлами вселенной, получила уже отдѣльное существованіе и *утвержденіе* въ своей цѣлости; но она все еще есть *воды подѣ небесами*.

3. «Потомъ сказалъ Богъ: да соберутся воды, которыя подѣ небесами, въ одно мѣсто; и да явится суша; и стало такъ. И назвалъ Богъ сушу землею, а собраніе водъ морями: и увидѣлъ Богъ, что это хорошо.—И сказалъ Богъ да произраститъ земля зелень, траву сѣющую сѣмя по роду своему, и дерева плодовые, приносящія по роду своему плодъ, въ которомъ сѣмя его на землѣ: и стало такъ. И произвела земля зелень, траву сѣющую сѣмя по роду ея, дерево приносящее плодъ, въ которомъ сѣмя его по роду его. И увидѣлъ Богъ, что это хорошо. И былъ вечеръ, и было утро: день третій».—Такимъ образомъ третій творческій актъ Писаніе даетъ намъ опредѣлительно созерцать уже собственно въ отношеніи къ землѣ, хотя совсѣмъ не сокрываетъ этого акта и въ отношеніи къ прочей вселенной; ибо далѣе изъ описанія четвертаго дня дается мысль, что созданіе прочей вселенной не окончилось вторымъ днемъ. Митрополитъ Филаретъ говоритъ даже положительнѣе, что «въ третій день и прочія однородныя съ землею тѣла небснаго пространства получили болѣе опредѣлительное образованіе имъ соотвѣтственное» *. Однако преимущественное откровеніе о землѣ, и то, что сказаніе о ея совершеніи возвѣщается какъ особенное, — все это показываетъ, что отсель *земля* избирается какъ особен-

* Стр. 21, 22. Зап. на кн. Бытія.

ное поприще дѣлъ Божіихъ и какъ поприще особенныхъ творческихъ дѣлъ.—Творческій актъ третьяго дня, ясно указываемый, есть двоякій: 1) внутреннее раздѣленіе или разчлененіе (дифференцированіе) неопредѣленного доселѣ цѣлаго земнаго тѣла на *воду и сушу*, изъясняемое пространнѣе въ 103 псалмѣ *; 2) еще внутреннѣйшее раздѣленіе и произведеніе *первой жизни* на сушѣ—съ постепенностію зелени,—травы сѣющей сѣмя по роду ея, и—деревя приносящаго плодъ, въ которомъ сѣмя его по роду его.

4. «Потомъ сказалъ Богъ: да будутъ свѣтила на тверди небесной, для отдѣленія дня отъ ночи, и для знаменій, и временъ, и дней, и годовъ; и да будутъ они свѣтильниками на тверди небесной, чтобъ свѣтить на землю; и стало такъ. И создалъ Богъ два свѣтила великія: свѣтило бѣльшее, для управленія днемъ, и свѣтило меньшее, для управленія ночью, и—звѣзды; и поставилъ ихъ Богъ на тверди небесной, чтобъ свѣтить на землю, и управлять днемъ и ночью, и отдѣлять свѣтъ отъ тмы. И увидѣлъ Богъ, что это хорошо. И былъ вечеръ, и было утро: день четвертый.»—Четвертый творческій актъ Писаніе даетъ намъ созерцать снова и уже въ послѣдній разъ—въ отношеніи ко всей вселенной, хотя только въ ту мѣру, какая имѣетъ значеніе собственно для яснѣйшаго представленія дѣла творенія въ отношеніи къ землѣ. Созданіе тѣлъ небесныхъ пришло теперь къ своему предѣлу: онѣ совершены въ *носителей свѣта* (Maor). Примѣтить должно, какъ строго Писаніе различаетъ свѣтъ перваго дня *отъ* свѣтилъ дня четвертаго—*Maor*. Объясняя твореніе сего дня, м. Филаретъ говоритъ: «дѣйствіе заключающееся въ сотвореніи свѣтилъ, по всей вѣроятности, есть сосредоточеніе въ опредѣленныхъ мѣстахъ и совершеннѣйшее образованіе пер-

* „Ты бездною, какъ одѣяніемъ покрылъ землю; но—отъ повелѣнія Твоего воды бѣгутъ, отъ владычественнаго гласа Твоего стремятся; и—восходятъ горы, разстилаются долины; по долинамъ ты провелъ источники, между горами текутъ воды. Ты положилъ предѣлъ, котораго не прейдутъ и не возвратятся покрыть землю“ (стр. 6—10).

возданныго свѣта, съ утвержденіемъ для этихъ органовъ его,—постоянныхъ законовъ и круга дѣятельности» *. Впрочемъ Писаніе раздѣльно изображаетъ только свѣтила имѣющія ближайшее отношеніе къ землѣ,—солнце и луну; прочія обозначаетъ общимъ именемъ—*звѣзды*, замѣчая обо всѣхъ свѣтилахъ, въ ихъ отношеніи къ землѣ, что онѣ поставлены «для освѣщенія земли и для отдѣленія дня отъ ночи, и для знаменій, и временъ, и дней, и годовъ.» Мысль очевидная, что—небесными тѣлами обусловливается весь ходъ земной жизни: смѣна временъ,—временъ года, мѣсяцевъ, дней и ночей. Итакъ совершеніемъ созданія тѣлъ небеснаго пространства продолжилось и для земли творческое совершеніе: она получила новое совершенство жизни въ новыхъ творчески данныхъ средствахъ жизни. И если отъ сказанія четвертаго дня мы перенесемъ взглядъ далѣе впередъ, то должны будемъ видѣть въ дѣлѣ этого дня также и основоположеніе для созданий высшей жизни двухъ послѣднихъ дней. Ибо безъ утвержденія хода временъ не можетъ правильно идти жизнь животная; но теперь для ея совершенія положено *основаніе*.

5. «И сказалъ Богъ: да породятъ воды многородящее, душу живую; и птицы да полетятъ надъ землею, по тверди небесной. И сотворилъ Богъ рыбъ большихъ и всякую душу живую пресмыкающихся, которыхъ породили воды, по роду ихъ, и всѣхъ птицъ пернатыхъ, по роду ихъ: и увидѣлъ Богъ, что это хорошо. И благословилъ ихъ Богъ, говоря: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте воды въ моряхъ, и птицы да размножаются на землѣ. И былъ вечеръ, и было утро: день пятый.»—*Да породятъ воды многородящее, душу живую.* Изъясняя эти слова, м. Филаретъ, между прочимъ говоритъ: «симъ повелѣніемъ не сообщается водамъ жизнедательная сила, но указывается нѣкоторое начало, или какъ бы сѣмя, изъ котораго по слову творческому долженъ былъ возникнуть родъ живыхъ тварей,—сѣмя положенное въ предъ-

* Стр. 23, 24 Зап. на кн. Бытія.

опредѣленной для нихъ части всеобщаго вещества, дѣйствіемъ *Духа Божія носившагося верху воды* *. Это глубокомысленное толкованіе неоспоримо съ точки зрѣнія библейскаго экзегезиса. Творческое дѣйствіе собственно въ пятый день творенія есть дѣйствіе зиждительнаго совершенія самыхъ водъ, и по сему конечно *совершенія* или запечатлѣнныя порожденныхъ ими живыхъ тварей—*по роду ихъ*. Ибо изъяснивши творческое повелѣніе водамъ, Писаніе продолжаетъ: «и сотворилъ Богъ многородящее, что породили воды,—*по роду ихъ*, и всѣхъ птицъ пернатыхъ *по роду ихъ*».

6. Наконецъ шестой день творенія. «И сказалъ Богъ: да произведетъ земля душу живую по роду ихъ, скотъ, и гадовъ и звѣрей земныхъ по роду ихъ: и стало такъ. И создалъ Богъ звѣрей земныхъ по роду ихъ, и всѣхъ гадовъ земныхъ по роду ихъ: и увидѣлъ Богъ, что это хорошо.»—Какъ въ предыдущій день творческое слово зиждительно обращалось къ многородящимъ водамъ, такъ теперь обращается къ землѣ. Слѣдственно и здѣсь, подобнымъ образомъ открывается: творческое совершеніе благоустройства земли, и зиждительное утвержденіе *родовъ* животныхъ земноводныхъ.

Такъ въ ходѣ всего дочеловѣческаго творенія, Писаніе открываетъ: 1) собственно творческое *начало*, дарующее созданію вмѣстѣ съ зачатомъ бытія и законъ для его движенія къ полной мѣрѣ существованія; 2) дѣйствія зиждительнаго *совершенія*, божественнаго запечатлѣнныя,—положенія предѣла для каждой ступени творенія **. Въ началѣ сотворенное цѣлое созданіе является какъ творческое началоположеніе нераздѣльнаго великаго зародыша міра. Его совершеніе какъ созрѣваніе проводится чрезъ шесть раздѣльныхъ степеней,—такъ, что каждая предшествующая ступень созданія не уничтожается какъ низшая въ слѣдующей высшей, напротивъ

* Зап. на кн. Бытія, стр. 27, 28.

** Таковъ смыслъ извѣстнаго богословскаго различенія между *creatio prima* и *creatio secunda*.

сохраняется, утверждается въ своемъ предѣлѣ навсегда, служа вмѣстѣ съ тѣмъ для степени высшей. По сему не только зачало міра, но и каждая ступень хода его созрѣванія есть дѣло *творческаго акта*, тамъ начальнаго, здѣсь завершающаго. Такъ называемое естественное развитіе зародыша въ мірѣ уже данномъ совершается *иначе*; стремясь къ своему предѣлу, проходя свой путь, онъ постепенно теряетъ переживаемыя имъ фазы созрѣванія, удерживая только свою послѣднюю родовую. Но и это послѣднее, этотъ родовой предѣлъ развитія былъ бы невозможенъ въ такъ называемомъ естественномъ ходѣ вещей, еслибы не были изначала *творчески* положены и отвержены такіе предѣлы для каждой жизни міра *по роду ея*. Такъ глубоко учить Писаніе. Каждая изъ шести ступеней міротворенія здѣсь открывается какъ чрезвычайный актъ творческой воли, полагающей предѣлы возможности безконечнаго слѣпаго развитія одного и того же порядка жизни, и съ положеніемъ сего предѣла—начинающей созданіе высшей ступени бытія.

Но шестой день творенія не заключился созданіемъ животныхъ. Только въ созданіи *человѣка* уже успокоивается Божіе творчество. «И сказалъ Богъ: сотворимъ человѣка по образу Нашему, по подобію Нашему; и да владычествуютъ они надъ рыбами морскими, и надъ птицами небесными, и надъ звѣрями, и надъ скотомъ, и надъ всею землею, и надъ всѣми гадами пресмыкающимися по землѣ. И сотворилъ Богъ человѣка по образу Своему, по образу Божію сотворилъ его; мужчину и женщину сотворилъ ихъ. И благословилъ ихъ Богъ, и сказалъ имъ Богъ: плодитесь, и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею... И увидѣлъ Богъ все, что Онъ создалъ, и вотъ весьма хорошо. И былъ вечеръ и было утро: день шестой.»—Сказаніемъ о твореніи человѣка говорится, что человѣкъ есть послѣднее и высшее созданіе на землѣ; что онъ созданъ съ преимущественною о немъ заботою Творца; что онъ не есть только высшій членъ природы уже сотворенной, но есть образъ, подобіе Самаго Творца

и потому есть владыка природы; что поэтому при сотвореніи человѣка Богъ уже не къ природѣ обращается: да произведетъ она человѣка; но творить человѣка Своимъ ближайшимъ дѣйствіемъ, притомъ творить его, какъ бы во образъ единства Своего существа,—въ единой четѣ—мужчины и женщины; наконецъ, что за всѣмъ тѣмъ человѣкъ и вся природа составляютъ нераздѣльное цѣлое, и въ этой нераздѣльности—цѣлое вполне совершенное. Сама мысль Божія объединяетъ всё твореніе дочеловѣческое и самого человѣка: *и увидѣлъ Богъ все что Онъ сотворилъ, и вотъ весьма хорошо.*

Такова библейская исторія творенія. Надлежитъ замѣтить, что въ ея изъясненіи мы еще многое должны были оставить до времени. Мы старались изъяснить только то, что необходимо для ближайшей цѣли по ходу нашего изслѣдованія, дабы это необходимое не затмѣвалось теперь подробностями, которыя раскроются постепенно на своихъ мѣстахъ. Но мы еще должны здѣсь продолжить въ краткомъ изложеніи дальнѣйшее ученіе Писанія о мірѣ и человѣкѣ, чтобы *цѣлостію* этого ученія еще освѣтить всю исторію творенія.

Послѣ шести дней творчества, настала седьмой день покоя, *суббота* Божія. «И окончилъ Богъ къ седьмому дню дѣло Свое, которое Онъ дѣлалъ, и почилъ въ день седьмый отъ всего дѣла Своего, которое Онъ дѣлалъ.» Такъ Писаніе изображаетъ предѣлъ исторіи міротворенія; но—не конецъ дѣятельности Божіей въ мірѣ. Ветхій Завѣтъ изъясняется Новымъ Завѣтомъ; Господь Христосъ, открывая смыслъ субботы и Своихъ дѣлъ въ субботу, сказалъ: *Отецъ Мой доселѣ дѣлаетъ и Азъ дѣлаю* (Іоан. V, 17). Престало дѣло творчества Божія по отношенію къ міру; полнота творимаго исполнилась по мысли Творца. «И благословилъ Богъ день седьмый и освятилъ его; ибо въ оный почилъ отъ всего дѣла Своего, которое Богъ творилъ и дѣлалъ.» Но благословеніемъ и освященіемъ Божіимъ, *доселѣ* непрестающимъ, держится сотворенный міръ: ибо седьмой день не имѣетъ

вечера, по Писанію. Итакъ продолженіе бытія міра есть также *дѣло* воли Божіей (Апок. IV, 11). Этимъ Откровеніе учить, что и жизнь сотвореннаго міра не должно представлять только *естественнымъ* теченіемъ,—въ такомъ смыслѣ, будто она идетъ безусловно сама по себѣ, внѣ зависимости отъ вседержительной воли Божіей.

Тѣмъ не менѣе суббота есть совершенный предѣлъ дѣланія *творческаго*. Ибо съ человѣкомъ твореніе, въ мысли Божіей, достигаетъ полноты совершенства, или конечной своей цѣли: *суббота ради человека бысть* (Мар. II, 27). Уже самымъ совѣтомъ о бытіи міра, воля Всемогущаго положила себѣ предѣлъ. Покоемъ творчества оный предѣлъ запечатлѣвается. Дѣло творчества передается какъ бы въ руки человѣка. Отнынѣ воля человѣка должна воить и бодрствовать надъ міромъ. «И взялъ Господь Богъ человѣка, котораго создалъ, и поселилъ его въ саду Едемскомъ, чтобъ онъ *воздѣлывалъ и хранилъ* его.» Человѣкъ, созданный по образу Божію, поставляется какъ сынъ Божій на землѣ, на дѣла подобныя Божіимъ. Человѣкъ, начиная съ Едема, долженъ былъ хранить и воздѣлывать весь міръ, преобразуя его въ Едемъ. Теперь мы видимъ дѣйствованіе человѣка, уже въ состояніи его паденія; но и нынѣ какъ глубоко проникаетъ онъ въ природу своимъ *дѣланіемъ*, подчиняя еѣ своей волѣ и какъ бы претворяя ея необходимость въ подобіе своей свободы, ея стихійность въ подобіе своей духовности. По сказанному: *вспруй въ Мя, дѣла, яже Азъ творю, и той сотворитъ, и больша сихъ сотворитъ* (Іоан. XIV, 12),—дѣланіе человѣка въ мірѣ, по божественному назначенію, должно было быть подобіемъ и продолженіемъ творческаго дѣланія Божія. Исторія творенія есть прообразъ для человѣческой исторіи: человѣческая исторія должна идти къ своей *субботѣ* (Евр. IV, 3, 4, 9, 10).

Но чтобы человѣческая исторія вѣрно шла къ своей *субботѣ*, человѣкъ долженъ былъ уразумѣть и чтить *покой* Божій (Исх. XX, 8—11). Божественное творчество успокоилось

въ Себѣ, ради *человѣка*, къ которому оно, такъ-сказать, стремилось отъ начала мірозданія. Божіимъ творчествомъ природа *воздѣлана*, доведена до *человѣка душевнаго*. Первый *человѣкъ бысть въ душу живу*, но ему предназначено дальнѣйшее самотворчество. И такъ *человѣческое дѣланіе* должно начаться отъ *самовоздѣланія*,—*душевный* *человѣкъ* долженъ содѣлываться *духовнымъ*, и въ этомъ своемъ качествѣ творчески дѣйствовать и на самую природу, постепенно приводя ее къ свободѣ своего духа; по апостольскому выраженію, приводя и *тварь въ свободу чадъ Божіихъ*. Такова, по смыслу откровенія христіанскаго, долженствовала быть отъ самаго начала исторія *человѣка* и *міра*, или всемірная исторія какъ продолженіе исторіи творенія. Какъ же слѣдовало открыться исторіи дѣлъ *человѣка*?—«И далъ Господь Богъ заповѣдь *человѣку*, говоря: Ъшь со всякаго дерева въ саду *Едема*; а плодовъ съ дерева познанія добра и зла не ѣшь; ибо въ день, въ который ты вкусишь ихъ, смертію умрешь». Повидимому малая заповѣдь учила *человѣка* великому,—подъ образомъ тѣлеснаго поста, *духовному* воздержанію, самоограниченію и послушанію волѣ Божіей какъ существенному закону *человѣческой* воли, которая *можетъ творить* только въ союзѣ со всемогущею волею Бога Творца: только ея силою, *по вѣрѣ* въ нее, можетъ идти предназначеннымъ путемъ — къ великой цѣли (Іоан. XIV, 12). Нарушеніе этого закона разстроитъ предопредѣленную исторію *человѣческой* жизни; оно есть зло, а не добро; оно разрушаетъ, а не творитъ; оно принесетъ не жизнь животворящую, а смерть. *Человѣкъ* не долженъ былъ вкушать отъ познанія этого зла, *испытывать* на себѣ его обезсиливашее и губящее состояніе.

Но *человѣкъ* нарушилъ Божественную заповѣдь.

Итакъ не кончилась ли исторія только что начавшаяся? Какъ торжественно слово творенія: *сотворимъ* *человѣка* по образу *Нашему*, по образу *Божію*; и какая теперь противоположность въ словъ божественнаго суда: *ты возвратишься въ землю, изъ которой ты взятъ!* Итакъ теперь *человѣкъ* уже

не въ силахъ, не только творчески вести природу къ духовному преобращенію; но и самъ возвращается въ ея немощную стихійность—своею собственною стороною, какъ ближайшею къ природѣ низшей его, раждающей, но не творящей; въ человѣкѣ имѣвшей обѣтованіе свободы, а теперь потерявшей чрезъ самого же человѣка даже первое свое благословеніе. «Проклята земля за тебя; тернѣ и волчецъ произраститъ она тебѣ; и ты будешь питаться полевою травою; въ потѣ лица твоего будешь ѣсть хлѣбъ твой, пока не возвратишься въ землю, изъ которой ты взятъ». Теперь это неблагословенную землю, а уже не Едемъ, Божій садъ, человѣкъ долженъ *начинать* воздѣлывать. «И выславъ его Господь Богъ изъ сада Едемскаго, воздѣлывать землю, изъ которой онъ взятъ».—Актomъ перваго грѣха человѣка опускается тяжелая завѣса между первымъ и послѣдующимъ его состояніемъ. Посему-то *естественное* созерцаніе отсель видитъ уже не человѣка въ славѣ Божіа образа, но землю, изъ которой человѣкъ взятъ; потому-то *этотъ* человѣкъ чувствуетъ себя рабомъ ея законовъ, покланяется *естественной необходимости*.

Итакъ снова повторяемъ: не кончилась ли исторія только что начавшаяся?—Нѣтъ. Воля человѣка уклонилась отъ плана Творца и отъ закона творчества, но Творецъ не оставилъ дѣла рукъ Своихъ. Грѣхъ человѣка предвидѣнъ прежде созданія міра, и отъ вѣчности препобѣждается. Падшему первому человѣку *открывается*, что хотя онъ долженъ понести послѣдствія своего грѣха, однако въ надеждѣ возстановленія чрезъ нѣкоторое *стѣня жены*, новаго Человѣка какъ Спасителя человѣчества. Итакъ исторія не кончается, но замедляется.

Возстановленіе должно быть подготовлено Божіею Десницею; при всемъ томъ—*не безъ воли* человѣка. Такъ ненарушимъ *покой* Божій. При этомъ самыя послѣдствія грѣха, какъ уже нѣкоторый волею человѣка *созданный міръ*—въ *мірѣ Божіемъ*, пріемлются премудростію Спасающаго въ

орудіе воспитанія. Дѣйствія грѣха въ первомъ мірѣ были ужасны. Писаніе указываетъ только начало и конецъ этихъ бѣдствій. Начало: «Каинъ возсталъ на Авеля брата своего, и убилъ его». Конецъ: «И увидѣлъ Богъ, что умножилось возвращеніе человѣковъ на землѣ; и что всѣ мысли и помышленія сердца ихъ были во всякое время только зло. И сказалъ Богъ: не вѣчно Духу Моему быть пренебрегаему человѣками; поелику они суть плоть. Истреблю съ лица земли человѣковъ сотворенныхъ Мною, и не только человѣковъ, но и скотъ, и гадовъ и птицъ небесныхъ. Ной одинъ обрѣлъ благодать предъ очами Господа». Итакъ не смотря на грѣхъ, одно сѣмя, какъ залогъ *будущаго*, все-таки воспитано для продолженія исторіи спасенія; и послѣ всемірнаго потопа, снова—благословляется первымъ благословеніемъ: «И благословилъ Богъ Ноя и сыновъ его, и сказалъ имъ: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею».

Потопъ былъ образомъ крещенія, возрожденія для міра и человѣка (1 Петр. III, 20, 21). Теперь начинается новый періодъ исторіи. *Единство* человѣчества, которымъ пользовалась сила грѣха, раздѣляется—физически по племенамъ, и духовно по языку (Быт. XI, 1—9). Наконецъ изъ множества народовъ и племенъ, отдѣляется Сильный вѣрою воли, *новый* родоначальникъ;—не плотскій только одного народа родоначальникъ, но Отецъ всѣхъ вѣрующихъ, какъ особенное сѣмя для особеннаго народа Божія, въ которомъ должны *возблагословиться всѣ народы земли*. Отсюда исторія спасенія идетъ рѣшительнымъ ходомъ, какъ исторія постепенно возрастающаго откровенія о второмъ Адамѣ, до полноты этого откровенія въ явленіи Его лица, въ рожденіи Христа.

Христосъ Сынъ Человѣческій, второй Адамъ, сѣмя *жены*, но не жены и мужа,—становится на мѣсто перваго Адама и за него исполняетъ всю волю Божию о человѣкѣ, и назначеніе человѣка. Такъ исторія человѣчества сдѣлалась богочеловѣческою исторіею, руководимою Богочеловѣкомъ: про-

долженіе исторіи творенія явилось уже не въ однихъ чело-
вѣческихъ, но въ Богочеловѣческихъ рукахъ.—Чрезъ грѣхъ,
душевный челоуѣкъ сдѣлался *перстнымъ*; во Христѣ онъ со-
дѣлается *духовнымъ* и облечется въ *правду* и въ силу правды;
и перстное, смертное его облечется въ нетлѣнное и без-
смертное;—и уже этимъ путемъ доведенъ будетъ и міръ до
новаго неба и новой земли, *въ ней же правда живетъ*; зем-
ля сдѣлается эдемомъ. Итакъ новотвореніе есть цѣль и пер-
ваго творенія.

Таково цѣлое ученіе Писанія о природѣ и челоуѣкѣ. Оно
проливаетъ особенный свѣтъ на исторію творенія, представ-
ляя ее какъ основу цѣлаго дѣла спасенія, въ послѣднемъ
откровеніи котораго какъ бы вскрываются тайны перваго
откровенія.—Можно ли теперь понимать, что то—не фраза,
когда говорится, что откровеніе Писанія выше всякой чело-
вѣческой науки, что его истины несоизмѣримы съ ученіями
естественными?—Но обратимся теперь къ этимъ ученіямъ о
мірѣ и челоуѣкѣ; посмотримъ, каковы они сравнительно съ
ученіемъ Писанія?

Естествознаніе прежде всего не изслѣдуетъ, ибо никакимъ
способомъ не можетъ наблюдать, перваго начала возникно-
венія, т.-е. творенія міра. Здѣсь даже матеріалистическое му-
дрованіе надѣваетъ личину смиренія и говоритъ: «натура-
листъ не занимается твореніемъ матеріи; она существуетъ,—
этого ему достаточно». Естествовѣденіе въ самыхъ смѣлыхъ
своихъ гипотезахъ *начинаетъ* болѣе или менѣе вѣроятнымъ
гаданіемъ о первыхъ состояніяхъ уже даннаго вещества
міра, *образно* проводя его развитіе по нѣкоторымъ ступе-
нямъ, сообразуясь со свойствами наличнаго, слѣдственно
уже завершившагося, развитія перваго вещества. Потомъ
оно продолжаетъ *дѣйствительно* наблюденія, но наблюденія
могилъ природы; и по останкамъ въ нихъ оно лишь *умоза-
ключаетъ* о ходѣ древней жизни. Наконецъ и по преимуще-
ству оно движется въ изслѣдованіяхъ послѣдняго, настояща-

то состоянія природы; наличная дѣйствительность міра составляетъ собственный предметъ естествознанія и область такъ-называемыхъ *точныхъ* его результатовъ.—Итакъ въ предѣлахъ естествознанія рѣшительно не лежитъ *первоначально* происхожденія вещей, его изслѣдованія только гипотетически вращаются между даннымъ началомъ міра и его завершеніемъ въ человѣкѣ,—однако не въ первомъ человѣкѣ, по изначальной его жизни, которой теперь уже нѣтъ и которой искать надлежитъ не въ могилахъ; собственные точныя изслѣдованія естествознанія касаются области уже даннаго, созданнаго міра.

Но во всѣхъ этихъ предѣлахъ, какія же познанія добыты естественною наукою о происхожденіи и существѣ міра, и какъ эти познанія относятся къ священной книгѣ *Бытія*? Мы до времени оставляемъ въ сторонѣ многообъемлющую цѣлость библейскаго ученія о полной судьбѣ созданія. Мы спрашиваемъ только: какъ относятся естественныя познанія къ библейскому шестодневу? Какое между ними сходство, и какое различіе?—Мы изложили шестодневъ въ главныхъ его чертахъ; изложимъ соотвѣтственно всю сумму какъ вѣроятныхъ гипотезъ, такъ и положительныхъ данныхъ естествознанія о происхожденіи міра.

1. И естествознаніе прежде всего находитъ невозможнымъ, чтобъ все изначала существовало такъ, какъ оно есть теперь, и естествознаніе путемъ не только гипотезъ, но и положительныхъ фактовъ геологіи и палеонтологіи доходитъ до необходимости признавать извѣстное происхожденіе, *генезисъ* міра. Это весьма важный пунктъ соотвѣтствія естественной исторіи съ библейскою; пунктъ, на которомъ рѣшительно разбивается всякій матеріализмъ въ естествовѣденіи. Матеріализму, по существу его, равно противны какъ библейское міротвореніе, такъ и естественная космогонія *.

* Матеріалистъ, только не понимая дѣла можетъ говорить о космогоніи толковать о первоначальномъ происхожденіи изъ міра неорганическаго орга-

2. Естественная космогонія въ основѣ своей, какъ извѣстно, имѣетъ канто-лапласову гипотезу. Изначала вся солнечная система предполагается какъ *одинъ* огромный шаръ въ газообразно-жидкомъ состояніи; который потомъ—по законамъ движенія—*отдѣляетъ* отъ своей массы одно кольцо за другимъ, производитъ одну планету за другою; а эти въ свою очередь также производятъ своихъ спутниковъ. Такъ изъясняется происхожденіе земли и ея первоначальное жидкое состояніе, обличаемое нынѣ самою ея формою.—Смѣло ли утверждать, что эта гипотеза есть перифразъ, перевыраженіе Библии? Библейское начало міра есть «небо и земля въ совокупности», и цѣлый видимый міръ есть нераздѣльная «бездна водъ»; затѣмъ по Библии, она раздѣляется «на воды и воды», и однѣ изъ нихъ «воды подѣ небесами» обнимали землю.—Гипотеза естествознанія прославлена, и по достоинству; тѣмъ не менѣе пусть примѣтятъ, что текстъ Библии, не смотря на его краткость, полнѣе его перифраза. Въ послѣднемъ за законами движенія не только утаевается первый Движитель, на котораго Канту долженъ бы указать даже Аристотель; тутъ просмотрѣнъ даже второй движитель, который однако въ Писаніи указывается возникающимъ прежде, чѣмъ началось раздѣленіе бездны водъ на землю и небесныя тѣла,—это свѣтъ; тутъ наконецъ просмотрѣнъ—и это важно наравнѣ съ первымъ движителемъ—Полагатель предѣла дробленію бездны водъ, которое наконецъ *возникло* предѣлъ, тогда какъ по безчувствію такъ-называемаго «закона», должно бы идти въ безконечность до совершеннаго какъ бы разсѣянія вещества.—Итакъ Библия

низовъ, позволять себѣ разсужденія о производительной силѣ матеріи, которая теперь болѣе не существуетъ, но которая существовала нѣкогда при особенно благоприятныхъ обстоятельствахъ. Эта „производительная сила“,—это „первоначальное происхожденіе“, которыхъ для „чувственного воспріятія“ не существуетъ, должны пугать послѣдовательнаго матеріалиста, и заставить его отречься отъ космогоніи. Такъ и дѣлаетъ Кюльбе.—Матеріализмъ проведенный послѣдовательно есть отрицаніе самого естествознанія.

не только о первомъ началѣ, но и о первыхъ двухъ степеняхъ созиданія открываетъ болѣе, чѣмъ *предполагаетъ* естествознаніе; а что говорить о семъ естествознаніе, то видимо находить себѣ мѣсто въ величественной рамѣ священнаго сказанія.

3. Далѣе руководствуясь астрономическими и геологическими наблюденіями, естественная наука относительно образованія собственно земли, нынѣ останавливается на слѣдующихъ заключеніяхъ. Первоначальная огненно-жидкая *безразличная масса* начала остывать, и остывая покрывалась твердою оболочкою или корою,—подъ обширнымъ моремъ обнимавшимъ ее собою. Съ постепеннымъ охлажденіемъ земли, кора уплотнялась; но въ то же время нѣкоторыя ея части, подвергаясь напору внутренней жидкой массы, поднимались въ видѣ возвышенностей или горъ и представлялись *сушею* или островами посреди тогдашняго всеземнаго моря. Вода съ своей стороны, дѣйствуя на земную кору и на выдавшіяся части ея, разрушала ихъ, и такимъ образомъ происходило образованіе различныхъ осадковъ, располагавшихся на днѣ тогдашнихъ морей болѣе или менѣе правильными слоями. Такъ постепенно земля пришла наконецъ къ послѣднему своему состоянію. И дѣйствительно, углубляясь теперь въ земную кору, находятъ, что она состоитъ изъ различныхъ слоевъ: глубже лежащіе—огненного (вулканическаго) происхожденія, въ которыхъ не открывается ни малѣйшихъ слѣдовъ органической жизни; слои позднѣйшіе — водянаго или морскаго (нептуническаго) происхожденія, сходные съ тѣми, какіе въ настоящее время образуются въ моряхъ и озерахъ. Но позднѣйшіе слои земной коры уже не простые минеральные слои, въ нихъ открываются останки погребенной органической жизни, въ правильномъ преемствѣ или послѣдовательности которыхъ наблюденіе можетъ усматривать самый ходъ развитія этой жизни. Какъ и что же здѣсь усматриваетъ научное наблюденіе?

Различные слои земной коры наука называет *геологическими формациями*, видя въ нихъ рубежи исторіи образованія земли и происхожденія ея организмовъ. Формации съ органическими останками геологія обыкновеннѣе сводитъ къ тремъ главнымъ эпохамъ или отдѣламъ: *первичному, вторичному и третичному*, съ подраздѣленіемъ на особые порядки или періоды.

Въ первую половину *первичной* эпохи (періоды кембріійскій и силурскій) земля предполагается вся еще подъ водою. И здѣсь открываютъ *первыя* растительныя и животныя организмы, которые почитаются самыми простыми или несовершенными, какъ бы зародышевыми, — именно: изъ растений *водоросли*, а изъ животныхъ кораллы, энкриниды, брахіоподы, наUTILИДЫ и триболиты, т.-е. такъ-называемые животное-растенія (зоофиты) и слизняки (молюски).—Во вторую половину этой эпохи (періоды девонскій и каменноугольный), когда собственно начала выступать изъ водъ *суша*, въ видѣ обширныхъ острововъ или архипелага, впервые являются растенія, имѣющія характеръ *наземной* или островной флоры. Эта флора состоитъ только изъ хвощей, папоротниковъ, плауновъ, но представляетъ могучее развитіе, какого она въ послѣдствіи никогда не достигала. Это тѣ самыя растенія, изъ которыхъ образовались неистощимые пласты каменнаго угля внутри земли. Но эти растенія размножаются спорами; къ нимъ примыкають другія (кониферы и цикадеи) называемыя въ наукѣ *голосѣмянными*; итакъ пока еще нѣтъ на землѣ ни одного растенія, котораго сѣмя было бы въ его плодѣ.—Въ одно время съ этою наземною или островною флорою и нѣсколько позднѣе (въ пермскій періодъ),—изъ животнаго царства находятъ нѣкоторыхъ *хрящеватыхъ* рыбъ о которыхъ также примѣчаютъ, что онѣ похожи на зародыши настоящихъ рыбъ, и еще амфибій (*лягушекъ*). Послѣднихъ представляютъ какъ звено между рыбами и чешуйчатыми пресмыкающимися, и называютъ *лабиринтодонтами* (виды гигантскихъ черепахъ).

Въ продолженіе эпохи *вторичной*, съ постепенностію ея періодовъ (тріасоваго, юрскаго и мѣловаго) предполагаются особенныя соотвѣтствующія имъ измѣненія въ земной корѣ. Выдвинулись болѣе обширныя острова, образовались болѣе высокія горы, и моря сдѣлались глубже. Сообразно съ этимъ, растенія тогдашняго времени оказываются болѣе разнообразными, чѣмъ въ первичную эпоху; онѣ приняли характеръ болѣе континентальный, чѣмъ островной, и чрезъ то значительно сблизились съ нынѣшнею флорою; тутъ уже явились растенія цвѣтоносныя и плодоносныя, которыхъ сѣмя въ плодѣ (сосудосѣмнныя). Изъ царства животнаго здѣсь собственно *рыбы* (ихтіотиды) и *птицы*—цари творенія.

По *третичной* эпохѣ заключаютъ, что въ продолженіи ея земная поверхность, вслѣдствіе продолжавшихся поднятій, почти совершенно сблизилась съ нынѣшнею относительно размѣщенія на ней морей и континентовъ. вмѣстѣ съ этимъ третичная эпоха представляется какъ аврора настоящей эпохи относительно самаго населенія земли. Тутъ впервые являются собственно *наземныя* животныя; тутъ же вообще всѣ классы нынѣшнихъ какъ растеній, такъ и животныхъ наземныхъ и воздушныхъ имѣютъ своихъ представителей—въ быстро восходящемъ прогрессѣ созданія.

Послѣ третичной эпохи, геологія различаетъ еще слои двухъ періодовъ земли—*дилювіальнаго* и *аллювіальнаго*. Дилювіальный или потопный—это періодъ уже тождественнаго съ нынѣшнимъ царства животныхъ, по даннымъ могильнымъ; и слѣдовательно періодъ человѣка по здравому умозаключенію. А слой аллювіальный, на которомъ живемъ, есть такимъ образомъ уже историческій.

Вотъ картина, въ какой естественная наука изображаетъ происхожденіе и образованіе земли *. Пусть будетъ сопо-

* *Burmeister*, Geschichte der Schöpfung; *Pfaff*, Schöpfungsgeschichte; Ч. Лайзаль, Основныя начала геологіи, русск. пер. *Мина*.—Лайзаль отличается отъ другихъ геологовъ въ раздѣленіи главныхъ эпохъ на періоды; но это—

ставлена эта картина съ библейскимъ изображеніемъ исторіи творенія; и пусть чрезъ это сопоставленіе будетъ рѣшено изслѣдованіемъ взаимное отношеніе Библии и естествознанія. На первый взглядъ представляются слѣдующія между ними различія: 1) библейская исторія движется въ предѣлахъ шести дней; естественная исторія въ предѣлахъ многихъ періодовъ и эпохъ; 2) первая органическая жизнь по Библии есть жизнь растений, за которою только чрезъ промежутокъ цѣлаго дня (четвертаго) слѣдуетъ жизнь первыхъ живыхъ тварей моря и воздуха; по естественной исторіи объ жизни растений и первыхъ низшихъ животныхъ возникаютъ повидимому вмѣстѣ, одновременно; 3) по Библии для сотворенія каждой жизни опредѣляется свой день; по естественному ученію, каждая жизнь до полного развитія проходитъ не одну эпоху.

Но для полноты свѣта естественныхъ ученій о природѣ, — чтобъ не умалить этой полноты (ибо съ этимъ вмѣстѣ косвенно умалялась бы самая истина Писанія), — мы къ изображенной картинѣ считаемъ нужнымъ присоединить такъ-сказать текстъ объяснительный со стороны естествознанія. Этотъ текстъ составляютъ естественно-научныя рѣшенія важнѣйшаго вопроса: какъ происходили вышеизображенные постепенныя смѣны органическаго населенія земли? Растенія, животныя, послѣдовательно являвшіяся на земномъ шарѣ, суть ли произведенія *новыхъ твореній*, постепенно слѣдовавшихъ одно за другимъ, — или только произведенія *естественнаго преобразования* потомковъ изъ предковъ?

Для рѣшенія этихъ вопросовъ въ современномъ естествознаніи существуютъ двѣ совершенно противоположныя *гипотезы*. По одной изъ этихъ гипотезъ, животныя существую-

отличіе системы, а не данныхъ геологическихъ и палеонтологическихъ. — Не перечисляя другихъ, однако назовемъ еще книгу даже крайняго направленія: *Häckel, Natürliche Schöpfungs-Geschichte* (1870), которую мы имѣли подъ руками. Мы знаемъ, что это — популяризаторъ, но не второстепенный; это своего рода философъ въ естествознаніи, систематикъ космогоніи.

ція въ настоящее время—не суть отдѣльныя или самобытныя созданія, а преобразованные потомки прежнихъ животныхъ, существовавшихъ въ геологическія времена, и однѣ изъ другихъ развившихся вліяніемъ только физическихъ причинъ, борьбою за существованіе и путемъ такъ-называемаго естественнаго подбора. Самый человекъ по смыслу этой гипотезы долженъ быть слѣдствіемъ такого преобразованія. Эта гипотеза не отрицаетъ сотвореніе первоначальныхъ типовъ, но вмѣсто дальнѣйшаго хода *творенія*, предполагаетъ лишь космогоническую исторію *.

Хотя теорія *преобразованій* обставлена весьма увлекательными наблюденіями, но она встрѣчаетъ большой отпоръ въ самой наукѣ естествознанія. Авторитеты науки находят эту теорію противорѣчащую извѣстнымъ палеонтологическимъ изслѣдованіямъ **. Растенія и животныя, принадлежація какой-либо извѣстной геологической эпохѣ,—говорятъ,—совершенно *различны* отъ тѣхъ, которыми характеризуются всѣ другія эпохи. Каждая геологическая эпоха, относительно органическаго населенія, представляетъ замкнутое цѣлое, *особенный* органическій міръ какъ отдѣльное твореніе. Посредствомъ этого-то обособленія или отдѣльности твореній, наука и въ состояніи опредѣлить различные періоды или фазы въ исторіи земли; въ противномъ случаѣ не возможно было бы разгадать того, что происходило нѣкогда на земной поверхности, и особенно того, въ какомъ порядкѣ слѣдовали событія однѣ за другими. — Притомъ несмотря на обособленіе или отдѣльность твореній, растенія и животныя, принадлежація геологическимъ эпохамъ, въ порядкѣ своей послѣдовательности представляютъ собою *такой* непрерывный рядъ, въ которомъ они соединены общимъ *разумнымъ* планомъ. Начиная отъ низшихъ или древнѣйшихъ формаций и

* *Дарвинъ* и его послѣдователи.

** Авторитетъ противъ авторитета: противъ *Дарвина Агасиссъ* и его послѣдователи.

восходя постепенно къ высшимъ или болѣе новымъ, рѣшительно усматривается, *какимъ* образомъ отдѣльныя органическія населенія, по степени своего развитія, болѣе и болѣе сближаются съ своимъ идеаломъ, т.-е. съ нынѣшними растеніями и нынѣшними животными. Итакъ заключаютъ, что между всѣми отдѣльными твореніями, послѣдовательно появляющимися на земной поверхности, есть общая связь или опредѣленный планъ, въ которомъ растенія и животныя, теперь существующія, были обозначены, какъ долженствующія быть послѣдними. Значить въ ходѣ созданія шла не слѣпая борьба за существованіе и не случайный подборъ между побѣдителями; но тутъ оставленъ слѣдъ разумнія, несравненно могущественнѣйшаго, чѣмъ самое человѣческое разуміе;— слѣдъ разумнія стоящаго выше самаго предмета его; это— разуміе безконечное.

Впрочемъ, какъ ни различны эти двѣ, одна противъ другой стоящія, гипотезы въ естествознаніи, — мы рѣшаемся свести ихъ къ одной. Обѣ допускаютъ твореніе и обѣ вмѣстѣ съ тѣмъ держатся космогоніи; различіе между ними лишь въ томъ, что первая, принимая *первоначальное* твореніе, затѣмъ развиваетъ только космогоническую исторію; а вторая, конечно, не отрицая космогоніи, управляетъ исторіею космогоническою—*исторіею* творенія.

Такимъ изложеніемъ и пониманіемъ данныхъ естественной исторіи, вопросъ объ отношеніи ея къ Библіи, надѣмся, представляется прямо и рѣшительно, безъ всякаго умаленія или сокрытія сущности дѣла обѣихъ сторонъ. Какое же *разумное* впечатлѣніе должна произвести такая постановка?—Нѣкогда Бытописатель, пророкъ и вождь народа Божія избранія, приблизясь къ землѣ обѣтованной, послалъ пословъ, предварительно узнать землю и ея обитателей; послы ходили сорокъ дней и хорошо обозрѣли землю; но возвратившись, всѣ кромѣ одного говорили: «въ землѣ той течетъ молоко и медъ, и вотъ плоды ея; только народъ живущій на

землѣ той силенъ, и города укрѣпленные; мы не можемъ идти къ народу сему, поелику онъ сильнѣ насъ»; такимъ образомъ — послы произвели въ народѣ смуту, увѣряя еще будто земля та есть поѣдающая живыхъ людей, а народъ ея—исполины, предъ которыми они евреи саранча. Но Господь сказалъ Моисею: *Живъ Я, и всегда живетъ имя Мое, и славы Господней полна вся земля.* И народъ Божій овладѣлъ тою землею, но за малодушее понесъ наказаніе сороколѣтняго странствованія въ пустынь; наконецъ стала та земля кивотомъ Божиимъ (Числ. XIII, XIV).—Нѣкогда, болѣе чѣмъ сорокъ лѣтъ тому назадъ, *одинъ* изъ богослововъ чуждаго намъ вѣроисповѣданія, осмотрѣвши область естествознанія, малодушно писалъ къ своему молодому другу: «смотря на состояніе естественной науки, и соображая успѣхъ, какой она дѣлаетъ съ каждымъ днемъ въ познаніи вселенной, что вы думаете о будущей участи, не говорю, нашего богословія, но самаго исповѣданія вѣры? Я старъ и умру спокойно; но вы доживете до того времени, когда наука построится на непреложныхъ началахъ, что тогда вы и ваши современники будете дѣлать?»*—Мы должны сказать, что теперь богословіе какъ наука должна чувствовать себя даже крѣпче прежняго, оно уже не назоветъ естествознанія землею враждебною себѣ; достигнутый успѣхъ естественной науки будетъ успѣхомъ и богословія. Обзоръ области естествознанія не должно смущать насъ за истину Откровенія въ Писаніи, собственную глубину и многообъемлемость котораго мы уже видѣли. Надлежитъ продолжать изслѣдованіе, *испытаніе писанія*, чтобы открылась его всепоѣдающая истина и въ отношеніи къ естественному познанію. Слово Писанія есть Слово Божіе. «Слово Господне, говоритъ псалмопѣвецъ, чисто какъ сребро расплавленное,—вынутое изъ земли, но семь разъ очищенное: *слова Господня слова чиста, сребро разжжено, искушено земли, очищено седмерицею*». Область естест-

* Theolog. Studien und Kritik von Ullmann und Umbreit, 1829 p. 482.

вознания, природа есть также Откровение Божіе: въ нихъ не можетъ быть несогласія; обѣ области суть носители полноты *славы Господней*.

На нашей памяти, когда отрицательное направленіе, въ естествовѣдѣніи особенно громко о себѣ провозглашало,— въ Англіи сдѣлано было воззваніе къ ученымъ естествовѣдамъ, въ которомъ выражалось убѣжденіе, что не можетъ существовать никакого противорѣчія между Божіимъ Откровеніемъ въ книгѣ природы и въ книгѣ Свящ. Писанія, и что слѣдовательно напрасно нѣкоторые ученые злоупотребляютъ наукою для умаленія истины Библии. Ученые были приглашаемы подписаться подъ этимъ воззваніемъ, если они согласны съ нимъ. Воззваніе этошло отъ неизвѣстнаго лица, и вѣроятно было направлено противъ нѣкоторыхъ авторитетовъ въ новой геологіи. Съ этой стороны мы считаемъ такое воззваніе напраснымъ. Но какъ бы то ни было, подъ нимъ подписали свои имена болѣе двухъ сотъ ученыхъ, между которыми считаютъ авторитеты науки *.

Итакъ будемъ спокойно продолжать наше изслѣдованіе.

* Воззваніе напечатано въ первый разъ въ *Athenae* 17 сентября 1864 г., стр. 375. Въ свое время оно было переведено и напечатано въ *Православномъ Обзорѣ*.

IV.

ОПЫТЫ СРАВНИТЕЛЬНОГО ИЗЪЯСНЕНИЯ МИРОТВОРЕНИЯ ПО БИБЛИИ И ЕСТЕСТВОЗНАНИЮ.

Извѣстные въ Богословіи изъяснительные опыты не случайны.—Ихъ связь съ успѣхами естествознанія. — Первый по времени опытъ: гипотеза потопная. Ея изложеніе и критика. — Второй опытъ: гипотеза реститутивная. Ея изложеніе и критика.

Сопоставленіе библейскаго ученія о твореніи и современныхъ естественныхъ ученій о происхожденіи міра, сдѣланное въ предъидущей главѣ, взгляду внимательному сравнивающему ихъ какъ два рядомъ поставленныя изображенія,—само собою даетъ уже примѣтитъ глубокую истинность ученія Откровенія въ цѣломъ его составѣ, не нарушимую всею совокупностію и открытій и гипотезъ естественнаго познанія. Однако это сопоставленіе открываетъ и различія между Библіею и естествознаніемъ. Припомнимъ эти различія: 1) исторія творенія по Библии, послѣ перваго творческаго начала, совершается въ предѣлахъ седмицы дней; естественная исторія изображаетъ происхожденіе міра—совершавшимся въ продолженіи многихъ эпохъ и періодовъ; 2) первая органическая на землѣ жизнь по Библии есть жизнь растеній, и уже чрезъ промежутокъ цѣлаго дня (четвертаго) за нею слѣдуетъ сотвореніе первыхъ живыхъ тварей моря и воздуха; по естественной исторіи, жизнь первыхъ низшихъ животныхъ моря представляется возникшею какъ бы вмѣстѣ, одновременно съ жизнью растеній; наконецъ 3) по Библии,

сотвореніе каждой определенной жизни ограничивается предѣломъ своего опредѣленнаго дѣя; по естественному ученію, каждая жизнь до полнаго развитія проходить не одну эпоху. Изъясненіе этихъ различій требуетъ изслѣдованія.

Мы представили сумму естественныхъ ученій о происхожденіи міра, по современному ихъ состоянію; но естественное ученіе о происхожденіи міра и особенно земли (геологія) очень недавно пришло къ настоящей своей полнотѣ. Здѣсь надлежитъ отмѣтить примѣчательный фактъ, что съ постепеннымъ совершенствованіемъ науки, изъ вѣка въ вѣкъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе, можно сказать изъ года въ годъ, разности между наукою и ученіемъ библейскимъ уменьшаются. Въ прошедшемъ вѣкѣ, даже въ началѣ нынѣшняго, дѣлались нападенія на Библію, во имя науки, въ такихъ пунктахъ, которые нынѣ стали неприступны для нападеній, вслѣдствіе успѣховъ самаго естествознанія. «Для ума свободнаго отъ предубѣжденій, говоритъ извѣстный ученый геологъ, должно быть отраднымъ убѣдиться, какъ много невѣдѣнія и какъ мало правды было въ обвиненіи, произносимомъ нѣкоторыми философами послѣдняго вѣка, противъ Книги, которую съ точки зрѣнія науки изъ времени они не могли достаточно понимать. Выводы естественныхъ наукъ новаго времени показали, что Моисеево повѣствованіе о твореніи находится въ болѣе полномъ согласіи съ твердыми геологическими фактами, чѣмъ тѣ системы, измышленныя блестящими умами» *. Строго научная геологія считаетъ едва семьдесятъ лѣтъ своего существованія; она достигла большихъ успѣховъ, но цѣною многихъ ошибокъ; даже и теперь она не можетъ рѣшительно утверждать относительно многихъ и важныхъ вопросовъ **.

* Marcel de Sèrres, *Cosmogonie Mosaique*: мѣсто приведенное у Aug. Bost въ его статьѣ *Geologie dans les rapports avec la Revelation* Bullet. Theol. № 2 Mai 1863, стр. 113.

** Обо всемъ этомъ подробно трактуется, на основаніи авторитетовъ естествознанія, у Рейна, *Bibel und Natur*, гл. IV (Миссія науки), гл. XIV и слѣд. (Геологія и Библія).

Надобно имѣть все это въ виду, чтобъ понять исторію богословской мысли, изъясняющей отношенія естественнаго ученія къ Библии. Богословская наука знаетъ *четыре опыта* такого изъясненія. Это—не какія нибудь случайныя четыре теоріи, одна отъ другой независимыя. Ихъ преемственность и совокупность представляютъ живую законѣрную исторію научнаго развитія, постепенно углубляющагося въ истину библейскаго ученія о природѣ—въ присутствіи нарастающихъ открытій естествознанія. Въ каждомъ изъ своихъ объяснительныхъ опытовъ, богословская мысль исходила изъ твердыхъ богословскихъ основаній, раскрывая ихъ генетически и сопоставляя съ данными естественнаго ученія того или другаго времени.

Первые опыты изъясненія, имѣя въ виду нетвердость прежнихъ геологическихъ ученій, естественно старались устранить всякую соизмѣримость библейскаго сказанія о твореніи съ естествознаніемъ. Въ библейскомъ ученіи о природѣ есть два особенныхъ момента, послужившихъ основаніемъ для этихъ начальныхъ изъяснительныхъ опытовъ. Первый моментъ, это—время до шестидневнаго творенія, время начального состоянія сотворенныхъ неба и земли, *земли же невидимой и неустроенной*,—время не опредѣляемое Библиею относительно его продолжительности. Но этотъ моментъ еще не такъ рѣзко выступаетъ, чтобъ прямо представлялся испытующей мысли. Другой моментъ есть время послѣ шестидневнаго творенія: это ясно указанный Писаніемъ, примѣтный безъ изслѣдованія—необыкновенный переворотъ въ созданіи, т.-е. событіе всемірнаго потопа. Первый опытъ богословскаго изъясненія исторіи творенія, въ виду естественныхъ познаній своего времени, и останавливается на этомъ моментѣ библейскаго ученія о природѣ, давая понять въ этомъ моментѣ нѣкоторое чрезвычайное измѣненіе лица земли, сравнительно съ ея первымъ послѣ сотворенія состояніемъ,—что необходимо имѣть въ виду, при оцѣнѣ исторіи

творенія. Западное богословіе дало этому изъяснительному опыту названіе *потопной* теоріи, или гипотезы (Sündfluths-hypothese).

1. Совершенно понятно, что первые, необширные опыты естественнаго познанія земли, требовавшіе сообразнаго съ ними отвѣта отъ богослововъ, были встрѣчены простымъ объяснительнымъ указаніемъ на всемірный потопъ какъ причину геологическихъ и палеонтологическихъ фактовъ. Такъ уже учитель церкви *Тертуліанъ* событіемъ библейскаго потопа объяснялъ нахожденіе окаменѣлыхъ раковинъ и другихъ животныхъ на горахъ и въ горахъ *. Но и позднѣе, съ увеличеніемъ числа геогностическихъ фактовъ, не только богословы, но и естествовѣды, для объясненія этихъ фактовъ считали достаточнымъ указаніе на всемірный потопъ. Очень вѣроятно, что вообще научный авторитетъ этому указанію впервые былъ приданъ философомъ *Лейбницемъ*, который въ своей «Протогѣ» вступилъ въ сущности на этотъ самый путь для генетическаго объясненія — геогностическихъ фактовъ. Послѣ него это указаніе было принято и въ естественную науку, въ XVIII вѣкѣ, благодаря знаменитому цюрихскому физику и врачу *Шейхцеру*, думавшему въ челоѣкообразномъ скелетѣ исполинской саламандры открыть кости погибшаго во время потопа челоѣка, и найти въ этомъ сильное доказательство въ пользу истинности первобытной библейской исторіи **. Въ первой половинѣ нашего вѣка усвоилъ себѣ потопную гипотезу русскій геологъ Стефанъ Ку-

* Тертуліанъ, *De pallio* с. 2. — Указываютъ также на св. Ипполита: *О филос. умозрѣніяхъ, или обличеніе всѣхъ ересей* кн. 1, гл. XIV. Но это указаніе неправильное. Св. Ипполитъ излагаетъ здѣсь мнѣніе Ксенофана, который объясняетъ нахожденіе животныхъ окаменѣлостей въ землѣ и на горахъ — первоначальнымъ смѣшеніемъ земли съ моремъ. Русск. пер. сочиненія св. Ипполита въ приложеніи къ „Прав. Обзор.“ Мартъ 1872 г. стр. 19.

** *Scheuchzer, Homo diluvii testis; Herbarium diluvianum; Physica sacra* 1727 г. и слѣд.

торія *. Изъ новѣйшихъ ученыхъ, объявляющихъ себя въ пользу этой гипотезы, примѣчательны аббатъ *Соринье* **, лютеранскій богословъ *Кейль* *** и иезуитъ *Бозиціо* †. Сочиненіе послѣдняго отличается преимущественною ученостію въ области естествознанія; и поэтому можетъ быть взято въ руководство къ предстоящему намъ изложенію потопной гипотезы.

Здѣсь прежде всего обращается не несправедливое вниманіе на неполноту, неопредѣлительность и несогласіе существующихъ геологическихъ изслѣдованій и взглядовъ; и отсюда выводится обязанность величайшей осторожности для апологета книги Бытія. Дѣйствительно 1) научному изслѣдованію доселѣ подвергнута настолько тонкая часть земной коры, что Бозиціо рѣшается сравнивать эту часть съ глубокими разрѣзами въ кожѣ руки, по которымъ, конечно, нельзя имѣть точнаго анатомическаго познанія о внутреннемъ строеніи всего тѣла человѣка. 2) Послѣдовательность геологическихъ формаций—фактически отнюдь не вездѣ одинаковая, то-есть не вездѣ полная и непрерывная; а ученое ихъ подраздѣленіе и особенно группировка формаций въ періоды, которые играютъ столь значительную роль въ изясненіи моментовъ землеобразованія, допускаетъ великое разнообразіе. 3) Геологическія вычисленія времени землеобразованія выводятся отнюдь не изъ данныхъ твердыхъ и несомнительныхъ, а представляютъ крайне-различныя гипо-

* *С. Кутюра* „Нѣсколько словъ противъ теоріи постепеннаго развитія органическихъ существъ на землѣ“. 1839.

** *Le Cosmogonie de la Bible* devant les sciences perfectionnées, ou la Revelation primitive démontrée par l'accord suivi des faits cosmogoniques avec les principes de la science generale. Paris, 1854.

*** *Biblischer Commentar über das Alte Testament. Genesis*. 1861; также по собственному указанію автора: „die biblische Schöpfungsgeschichte und die geologische Erdbildungstheorie“ in der theol. Zeitschr. v. Dickhof u. Kliefoth 1860, ст. 479 и слѣд.

† Книга *Бозиціо* названа у насъ во введеніи, см. о литературѣ предмета стр. 17.

тетическія числа—такъ, что гдѣ одинъ вычислитель довольствуется тысячами, другой требуетъ милліоновъ лѣтъ; поэтому даже Карлъ Фохтъ считаетъ рѣшительно невозможнымъ вычисленіе дѣйствительное. Принимая во вниманіе всѣ эти соображенія, Бозицію считаетъ богослововъ въ правѣ—такъ смотрѣть на происхожденіе изслѣдуемыхъ геологіею формаций и окаменѣлыхъ остатковъ въ нихъ:

«Всѣ такъ-называемыя осадочныя отложенія въ корѣ нашей земли, искусственно раздѣляемыя и подраздѣляемыя на періоды и формации, образовались не въ продолженіе творенія органическихъ существъ, но уже *по окончаніи* творенія растительнаго и животнаго царства, въ теченіе времени, особенно—въслѣдствіе того исторически извѣстнаго великаго наводненія, о которомъ повѣствуетъ Библія, и—другихъ подобныхъ катастрофъ, совершающихся и донинѣ, хотя въ меньшихъ размѣрахъ; въ этихъ-то переворотахъ погибло множество современныхъ имъ видовъ животныхъ и растений, которыя и находятъ теперь сокрытыми и засыпанными въ осадочныхъ слояхъ—частью на самомъ мѣстѣ тогдашняго ихъ географическаго распространенія, частью—перенесенными въ другія мѣста силою переворота, и ею же погребенными и заваленными въ низменностяхъ и глубинахъ, въ горныхъ ущельяхъ и разсѣлинахъ, наконецъ въ различныхъ осадочныхъ слояхъ.»

Итакъ этотъ опытъ изъясненія прежде всего предлагаетъ какъ бы *выжидать* спокойно, пока геологія достигнетъ полнаго совершенства.—Въ принципѣ можно, конечно, согласиться, что въ научныхъ рѣшеніяхъ вообще не должно спѣшить, то-есть ускорять рѣшеніемъ, когда еще всѣхъ данныхъ нѣтъ на лицо. Но, чтобъ результатомъ предстоящаго еще усовершенствованія геологической науки могло быть совершенное или почти совершенное воспроизведеніе только-что изложеннаго опыта объясненія естественной исторіи земли,—этого ожидать невозможно уже по современному состоянію результатовъ

Естествознанія. Окаменѣлые останки такъ-называемой дилювіальной формаціи, а также и высшихъ слоевъ формаціи третичной могутъ еще съ нѣкоторымъ видомъ научной истины быть возводимы къ Ноеву потопу и къ другимъ великимъ наводненіямъ и переворотамъ по завершеніи творенія. Но такое объясненіе невозможно безъ очевиднаго ущерба истинѣ распространять на окаменѣлости содержащіяся въ нижнихъ горныхъ слояхъ; и одна уже каменноугольная формація, какъ несомнѣнный продуктъ постепеннаго погруженія громадной массы растений, представляетъ непреодолимое возраженіе для *потопной* теоріи; между тѣмъ за каменноугольнымъ слоемъ слѣдуютъ многіе ряды другихъ толщъ, которыхъ мѣстная глубина наприм. въ пермской формаціи по непосредственному измѣренію доходить отъ восьми даже до 80 и болѣе сажень. Правда, что геологическіе милліоны лѣтъ представляются величинами болѣе фантазіи, нежели точнаго счисленія; однако переносимыя на время творческаго дѣланія—время, въ которомъ дни уравниваются тысячамъ лѣтъ и тысячелѣтія зовутся днями, они еще имѣютъ извѣстный смысл—управляемые или исправляемые мыслию объ особенномъ, чрезвычайномъ, еще неисторическомъ времени. Но когда всѣ геологическія образованія хотятъ вдвинуть въ предѣлы историческаго времени: то здѣсь преуменьшеніе едва ли основательнѣе геологическаго преувеличенія. Результаты науки, конечно, еще не полны; но это не даетъ основанія къ совершенному ихъ игнорированію. Послѣдовательный порядокъ главныхъ формацій установленъ въ наукѣ твердо, и если фактически онъ не вездѣ является полнымъ и непрерывнымъ; однако—что гораздо важнѣе—нигдѣ не является извращеннымъ. Если ряды слоевъ или отложеній называть буквами алфавита, то индѣ дѣйствительно представляются нѣкоторыя буквы какъ бы выпавшими, но рѣшительно никогда порядокъ буквъ не является перестановленнымъ. Ибо теперь характеръ отложеній опредѣленъ такъ отчетливо и ясно, что гдѣ бы ни были производимы наблюденія, харак-

теръ матеріала сразу и неложно вездѣ одинаковымъ образомъ даётъ знать о себѣ. Наконецъ сообразно съ характеромъ отложеній или геологическихъ слоевъ, столь же точно опредѣленъ и характеръ ископаемыхъ останковъ растений и животныхъ. Ибо они не перемѣшаны одни съ другими, какъ слѣдовало бы ожидать отъ послѣдствій потопной катастрофы, но обыкновенно являются расположенными по классамъ въ соответствующихъ слояхъ, такъ что въ одномъ напр. оказываются растенія и животныя только морскія, тогда какъ въ другомъ—только земноводныя растенія и животныя и т. д. При такомъ положеніи вещей представители естествознанія ни теперь и вообще никогда не въ состояніи будутъ согласиться съ исключительностію разбираемой нами объяснительной теоріи; напротивъ всегда будутъ видѣть въ ней несправедливое непризнаніе того, что уже есть въ извѣстной мѣрѣ достовѣрнаго въ ихъ изслѣдованіяхъ; и потому, въ лучшемъ случаѣ, будутъ платить тою же монетою, то-есть игнорировать и богословское изъясненіе исторіи творенія.

Однако и со стороны самой богословской науки нѣтъ недостатка въ важныхъ сомнѣніяхъ или возраженіяхъ противъ разсматриваемаго опыта изъясненія. Въ самомъ дѣлѣ въ библейской исторіи творенія, очевидно *изображено* твореніе не тѣхъ видовъ органической жизни, которой останки окаменѣлые палеонтологія открываетъ въ могилахъ дочеловѣческихъ, а твореніе видовъ жизни и нынѣ продолжающихъ существовать. Божественное благословеніе живому творенію, по Библии, предназначаетъ рѣшительно жизнь и распространеніе, а не погибель или вымираніе огромными массами. Къ тому же священное бытописаніе говоритъ только объ одномъ великомъ міровомъ переворотѣ въ историческое время, т.-е. объ одномъ потопѣ во времена Ноя; а о какихъ-либо другихъ переворотахъ и катастрофахъ этого рода, которыя необходимы по разбираемой гипотезѣ, и притомъ не въ незначительномъ числѣ, къ объясненію всѣхъ геологически-палеон-

тологическихъ феноменовъ, Писаніе не дѣластъ ни малѣйшаго намека *.

Такимъ образомъ уже по причинѣ однихъ этихъ только экзегетическихъ затрудненій, богословская мысль не могла и не можетъ остановиться на этомъ первомъ опытѣ изъясненія. Она должна была искать и нашла другой путь, на который вступила—надобно примѣтить—съ удивительною послѣдовательностію постепеннаго научнаго движенія. Основной мысли перваго изъясненія она не оставила, какъ несомнѣнно истинной мысли. Это—мысль о несоизмѣримости между предметомъ вѣчнаго Откровенія и частными естественно-научными открытіями времени. Но удерживая эту мысль, а вмѣстѣ съ тѣмъ не отрицая значеніе естественнаго познанія, Богословіе старалось найти изъясненіе этого значенія уже не въ библейскаго сказанія о міротвореніи, а въ самомъ этомъ сказаніи.

2. Первый, вступившій на новый путь сравнительнаго изъясненія Моисеева шестоднева съ ученіемъ геологіи, былъ шотландскій богословъ *Томасъ Чальмерсъ*. Въ 1804 году онъ наметилъ свою мысль въ проповѣди, развивая такую тему: «напрасно думаютъ, будто возводя образованіе земли къ эпохѣ древнѣйшей того времени, которое, по священной хронологіи, привыкли считать начальнымъ,—геологія разрушаетъ вѣру въ богодухновенность Св. Писанія и во все спасительныя его истины; такое сужденіе неосновательно; книга Бытія не даетъ опредѣленія возраста земли». Черезъ десять лѣтъ Чальмерсъ развилъ эту мысль подробно въ своей *Критикѣ теоріи земли по Кювѣ*, стараясь показать, что палеонтологическіе періоды нѣтъ надобности выносить за предѣлы шести дней творенія; хотя они не могутъ быть относимы и ко времени этихъ дней, однако легко могутъ

* О разсматриваемыхъ опытахъ изъясненія исторіи творенія сравнительно съ геологіею, см. статью Цеклера въ апологетическомъ журналѣ: *Beweis des Glaubens*, июль 1865.

падать на время предшествующее библейской седмицѣ творенія—оставаясь такимъ образомъ въ предѣлахъ библейской исторіи міротворенія. Мысль встрѣчена была съ такимъ сочувствіемъ, что англійскій геологъ Бокляндъ * рѣшился защищать её въ нѣкоторыхъ естественно-научныхъ подробностяхъ; потомъ она была усвоена и развита многими учеными Германіи, особенно въ наше время Куртцемъ и Андреемъ Вагнеромъ **.

Въ главныхъ чертахъ, этотъ новый опытъ установки естественно научнаго матерьяла въ отношеніи къ библейскому ученію, состоитъ въ слѣдующемъ: «между первымъ актомъ творенія—*въ началѣ сотвори Богъ небо и землю*—и первымъ актомъ шестоднева—*и рече Богъ, да будетъ свѣтъ*», Библия указываетъ на особенное первоначальное состояніе вещей, не опредѣляя притомъ продолжительности времени этого состоянія. Итакъ соображаютъ, что до начала дней творенія земля была уже образована, и органическія существа жили на ней; но та первая форма земли и тотъ первый ея міръ растений и животныхъ были уничтожены переворотомъ, который описывается въ библейскихъ словахъ: *земля была, какъ бы—земля стала необразована и пуста*. Предположивши такой смыслъ въ первыхъ двухъ стихахъ *Бытія*, утверждаютъ, будто всё, что извѣстно наукѣ о первобытной исторіи земли и ея организмовъ, относится къ эпохѣ, которая предшествовала шестодневу; и что Бытописаніе въ изображеніи шести дней творенія представляетъ исторію не перваго, но окончательнаго образованія земли и окончательнаго созданія ея растений и животныхъ. Такимъ образомъ шестодневъ толкуется какъ исторія *возстановленія* творенія. Отсюда этотъ

* Бокляндъ, *Vindiciae geologicae*, 1820;—*Reliquiae diluvianae*, 1823;—„О первобытномъ мірѣ и его чудесахъ“, 1836 (въ Бриджватер. трактатахъ перевед. на русскій языкъ въ *Библ. для Чтенія* 1837 г.).

** *A. Wagner*, *Geschichte der Urwelt, mit besonderer Berücksichtigung der Menschenrassen und des mosaischen Schöpfungsberrichtes*, 2-е изд. *Leipzig*, 1859.

опытъ изъясненія получилъ названіе *реститутивной* гипотезы (Restitutions-hypothese).

При непосредственномъ взглядѣ на этотъ опытъ изъясненія представляется, что при немъ и библейское сказаніе и палеонтологическая исторія растений и животныхъ если соприкасаются, то впрочемъ такъ, что между ними не можетъ быть никакого несогласія. Продолжительности времени первоначальнаго состоянія вещей до актовъ шестоднева Библія не опредѣляетъ. О растеніяхъ и животныхъ, описываемыхъ въ палеонтологіи, священный Писатель не говоритъ ни слова; а тѣхъ растений и животныхъ, созданіе которыхъ онъ относитъ къ третьему, пятому и шестому днямъ, палеонтологія не можетъ находить и слѣдовъ, развѣ въ слояхъ позднѣйшаго происхожденія, слѣдственно уже въ историческую эпоху, но—она не откроетъ ихъ въ многочисленныхъ отложеніяхъ эпохи первобытной. Поэтому богословы не имѣли бы и нужды входить въ соображеніе ученій палеонтологіи съ библейскимъ ученіемъ; а палеонтологи не затрогивая библейской мысли совершенно свободны учить какъ знаютъ, что органическая жизнь началась на землѣ формами относительно менѣе совершенными, растеніями или животными, или же современно тѣми и другими; что эти первые организмы погибли и были замѣщены другими созданными иначе и болѣе совершенными, и что такое возобновленіе повторялось много разъ. Пусть палеонтологи рѣшаютъ, что эти первобытныя флоры и фауны исчезли вслѣдствіе мгновенныхъ катастрофъ, или же угасали медленно; что это исчезновеніе имѣло мѣсто одновременно по всей землѣ, или же шло преемственно въ различныхъ странахъ и проч. и проч. Всѣ эти и другіе имъ подобныя вопросы общей науки, какъ бы ни рѣшались,—по смыслу предлагаемой гипотезы, не имѣютъ значенія для науки богословской. По этой гипотезѣ библейская исторія шестидневнаго творенія собственно тамъ начинается, гдѣ уже кончается исторія палеонтологическая.

Но прежде всего допустима ли эта гипотеза уже со сто-

роны библейскаго экзегезиса или толкованія? — Что между первоначаломъ творенія и исторіею шестоднева Библия представляет неопредѣляемой продолжительности время, это несомнѣнно. Но чтобы состояніе вещей этого времени изображалось въ Библии какъ хаотическое нестроеніе, а тѣмъ болѣе какъ какое-либо разстройство, этого не допускаетъ строгій экзегезисъ. Вводимое понятіе хаоса въ первоначало творенія само разстроиваетъ весь космосъ божественнаго созиданія и священнаго о немъ повѣствованія.

Это-то понятіе и есть главный уязвимый пунктъ разсматриваемой гипотезы. Доколѣ это понятіе не выступало изъ своей неопредѣленности, доколѣ первобытный хаосъ быть принимаемъ въ смыслъ творческаго смѣшенія, доколѣ гипотеза просто указывала на это начало творенія какъ на особенный началоположный актъ, имѣвшій мѣсто до актовъ шестоднева, и требующій изъясненія въ исторіи творенія, — въ ней можно было примѣчать нѣкоторое счастливо заложенное, хотя неразвитое, начало болѣе глубокаго библейскаго экзегезиса. Но когда понятіе хаоса уже какъ изначальнаго *разстройства* творенія стало въ толковательной гипотезѣ на первый планъ, оно совершенно измѣнило первоначальный ея видъ и лишило ея вѣроятности. Въ измѣненномъ видѣ, въ какомъ нынѣ является эта гипотеза особенно у Куртца, Генстенберга и ихъ послѣдователей, какъ гипотеза *возстановленія* творенія въ шесть дней *Бытія*, — творенія будто въ началѣ разрушеннаго *паденіемъ ангеловъ*, и бывшаго неоднократно нарушаемымъ ихъ борьбою противъ Творца, — въ этомъ видѣ разсматриваемая гипотеза является намъ рѣшительно недопустимою ни въ смыслѣ частнаго толкованія первой главы бытописанія, ни тѣмъ болѣе — въ смыслѣ цѣлости вѣроученія. Въ изображеніи шестоднева Библии, очевидно, описывается происхожденіе свѣта, тверди, морей и суши, растений и животныхъ не какъ повторяемыя или восстанавлиемыя, но какъ въ первый разъ являющіяся или устанавлиемыя созданія. Далѣе священный текстъ ни единой чертою не

внушаетъ мысли о вмѣшательствѣ падшихъ духовъ въ дѣло творенія; да и не могъ внушать такой язычески-дуалистической мысли. Напрасно обольщаются утвердиться на крѣпкомъ основаніи, проводя въ этомъ смыслѣ аналогію между твореніемъ и искупленіемъ. *Князь міра сего* сдѣлался таковымъ лишь съ того времени, когда возобладать дѣйствительнымъ богопоставленнымъ владыкою міра, то-есть человекомъ. Вторженіе не въ творческую, а только въ тварную свободу, и то—до извѣстной степени, возможно для творенія, хотя бы и высшаго по природѣ. Вотъ истинная библейская мысль.

Послѣдователи разсматриваемой гипотезы воображаютъ, что она даетъ полную возможность удерживать привычный экзегезисъ *дней* творенія. Но это только видимость недоразумѣнія. Здѣсь библейскіе дни также нарушаются, какъ нарушается вся стройность священнаго повѣствованія введеннымъ понятіемъ хаоса. Ибо какъ можетъ эта гипотеза удерживать библейскіе дни какъ *первые* творческіе дни, когда по смыслу ея дни были уже и прежде? Такъ-называемые періоды палеонтологическіе, отбрасываемые въ дошестодневъ, были конечно не безъ свѣта. Ископаемая животныя имѣютъ глаза; и на многихъ ископаемыхъ деревьяхъ находятъ круги или зоны, обозначающіе возрастъ дерева; а все это было бы очевиднымъ знакомъ, будто и въ дошестодневъ быть не только свѣтъ, но и правильное преемство годовъ, а такимъ образомъ преемство дня и ночи.

Но послѣ такого разбора, насъ могутъ спросить: какой же правильный историческій фазисъ развитія научно-богословской мысли мы хотѣли по началу какъ будто изъяснить въ этой гипотезѣ; и какое еще будто заложенное въ ней, хотя неразвитое, начало глубокаго экзегезиса указывали въ ней примѣтить?—Правильный фазисъ развитія тотъ, что благодаря этой гипотезѣ мысль прежде времени не ринулась въ сдѣлку конкордатовъ съ неустановившеюся наукою; что богословская мысль здѣсь строже, чѣмъ въ первомъ опытѣ изъясненія искала себѣ основанія въ собственной области. Если-

бы не была допущена ошибка въ понятіи хаоса; то новый опытъ изясненія отношеній Библии и науки никакъ не принялъ бы того ложнаго направленія или отклоненія отъ первыхъ про-
ектированныхъ для него пунктовъ. Это именно — особенное обращеніе вниманія толкователей Библии на указанное въ ней *первоначало* цѣлаго творенія, какъ зародышъ всѣхъ послѣдующихъ творческихъ созиданій. Не будь вставлено какого-то хаотическаго переворота между актомъ этого начала и актами шестоднева, — богословская мысль, наводимая опытами естественнаго познанія, открывала бы въ сказаніи о твореніи къ торжеству Библии такія глубины, которыя прежде не были доступны экзегезису.

Въ заключеніе скажемъ, какъ *реститутивная* гипотеза обличается и со стороны естествознанія, особенно вслѣдствіе послѣдующаго научнаго развитія. Мы видѣли, что она предполагала рѣзкую границу между міромъ первобытнымъ и міромъ шестидневнаго творенія. Но гдѣ эта граница, и какого рода эта граница? Тотъ предполагаемый первобытный міръ и міръ дѣйствительный раздѣлены ли какою-либо подобною границею? Говорятъ: *тому вабону* — вотъ предѣлъ; тутъ кончается эпоха фауны и флоры первобытнаго міра; и послѣ этого уже были сотворены растенія и животныя и теперь живущія. Бокляндъ и другіе геологи его времени такъ и утверждали; но нынѣ наука даетъ другія указанія. Вотъ что говоритъ одинъ изъ апологетовъ книги Бытія, между современными англійскими геологами, *Гугъ Миллеръ*: «новыя открытія геологіи доказали очевиднѣйшимъ образомъ тотъ важный фактъ, что между растеніями, которыя покрываютъ землю теперь, равно животными, которыя населяютъ её теперь, и — между растеніями и животными угасшими нѣтъ ни пробѣла, ни пустоты; нынѣ очевидно, что утро большей части настоящихъ организмовъ соотвѣтственно съ вечеромъ большей части угасшихъ организмовъ. Точныя изслѣдованія показываютъ, что настоящее созданіе не различествуетъ какимъ-либо рѣзкимъ образомъ отъ предшествовавшихъ ему,

что напротивъ оба связываются такъ тѣсно, какъ будто бы, восходя отъ нашей эпохи къ эпохѣ представляемой древнѣйшими формаціями, дни и годы преемствовали какъ теперь, непрерываемые какимъ-либо хаосомъ, тьмою или всеобщимъ разрушеніемъ органической жизни»*.

Такимъ образомъ библейскій экзегезисъ сходится съ общенаучнымъ анализомъ. Понятіе хаоса будто полагающаго разрывъ между началомъ творенія и послѣдующими актами шестоднева, рѣшительно отстраняется въ дальнѣйшемъ движеніи богословской мысли къ изясненію исторіи творенія.

* The testimony of the rocks p. 113.

V.

ОПЫТЫ СРАВНИТЕЛЬНОГО ИЗЪЯСНЕНИЯ МИРОТВОРЕНИЯ ПО БИБЛІИ И ЕСТЕСТВОЗНАНІЮ.

(Продолженіе).

Связь предъидущихъ двухъ опытовъ изъяснительныхъ съ послѣдующими двумя. — Третій по времени опытъ: гипотеза соглашенія. Ея изложеніе и критика. — Четвертый опытъ: гипотеза идеальной гармоніи. Ея изложеніе и критика.

Мы разсмотрѣли два первые, извѣстные въ богословской наукѣ, *опыты изъясненія* отношеній естественнаго познанія исторіи природы къ предмету библейской исторіи творенія. Мы видѣли, что эти изъяснительные опыты были не какими-либо чисто случайными гипотезами соглашенія между Библией и наукою, но собственно опытами постепенно углубляющаго познанія самой Библии, хотя вызываемыми положеніемъ естествознанія. Потому-то каждый изъ этихъ опытовъ въ своей основной, правильно понятой библейской мысли доселѣ остается твердымъ и непоколебимымъ, несмотря на историческій ходъ преуспѣянія естественныхъ наукъ; равно какъ съ другой стороны, каждый изъ нихъ въ своей исторической случайности, слѣдственно несостоятельности уличается опять самою же библейскою истиною, преуспѣвающимъ библейскимъ экзегезисомъ рѣшительнѣе чѣмъ даже успѣхами естествознанія, которые являются только соотвѣтственною научною опорою въ *научномъ* богословскомъ заключеніи. Такъ самымъ библейскимъ экзегезисомъ устраняется та

случайность первой толковательной попытки, по которой предполагалось помѣщать палеонтологическіе періоды земли послѣ шестидневнаго творенія. Между тѣмъ основная ея мысль, чтобъ богословіе воздерживалось отъ соизмѣренія Библии геологіею, есть мысль не теряющая своей истины. Равнымъ образомъ, собственно библейски устраняется и вторая толковательная попытка, въ своей случайности именуемая гипотезою возстановленія или *реституции*, которою утверждалось, будто палеонтологическіе періоды должны падать на библейское время до шестоднева. Однако особенно выставленная въ этой теоріи мысль, что *твореніе въ началѣ* должно быть принято въ особенное соображеніе при объясненіи шестоднева,—пребываетъ какъ глубокая мысль, которая должна стать приобрѣтеніемъ богословской науки къ дальнѣйшему изъясненію сказанія о твореніи.

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію двухъ остальныхъ гипотезъ или опытовъ изъясненія Библии въ присутствіи естествознанія.

3. Третій опытъ изъясненія называемый *гармонистическимъ* или *гипотезою соглашенія* (Concordanz-hypothese), показывается примѣчательную рѣшительность научно-богословской мысли, утверждающей наконецъ, что геологическіе періоды *не должны быть изводимы изъ предѣловъ шести дней творенія*.

Конечно, при такомъ толкованіи, дни творенія понимаются уже не какъ обыкновенные дни, но какъ времена неопредѣленной продолжительности. Мысль о неопредѣленной продолжительности дней творенія отнюдь не есть мысль вызванная геологическими теоріями. Слѣды ея встрѣчаются еще у древнихъ отцовъ и учителей церковныхъ—Климента Александрійскаго, Афанасія Великаго и особенно у блаженнаго Августина*. Но эта мысль, высказываемая отцами какъ возмож-

* De Gen. ad. lit. I, 17; IV. 34; V, 4—5, также de Gen. ad lit. op. imperf. c. 6, 15 etc.

ная, принимается теперь какъ база въ разсматриваемомъ изъяснительномъ опытѣ. Настоящимъ основателемъ попытки сопоставить геологическіе періоды съ днями творенія слѣдуетъ считать знаменитаго *Кюве*, творца палеонтологической и сравнительно-анатомической науки нашего времени. Его «теорія земли», и его «изслѣдованія объ ископаемыхъ костяхъ» (1821) послужили образцами для всѣхъ позднѣйшихъ защитниковъ такого способа пониманія творенія,—какъ для богослововъ, такъ и для натуралистовъ. Между первыми мы уже знаемъ *Панчiani* и *Рейна*,—также должно назвать *Ланге*, *Эббарда* и *Карла* *; между послѣдними довольно поименовать *Марсель де-Сереса*, *Ифаффа* и *Гузъ Миллера*, извѣстнаго шотландскаго геолога, по которому мы и изъяснимъ первый опытъ гармоніи, или параллели дней творенія и геологическихъ періодовъ землеобразованія. Очевидно задуманная гармонія шестоднева и времени геологическаго прежде всего потребовала привести геологическіе періоды къ шестеричному числу. Исполнивъ эту задачу, не безъ научныхъ основаній, знаменитый геологъ представляетъ, въ качествѣ результатовъ своихъ изслѣдованій, слѣдующую параллель:

1. Первый періодъ, называемый *азоическимъ*, т. е. — время доорганической жизни, Миллеръ приравниваетъ къ *первому дню* шестоднева какъ время перваго установленія отношеній между доорганическою жизнію земли и космическимъ свѣтомъ.
2. Вторымъ періодомъ указывается *силурийско-девонскій*, въ связи съ которымъ поставляется образованіе сперва тяжелооблачной атмосферы, но вмѣстѣ съ тѣмъ уже появленіе самыхъ низшихъ формъ органической жизни. И въ семъ смыслѣ этотъ періодъ сопоставляется со *вторымъ* и отчасти съ *третьимъ* днямъ шестоднева.
3. Третьимъ, какъ самостоятельнымъ, періодомъ называетъ

* I. P. Lange, Positiv. Dogmatik 1851.—Phil. Fred. Keerl, Die Schöpfungsgeschichte 1861.—Die Einheit der biblischen Urgeschichte 1863. — Сочиненіе Эббарда цитируется ниже.

ся у Миллера *каменноугольный*, разительно соответствующій характеристикѣ *третьяго дня* шестоднева. Здѣсь геологъ считаетъ нужнымъ замѣтить, что это по преимуществу періодъ растительной жизни,—чрезвычайно роскошной, хотя довольно однообразной флоры; притомъ явно какъ бы тепличной растительности, которой еще не доставало сильно и прямо дѣйствующаго солнечнаго свѣта.

4. Четвертымъ періодомъ поставляется время *пермскихъ и триасовыхъ формаций*, характеризующееся относительно бѣдностью въ новыхъ типахъ организмовъ, и такимъ образомъ приводимое въ связь съ первымъ восхожденіемъ звѣздъ на небѣ, освободившемуся теперь отъ облаковъ: это—*четвертый день* шестоднева.

5. Пятый періодъ или время формаций *юрской и меловой*, отличающееся останками пернатыхъ, также плавающихъ и пресмыкающихся водяныхъ животныхъ, называемое посему «вѣкомъ рептилій», указываетъ собою по Миллеру на *пятый день* шестоднева.

6. Наконецъ послѣдній *третичный* періодъ есть также послѣдній или *шестой* день творенія*.

Таково изъясненіе геолога, т.-е. спеціалиста одной стороны. Но чтобы достойно оцѣнить этотъ новый путь изъясненія, необходимо видѣть, какъ на этомъ пути движется собственно богословская мысль.

Богословы не могли не примѣтить, что библейскій экзегезисъ рѣшительно не позволяетъ приравнивать *первый день* шестоднева къ какому бы то ни было періоду собственно землеобразованія; что далѣе правильное толкованіе Писанія и относительно *вторяго дня* не уполномочиваетъ къ представленію объ этомъ днѣ какъ времени только землеобразованія; а еще болѣе—какъ времени появленія будто уже и органической жизни. Посему богословы правильнѣе начинаютъ

* Выше цитир. сочиненіе Миллера: The testimony of the rocks, or Geology in its bearings on the two theologies, natural and revealed, 1857.

параллель геологических періодовъ и шестоднева собственно отъ втораго и даже отъ *третьяго* дня творенія.

Такъ поступаетъ лютеранскій богословъ Эбрардъ *, съ которымъ соглашается геологъ Пфаффъ изъ Эрлангена **. Эбрардъ начинаетъ разсужденіемъ, что какъ богослову, такъ и натуралисту при основоположномъ сличеніи Библии и естественной науки надлежитъ обращать вниманіе не только на качество, но и на количество и на преизбытокъ органическихъ останковъ находимыхъ въ различныхъ формаціяхъ. Такимъ образомъ онъ не останавливается на рѣдкихъ или немногихъ органическихъ останкахъ въ слояхъ силлурійскомъ и девонскомъ, и прямо обращаетъ вниманіе на слой каменноугольный, какъ на главный важнѣйшій, составляющій эпоху, соотвѣтствующую *третьему* дню творенія. Далѣе указывается, что въ слояхъ юрскомъ и мѣловомъ наблюдатель въ первый разъ поражается явленіемъ *массъ* животныхъ водяныхъ, въ невѣроятномъ количествѣ, начиная съ полиповъ и коралловъ до рыбъ и пресмыкающихся или рептилій,—въ рѣшительное соотвѣтствіе того, что читается въ Библии о *пятомъ* днѣ творенія. Повидимому тамъ недостаетъ птицъ, однако несовсѣмъ недостаетъ, а ихъ открывали мало; но скелеты этихъ обитателей воздуха естественно разрѣшались на открытой земной поверхности и не могли сохраняться, развѣ при исключительныхъ условіяхъ, тогда какъ животныя водяныя, погребенныя въ морскомъ лиманѣ, какъ бы герметически закупоренныя, удобно достигали окаменѣнія. Наконецъ только третичный періодъ, какъ бы *шестой* день творенія, представляетъ подобное же явленіе множества окаменѣлыхъ земноводныхъ млекопитающихъ.—При такой параллели геологическихъ эпохъ и дней книги Бытія, еще указывается та примѣчательная особенность, что всѣ роды

* Der Glaube an die hl. Schrift und die Ergebnisse der Naturforschung, стр. 61.

** Schöpfungsgeschichte, стр. 616.

растений каменноугольной формации одинаковы во всѣхъ поясахъ земныхъ. Слѣдственно—заключаютъ—въ эпоху этой формации различіе климатовъ еще не существовало, земля нагревалась лишь собственною теплотою; значить солнца еще не было;—между тѣмъ въ формаціяхъ триасовыхъ и юрскихъ уже примѣтны слѣды разностей климатическихъ. Такимъ образомъ устройство солнечной системы, указываемое въ *Бытіи* какъ дѣло *четвертаго* дня, находитъ свое мѣсто, согласно съ Библіею, послѣ періода каменноугольнаго въ формаціяхъ дотриасовыхъ.

Очень можетъ быть, что многіе нашли бы для своей мысли удовлетвореніе въ такой параллели, которую названный геологъ Пфаффъ оцѣниваетъ въ слѣдующемъ краткомъ изображеніи: «когда разсматриваютъ творенія земли въ единствѣ, по которому, несмотря на всѣ разнообразія оно образуетъ цѣлое, то невозможно допустить другого преемства существъ и другого хода творенія, чѣмъ какой описанъ въ книгѣ *Бытія*. Ибо священное повѣствованіе разсматриваетъ каждый рядъ отдѣльно, какъ бы самобытно, не изыскывая разнообразія могущаго имѣть мѣсто въ каждомъ изъ нихъ; оно показываетъ только *преемство* различныхъ органическихъ царствъ. Такъ оно показываетъ, въ первомъ состояніи землю покрытую водою; потомъ образованіе суши и начало органическаго царства именно въ растеніяхъ; далѣе животное царство представляется по началу живущими въ водѣ и летающими,—затѣмъ животными земными, пока наконецъ человѣкомъ заключается это преемство существъ. Днями обозначены различныя степени развитія» *.

Однако на такой установкѣ отношеній Библии и науки богословская мысль еще не останавливается. Она видитъ, что тутъ еще многое не выведено на свѣтъ, а будучи выведено и непонято, бросало бы тѣнь на священное Бытописаніе.

* См. предыдущую цитату.

Предлагають, чтобы на извѣстные ископаемые останки нѣ-
 которыхъ слоевъ смотрѣть какъ на исключенія и не прида-
 вать имъ важности какъ неважнымъ подробностямъ. Мы не
 знаемъ, до какой степени могутъ требовать отъ палеонтоло-
 гии, чтобы она также вообще смотрѣла на эти исключенія,
 и въ особенности на организмы, находимые до періода камен-
 ноугольного, притомъ отнюдь не въ незначительномъ числѣ.
 Но нельзя не видѣть, что рассматриваемый опытъ изъясне-
 нія не изъясняетъ того, какимъ же образомъ водяныя жи-
 вотныя, какъ ни были бы онѣ рѣдки, являются или прежде
 творенія растений, или современно съ ними, вопреки ясно
 слышимому слову бытописанія, которое предваряетъ и строго
 цѣлымъ творческимъ днѣмъ отдѣляетъ твореніе растений отъ
 сотворенія водныхъ животныхъ. Правда, что каменноуголь-
 ная формація является какъ эпоха преимущественно расти-
 тельнаго царства; но за то въ предшествующихъ ей фор-
 маціяхъ содержатся рѣдкіе останки растений, притомъ лишь
 растений морскихъ,—между тѣмъ какъ сохранилось множе-
 ство останковъ животныхъ, какъ будто эти послѣдніе если
 не предварили произведеніе растений, по крайней мѣрѣ про-
 изошли въ одну эпоху съ растениями. Рассматриваемый
 опытъ изъясненія не разъясняетъ сего важнаго недоразумѣ-
 нія; и богословская мысль отсюда заключаетъ, что такое
 изъясненіе еще недостаточно овладѣло самимъ библейскимъ
 экзегесисомъ, а можетъ быть — и данными самой внѣшней
 науки. Правда, одинъ англійскій натуралистъ, давая слоямъ
 земной коры наименованіе листовъ великой книги высокой
 древности, ибо по ней дѣйствительно можетъ быть читаема
 исторія земли и ея организмовъ въ отдаленнѣйшія времена,
 рѣшительно полагаетъ, что первыя страницы этой каменной
 книги выжжены огнемъ; точно также и другіе геологи не
 отвергаютъ предположенія, что древнѣйшія формаціи, послѣ
 ихъ отложенія, трансформировались подъ вліяніемъ необы-
 кновенно сильнаго жара. Такимъ образомъ, еслибы въ нихъ
 и заключались останки ископаемые, то невозможно было бы

открыть ихъ. Даже и въ другой геологической системѣ, по которой преобразование гнейса и вообще всѣхъ древнихъ породъ кристаллическихъ приписывается болѣе водѣ, чѣмъ огню,—и въ этой геологической системѣ допускается, или допустимо, что содержимые останки въ слояхъ такъ-называемаго доорганическаго или азоическаго періода могли быть разрушены въ процессъ ихъ преобразования, по объяснительному свидѣтельству Бишофа, готового видѣть въ углевомъ характерѣ этихъ формаций указаніе уже на начальное существованіе растительнаго царства въ ту эпоху *. Древнѣйшіе слои, въ которыхъ *находятся* окаменѣлости, суть формации кэмбрійская и силлурійская: но по Мурчисону, спеціальному изслѣдователю этихъ формаций, первыя земныя растенія заключаются только въ высшихъ слояхъ силлурійскихъ,—тогда какъ въ слояхъ низшихъ открываются уже растенія морскія **, а по Фогту, въ слояхъ, лежащихъ непосредственно надъ азоическими, встрѣчаются морскія растенія, но останковъ животныхъ нѣтъ ***. Такимъ образомъ, казалось бы, съ точки зрѣнія самой науки позволительно настаивать, что растенія порождены прежде животныхъ. Но дѣло въ томъ, что библейскій вопросъ есть вопросъ не о морскихъ растеніяхъ, но о созданіи растений земли, которыя палеонтологія приводитъ въ современность съ первою животною жизнію, и которыя однако Библія отдѣляетъ отъ созданія этой жизни промежутокъ цѣлаго дня.

Эти-то соображенія и заставили богослововъ видоизмѣнить вышеизложенное гармонистическое изображеніе. *Рейнзъ*, профессоръ богословія въ Боннѣ, въ своихъ чтеніяхъ *О Библіи и природѣ* справедливо оставляетъ въ сторонѣ геологическія

* *Bischof*, Lehrbuch d. chemischen u. phisikal. Geologie, 2-е изд. стр. 628.

** *Siluria*, the history of the oldest Known rocks containing organic remains, 1854. стр. 492. Что касается до пресловутаго Eozoön канадскаго, то его эпоха неопредѣлена точнымъ образомъ.

*** *Fogt*, Lehrb. der Geol. I, 219. Natürl. Gesch. der Schöpfung. стр. 29.

дѣленія и подраздѣленія формаций и предлагаетъ, для установкѣ отношеній естествознательной исторіи къ библейской исторіи творенія, видѣть только двѣ главныя части въ дѣйствительной исторіи міротворенія: періодъ *доорганический*, библейское описаніе котораго оканчивается на половинѣ третьяго дня, и періодъ *органический*, который начинается порожденіемъ растительности на континентѣ и въ морѣ. Затѣмъ Рейшъ такъ развиваетъ генезисъ этого періода: «растительность была сотворена и уже существовала нѣкоторое время прежде, чѣмъ земля возымѣла извѣстные отношенія къ солнцу. Долго ли такъ продолжалось, Библия не указываетъ; она говоритъ только, что начало настоящихъ отношеній земли къ солнцу и другимъ звѣздамъ позднѣе творенія растений; и оставляетъ естественной наукѣ заботу опредѣлять, существовала ли растительность долгое время или лишь нѣсколько часовъ въ особенныхъ условіяхъ сидеральныхъ, атмосферическихъ и климатическихъ, отличныхъ отъ условій настоящаго состоянія. Какъ же скоро было благоустроено настоящее состояніе; тогда были сотворены животныя, сначала водныя и летающія, потомъ земноводныя. Книга *Бытія* не говоритъ, было ли нѣсколько преемственныхъ твореній этихъ главныхъ группъ органическихъ существъ; натуралисты могутъ допускать это, не входя въ споръ съ Библѳей. Кромѣ сего,—ихъ дѣло искать и открывать, изучая формации органическаго періода,—въ какомъ порядкѣ различные роды растений и животныхъ преемствовали на землѣ. Они можетъ быть въ состояніи будутъ сказать, какіе роды нашли себѣ могилу въ слояхъ осадочныхъ, или угасли по крайней мѣрѣ прежде появленія человѣческаго рода; какіе, наконецъ переживъ всѣ катастрофы и превратности геологическія, или же бывъ сотворены послѣ этихъ переворотовъ, стали предками растений и животныхъ доннынъ существующихъ. Точно также естественной наукѣ предлежитъ опредѣлять продолжительность временъ творенія, которыя Библия называетъ днями творческой седмицы».

Вотъ къ чему, къ какому наконецъ виду сведена гармонистическая попытка изъясненія шестоднева.

Можно видѣть, что тутъ основная мысль новаго опыта изъясненія Библии твердо удерживается, то-есть та мысль, что палеонтологическіе періоды не должны быть изводимы изъ предѣловъ шести дней творенія. Но видно также, что тутъ съ устраненіемъ нетвердыхъ частныхъ перваго вида или опыта этого изъясненія, какъ оно изображается у Миллера и даже Эбрарда, вступила въ свои права основная мысль и предшествовавшихъ богословскихъ опытовъ изъясненія, то-есть та справедливая мысль, что ученіе откровенія отнюдь не соизмѣримо съ частностями открытій чловѣческихъ, хотя онѣ и могутъ находить свое мѣсто въ предѣлахъ священнаго сказанія. Но мы не видимъ въ этомъ новомъ опытѣ характеристической и твердой мысли опыта изъясненія такъ-называемаго реститутивнаго, то-есть мысли, что *твореніе въ началѣ* по библейскому сказанію есть дѣйствительное сотвореніе *всего* какъ бы въ зародышѣ. Великая мысль скрылась. И вотъ первое и главное слово критики въ отношеніи къ разсматриваемому нами изъяснительному опыту.

Что же обыкновенно выставляютъ противъ этого изъясненія, именно будто бы экзегетическую трудность, а по инымъ и невозможность, понимать *дни* книги Бытія въ смыслѣ временъ неопредѣленной продолжительности; то по руководству самой Библии эта невозможность есть мнимая, а названная трудность не есть непреодолимая. Чтобы правильно понять этотъ предметъ, надлежитъ прежде всего отрѣшиться отъ представленія, будто продолжительностію исторіи міротворенія можно удалить мысль о твореніи и свести её на мысль о естественномъ саморазвитіи. Такое представленіе есть недоразумѣніе. Какова ни была бы продолжительность времени или *дня*, ею для строгаго мышленія не устраняется *творческій* моментъ—*начинательный и завершительный*; ею не

устраняется даже постоянно присущее-творческое содѣйствіе. Ибо безъ *даннаго* начала нѣтъ никакого развитія, а безъ творческаго содѣйствія и завершенія всякое развитіе шло бы въ безцѣльную безконечность, не оставляя и позади ничего твердаго; повинуюсь слѣпому закону какъ единственному, оно безъ конца пыталось бы многоразличныя возможныя для него формы, убивая предъидущую послѣдующую, доколѣ такъ сказать не убило бы само себя. Отвлеките на примѣръ хотя завершающій творческій моментъ въ объясненіи образованія планетныхъ тѣлъ, и вы не въ состояніи будете понять, почему дробленіе первозданной массы, отдѣлившей отъ себя по законамъ движенія кольцо за кольцомъ, планету за планетой, наконецъ остановилось, и почему эти планеты также наконецъ удержались въ извѣстныхъ предѣлахъ при отдѣленіи своихъ спутниковъ. Слепота такъ-называемаго закона безъ законодателя должна бы дѣйствовать къ безконечному дробленію и слѣдовательно какъ бы къ разсѣянію или уничтоженію самаго развитія. Итакъ, представленіе, будто продолжительностію исторіи міротворенія можно удалить мысль о твореніи и свести её на мысль о естественномъ саморазвитіи, само должно быть удалено изъ строгаго мышленія какъ недоразумѣніе. Затѣмъ безъ ложнаго страха углубляйтесь въ священное сказаніе и изслѣдуйте, какъ оно даетъ разумѣть *дни творенія*.

Прежде всего оно такъ опредѣляетъ день: *свѣтъ назвалъ Богъ днемъ* (Быт. I, 5). Мѣра ли дня опредѣляется здѣсь? Не мѣра, а существо дня.

Слѣдите далѣе: *и было вечеръ и было утро: день первый*. Когда засвѣтился этотъ день? Земной ли это день?—Земля была еще необразована, земля еще не была отдѣлена отъ цѣлости общаго состава вселенной, именуемаго *небомъ и землею* совокупно. Итакъ это день—не земной, а *всеміровой*. Здѣсь неизлишне привести слова митрополита Филарета изъ его библейской исторіи въ объясненіе *перваго дня міра*: «и бысть свѣтъ... съ свѣтомъ послѣдовало нѣкоторое движеніе

подобное тому, какое нынѣ примѣчается въ тѣлахъ небесныхъ, и первый *періодъ* сего движенія, вмѣстѣ съ предшествовавшимъ ему мракомъ, составилъ то, что въ св. Писаніи въ первый разъ наименовано *вечеромъ и утромъ*, и днемъ не только первымъ, но *единымъ* и какъ бы единственнымъ*.
Кто и чѣмъ измѣритъ продолжительность сего періода, или сего *единого* дня?

Второй день не подобенъ ли также первому? Ибо, по Библии, то былъ день великаго раздѣленія *цѣлаго* вселенной на части, наименованныя небесными или *небомъ* и уже собственно *землею*. Очевидно, и это день не только земли, но и всего неба или всѣхъ небесныхъ тѣлъ въ совокупной цѣлости ихъ неизмѣримаго отношенія къ свѣту.

Третій день именуется по видимому въ отношеніи уже къ одной землѣ; однако Библия показываетъ, что для особенности земныхъ дней еще не дано мѣры въ твореніи, и даетъ понимать изъ послѣдующаго, что это былъ творческій день для всего созданія.

Въ *четвертый день* дана мѣра обыкновенныхъ дней. Но самъ по себѣ этотъ день опять именуется не только по отношенію къ землѣ, но и ко всей *тверди небесной*, т.-е. днемъ всѣхъ предѣловъ неба: «да будутъ свѣтила на тверди небесной для отдѣленія дня отъ ночи». Не *всемирной* ли и этотъ день?

Послѣ этихъ, кажется, сообразно-библейскихъ изъясненій гдѣ основаніе утверждать, что два остальные дня изъ творческой седмицы, т.-е. *пятый и шестой*, не подобны предшествующимъ, равно какъ не сообразны послѣдующему *седьмому*, вѣнчающему седмицу, дню, которому бытописаніе рѣшительно не полагаетъ уже и предѣла.

Очевидно, древніе отцы и учителя церкви имѣли основаніе созерцать дни творенія какъ *времена особенныя*, необыкновенныя, хотя они различно изъясняли эту особенность. Само

* Библия. Ист. изд. 1822 г., стр.

бытописаніе не только по изображенію шести дѣлъ творенія даетъ такое разумѣніе о дняхъ этихъ дѣлъ, для углубляющейся мысли; оно даже тотчасъ по окончаніи повѣствованія о шести дняхъ (Быт. II, 4), прямо употребляетъ выраженіе «день» для общаго обозначенія всей совокупности этихъ творческихъ временъ, т.-е. совокупности всѣхъ семи дней. Послѣ этого не было бы нужды приводить еще слова псалма: *тысяща лѣтъ предъ Тобою какъ одинъ день, и день одинъ какъ тысяща лѣтъ*; но мы приводимъ ихъ по той особенной знаменательности, что этотъ псаломъ приписывается самому бытописателю, пророку Моисею.

Итакъ мы рѣшаемся сказать, что сопоставленіе продолжительности геологическихъ періодовъ съ продолжительностію дней творенія далеко не встрѣчаетъ затрудненія въ библейскомъ эзегезисѣ. Такимъ образомъ съ этой стороны разсматриваемый опытъ гармонистическаго изъясненія не показываетъ какой-либо несостоятельности.

Но въ томъ видѣ, какъ этотъ опытъ изображается въ подробныхъ гармонистикахъ, нельзя не видѣть, съ одной стороны, какой непорядокъ вносится имъ въ объясненіе священнаго сказанія, когда дни всеміровые смѣшиваются съ днями преимущественнаго созиданія земли;—съ другой какъ стѣсняется тѣсною геологической спеціальности всеобъемлющая широта библейскаго откровенія. Какъ будто библейскій день весь обнимается тою или другою, повидимости, преимущественно соотвѣтствующею ему формациею. То насиліе или умаленіе истинъ, какое здѣсь дѣлается, сказываетъ о себѣ уже тѣмъ самымъ, съ какими затрудненіями, съ какими натяжками, съ какою произвольною искусственностію много-различныя палеонтологическія эпохи возводятся къ библейскому шестеричному числу. А между тѣмъ новѣйшіе и ученѣйшіе представители науки, въ особенности *Лайель* и его школа еще и еще и вѣроятно не безъ основаній дробятъ число ступеней развитія и эпохъ образованія земли. Безъ сомнѣнія, признавая въ этомъ право геологій, никто однако

не можетъ съ справедливостію утверждать, будто геологіею строяемая исторія совпадаетъ съ дѣйствительною исторіею землеобразованія. Если же такъ, то усиленно устанавливаемая въ подробностяхъ гармонія между библіею и временными теоріями есть дѣло по меньшей мѣрѣ напрасное. Въ самомъ дѣлѣ само естествознаніе не можетъ отвергать слѣдующихъ соображеній. Вопервыхъ, поелику извѣстныя формации являются какъ могилы организмовъ, значить, эти организмы должны были жить не только современно, но и прежде образованія этихъ формаций. Въ вторыхъ, ничто не доказываетъ, чтобъ въ извѣстной суммѣ ископаемыхъ сохранилась полная память о жизни погребенной, а тѣмъ болѣе—полная исторія всего развитія жизни. Эти соображенія сводятся къ одному и могутъ быть выражены такъ: наука не знаетъ всѣхъ документовъ исторіи жизни на землѣ, слѣдственно не можетъ съ строгою точностію изображать эту исторію во всѣхъ подробностяхъ. Потому геологъ Котта выразился что не иначе какъ на гипотетическіе эскизы надлежитъ смотрѣть на карты изображающія различные виды земли въ отдаленныя эпохи, и что болѣе воображенію, чѣмъ наукѣ обязаны своимъ происхожденіемъ рѣзко очерченныя картины первобытнаго міра, помѣщаемыя въ популярныхъ трактатахъ геологіи *. Если же въ самой естественной наукѣ, какъ ни твердо установлены въ ней относительные возрасты формаций, но еще не установлены твердо періоды ихъ распредѣленія: какже можно приступать къ установкѣ опредѣлительной гармоніи геологическихъ эпохъ съ шестодневомъ Откровенія?

Посему-то разсматриваемый опытъ сравнительнаго изясненія справедливо измѣнилъ первый видъ гармонистики въ новый видъ. Что же касается до этого новаго вида, какой видѣли мы въ примѣрномъ изображеніи Рейша: то и въ немъ остается еще довольно неразъясненныхъ недоумѣній. Глав-

* Cotta Geol. Bilder стр. 257.

ное то, что по этой теоріи безъ всякой попытки устранить экзегетическое затрудненіе предоставляется однако возможность допущенія, будто ступени развитія организмовъ восходили не отъ растений къ водянымъ животнымъ и затѣмъ къ земноводнымъ, какъ непосредственно дается понимать библейскимъ сказаніемъ, а напротивъ—будто животныя и растенія явились на свѣтъ одновременно и порождались въ равномерно-поступательномъ, параллельномъ восхожденіи отъ несовершенныхъ къ болѣе совершеннымъ образованіямъ. Напрасно защитники этого способа изъясненія воображаютъ, что они возможно преодолѣли всю трудность экзегезиса, въ соглашеніи ученія естественнаго съ ученіемъ откровенія, сокративши листъ геологическихъ періодовъ и сведя ихъ къ *двумъ* только отдѣламъ. Этимъ самымъ *implicite* не сокращается ли и самый шестодневъ—не сводятся ли также *шесть* временъ творенія какъ бы къ *двумъ*: періоду доорганическому и періоду органическому? А этимъ очевидно или умаляется истина Писанія, открывающая именно *шесть*—не болѣе и не менѣе—фазисовъ творенія; или же по крайней мѣрѣ высказывается безсиліе экзегезиса преодолѣть трудность изъясненія смысла этихъ фазисовъ. Но мы думаемъ, что Рейшъ и его послѣдователи не преодолѣли этой трудности, какъ мы выше замѣтили, именно потому что для нихъ скрылась великая мысль предшествовавшаго богословскаго опыта изъясненія. Однако это не выставлено на видъ въ западномъ богословіи. Оно лишь смутно чувствуетъ, что чего-то недостаетъ въ послѣдней постановкѣ дѣла; и потому, какъ бы отступаясь отъ нея, дѣлаетъ нѣкоторый рѣшительный поворотъ, измѣняя гармонію цѣлой исторіи шестоднева и геологическихъ эпохъ въ гармонію лишь главныхъ *мыслей* Бытописанія съ главными результатами естествовѣдѣнія. Историческая гармонія преобразуется такимъ образомъ лишь въ *идеальную*, которая требуетъ особеннаго разсмотрѣнія.

Надѣмся, читатели примѣчаютъ, что разсматривая прежніе извѣстные въ наукѣ опыты изъясненія нашего предмета,

мы ведемъ не какую-либо случайную и напрасную для нашей цѣли критику, но—что на самомъ пути этого разсмотрѣнія мы послѣдовательно вырабатываемъ и постепенно приобретаемъ болѣе и болѣе обосновываемыхъ данныхъ къ тому, чтобы указать, можетъ быть, новый путь. Критическою работой мы производимъ такъ-сказать работу полотна для сего пути.

4. Обратимся наконецъ къ разсмотрѣнію послѣдняго, извѣстнаго въ наукѣ, опыта изъясненія отношеній естественной исторіи и библейской исторіи творенія. Этотъ опытъ изъясненія извѣстенъ подъ названіемъ гипотезы *идеальной гармоніи* (*ideal-concordistische hypothese*): ибо въ немъ проводится гармонія между *идеями* или истинами библейскаго сказанія о твореніи и сообразными имъ, существенными ученіями естествовѣдѣнія. Подробное развитіе этой гармоніи въ послѣднее время преимущественно принадлежитъ латинскому богослову *Михелису* * и протестантскому профессору въ Бреславль *Шульцу*.

Совершенно естественно, что этотъ опытъ изъясненія, какъ послѣдній въ исторіи науки, надѣется совмѣстить въ себѣ всѣ истинные моменты опытовъ предшествовавшихъ, и прежде всего выставляетъ тотъ главнѣйшій моментъ, что «библейская вѣчная истина несоизмѣрима съ временными человѣческими ученіями». Но въ цѣляхъ рѣшительнаго удержанія этого момента, новый толковательный опытъ считаетъ нужнымъ особенное опредѣленіе существеннаго характера библейской исторіи творенія. Какимъ же представляется ему этотъ характеръ?—Утверждаютъ, что шестодневъ библии не есть изложеніе внѣшняго процесса творенія, а есть изображеніе только главнѣйшихъ внутреннихъ его моментовъ. Это не значить,

* См. апологетическій журналъ, издаваемый Михелисомъ; *Natur und Offenbarung* годы I, стр. 102 и слѣд.;—II, 61 и слѣд.;—III, 238 и слѣд.;—IV, 498;—VІІІ, 38, 91 и т. д.

чтобъ у священнаго бытописанія совершенно отнимался его историческій характеръ; однако предполагается, что историческая истина здѣсь дана не въ порядкѣ внѣшнихъ фактовъ, но въ ея внутреннемъ, идеальномъ ходѣ, что въ основаніе изложенія здѣсь положенъ вмѣсто хронологическаго предметный принципъ, что дни тутъ моменты не времени, а творчества; что ими изображается причинная связь, а не генетически-временная послѣдовательность явленій. Такимъ образомъ библейская исторія творенія въ своей идеальности представляется собственно какъ откровеніе основныхъ истинъ вѣры, каковы истины—о Богѣ Творцѣ всего, о законмѣрности хода Его творческой дѣятельности, объ окончательномъ ея завершеніи, и послѣ сего—о переходѣ ея въ дѣятельность міросохраненія и міроуправленія; притомъ же эта исторія представляется какъ откровеніе подобно-пророческое, данное какъ бы въ образѣ пророческихъ видѣній *. Пусть эти видѣнія здѣсь обращаютъ взоръ пророка не въ будущее; однако—это такое прошедшее, глубины котораго никогда не видалъ и никогда не увидитъ никакой человѣческій глазъ. Пророческое же откровеніе не рѣдко раскрываетъ будущее не въ подробности его внѣшнихъ обстоятельствъ, а собственно въ цѣлости его внутренней сущности. Таково же, говорятъ, Откровеніе о твореніи.—Тѣмъ не менѣе, новый изъяснительный опытъ надѣется удержать какъ моментъ истины главную мысль и непосредственно ближайшаго къ нему опыта, то-есть ту мысль, что такъ-называемые періоды естественной исторіи мірообразованія *не должны быть изводимы изъ предѣловъ шести дней творенія*. Только сообразно съ изъясненнымъ характеромъ библейскаго сказанія, новый опытъ не считаетъ правильнымъ, проводить какую-либо на-

* О пророческомъ характерѣ исторіи творенія прежде всѣхъ говорится у Курца, (Библия и Астрономія стр. 73 и слѣд., 531 и слѣд.); отъ него и у Рейна: слѣдственно и въ собственно *гармонистической* теоріи, и даже въ *реститутивной*. Но тамъ эта мысль не составляетъ существенной составной части изъясненія.

глядную параллель между днями съ одной стороны и періодами съ другой; правильнымъ же здѣсь считается, постав-
лять исторію творенія въ связь съ естественными науками
лишь настолько, насколько и онѣ своими изслѣдованіями и
выводами устанавливаютъ опредѣленные внутреннія истины
какъ имѣющія религіозное значеніе.

Теперь вопросъ: находятся ли такія истины въ ученіяхъ
естественныхъ наукъ?—Кромѣ общей основной истины, что
міръ какъ въ цѣломъ, такъ и частяхъ имѣлъ начало, слѣд-
ственно *созворенъ* Высшимъ могуществомъ,—истины, къ при-
знанію которой несомнѣнно приводятъ и естественныя науки,
хотя одною невозможностію иначе объяснить *начало*; кромѣ
сего, естествознаніе, говорятъ, ближайшимъ и главнѣйшимъ
образомъ исповѣдуетъ еще слѣдующія истины. 1) Съ самаго
начала существовала только *неорганическая* матерія, которой
предстояло пройти извѣстное развитіе, прежде чѣмъ могли
появиться *органическія* образованія; изъ послѣднихъ же—съ
самаго начала явились только простѣйшія и несовершеннѣй-
шія, затѣмъ — болѣе совершенныя, и только уже напослѣ-
докъ совершеннѣйшія. Слѣдовательно 2) дѣло творенія совер-
шилось не вдругъ, но *постепенно*; для порожденія отдѣль-
ныхъ образованій потребны были различные періоды, для
завершенія цѣлаго нужно было продолжительное время. Одна-
ко, 3) какъ ни была бы продолжительна творческая дѣятель-
ность, но наконецъ она *завершилась*. За тѣмъ временемъ,
когда въ первый разъ явились растенія не будучи посяяны,
и—животныя не будучи рождены, послѣдовало другое время,
въ которомъ болѣе уже не встрѣчаются подобныя творческія
явленія: твореніе уступило мѣсто сохраненію существующаго.
4) Но все дѣло творенія завершилось явленіемъ *человѣка*,
какъ послѣднимъ въ творческомъ планѣ созданіемъ, или по-
слѣднею и собственною цѣлію творенія. Въ самомъ дѣлѣ не
только Шубертъ, но и *Анаксисъ* изобразительно представляютъ,
какъ все царство организмовъ, въ особенности какъ царство
животныхъ все замѣтнѣе и ближе, все прекраснѣе и совер-

пеннѣе стремится къ произведенію облика человѣческаго; и какъ вообще все твореніе въ общемъ и цѣломъ видѣ приближается все рѣшительнѣе къ той чистотѣ, гармоніи и совершенству, которыя проявляются въ человѣкѣ.

Вотъ, говорятъ, какъ бы символъ естественной исторіи творенія; но его религіозное значеніе очевидно, а согласіе съ символомъ Вѣры по библейской исторіи творенія поразительно. 1) И по Библии, въ началѣ сотворенная земля прошла нѣсколько стадій образованія, прежде чѣмъ явилась на ней первая *органическая* жизнь. «Земля была невидима и пуста, какъ бездна во тьмѣ, или какъ мертвыя воды»: такъ изображается первое вещество. Новые гармонисты видятъ въ этомъ библейскомъ откровеніи ту глубоко религіозную мысль, что въ самомъ *такомъ* началѣ міра уже запечатленъ его тварный характеръ, его несаможизненность, его полнѣйшая зависимость отъ Творца. При такомъ началѣ, *постепенность* образованія является уже какъ необходимая послѣдовательность *творенія*, которая такимъ образомъ открываетъ собою дальнѣйшія религіозныя мысли какъ развитіе мысли первой, — что не одна ступень образованія не есть саморазвитіе, а есть дѣло божественнаго творчества. Ибо немощное начало не могло по себѣ возмогать отъ силы въ силу. Оно возмогаетъ только по творческому Слову, постепенно облекаемое вышею и вышею силою жизни даже до свободы созданія въ человѣкѣ. Таково первое откровеніе Вѣры въ откровеніи о твореніи! 2) Далѣе и по Библии открывается, что творческая дѣятельность не только вообще завершилась съ концомъ творенія, но она завершилась въ свое время даже для каждой ступени проявленной жизни, благословляя ее на дальнѣйшую, уже самобытную въ извѣстныхъ предѣлахъ жизнь. Религіозный моментъ и этого откровенія ясенъ, особенно же — въ его завершеніи въ отношеніи къ свободѣ человѣка и вмѣстѣ въ нравственномъ поставленіи ей божественнаго закона. За временемъ творенія началось время божественнаго міро-сохраненія и міроуправленія. Таково дальнѣйшее откровеніе

Вѣры въ откровеніи о твореніи. 3) Наконецъ и по Библии—*человѣкъ* изображается, какъ послѣдняя цѣль и вѣнецъ всего дѣла творенія, а посему—какъ такое созданіе, для котораго всѣ прочія были какъ бы приготовленіемъ и только ради котораго собственно и были: ибо весь созданный міръ отдается во власть человѣка; самъ же человѣкъ какъ высшій носитель цѣлаго міра призывается къ личному общенію съ Творцемъ: таково назначеніе человѣка, а въ немъ міра; и вотъ возвышеннѣйшее Откровеніе Вѣры въ откровеніи о твореніи.

Мы не считаемъ нужнымъ излагать эти три мысли библейской исторіи со всѣми тѣми подробностями по тексту Писанія, съ какими онѣ обыкновенно излагаются въ разсматриваемомъ нами опытѣ изъясненія. Ясно и безъ подробностей, что это мысли дѣйствительно библейскія, и что съ ними поразительно согласуются соотвѣтственные ученія естественной исторіи, хотя сами въ себѣ эти послѣднія и не достигаютъ той глубины, которая открывается для нихъ при свѣтѣ Откровенія.

Остается мысль о продолжительности времени творенія. Въ этомъ пунктѣ послѣдователи *идеальной гармоніи* стоятъ довольно своеобразно. Съ одной стороны они разсуждаютъ, будто правильное толкованіе шестоднева не позволяетъ понимать дни въ смыслъ временъ неопредѣленной продолжительности: «непозволительно, говорятъ, перетолковывать буквальное значеніе Писанія и говорить, что день означаетъ не день»; однако съ другой стороны, не перетолковывая буквального значенія, они рѣшаются на особенное истолкованіе *смысла* его. Моисей представляетъ, по ихъ мнѣнію, отдѣльные акты творенія совершившимися правда въ пространствѣ шести *дней*, но въ дѣйствительности и подлинно группы творенія, о которыхъ онъ повѣствуетъ, имѣли гораздо большую продолжительность. И здѣсь-то, чтобы уяснить не представляющіяся, конечно, ясными такіа мысленныя построенія,—идеальные гармонисты по преимуществу настаиваютъ на *про-*

роческомъ характеръ Откровенія о твореніи. Характеръ пророческаго откровенія дѣйствительно имѣетъ въ себѣ ту особенность, что событія имѣющія совершиться чрезъ многія подготовленія и развиться въ тѣхъ или другихъ послѣдовательныхъ фазисахъ времени—оно изображаетъ какъ *актъ единичный* или какъ единичное событіе осуществляемое какъ бы въ *одинъ день*. Напримѣръ, разрушеніе Вавилона, вполнѣ совершившееся только въ теченіи вѣковъ, пророчества изображаютъ такъ, какъ будто оно вполнѣ совершилось уже въ первый день завоеванія Вавилона Персами. Равнымъ образомъ и будущее блаженство человѣчества, обновленіе неба и земли, все еще только готовящееся, пророчества представляютъ въ тѣснѣйшую связь уже съ первымъ явленіемъ Мессіи. Наконецъ Самъ Христосъ Господь изображаетъ въ нѣкоторой нераздѣльности временный судъ надъ Іерусалимомъ уже совершившійся—съ судомъ всего міра, еще имѣющимъ совершиться, въ послѣдній день міра. Примѣняя эти соображенія къ шестидневному творенію, послѣдователи идеальной гармоніи полагаютъ, что для самаго пророка-бытописателя какъ носителя откровенія, день былъ дѣйствительно днемъ но что для пониманія сего Откровенія *смыслъ* дня справедливо расширяется. Такимъ своеобразнымъ путемъ новые гармонисты подходятъ къ мысли своихъ предшественниковъ, что каждое изъ шести творческихъ дѣлъ не ограничивается продолжительностію одного обыкновеннаго дня, но объемлетъ времена неопредѣленно продолжительныя. Но замѣчательная особенность новыхъ гармонистовъ здѣсь еще та, что продолжительность дней распространяется у нихъ въ неопредѣленность не только конца, но и начала,—такимъ образомъ распространяется *взадъ и впередъ*. Понятно, какая при такомъ экзегезисѣ пріобрѣтается неограниченная свобода для гармонизованія шестоднева съ естественною исторіею мірообразованія. Для идеальныхъ гармонистовъ, не представляется никакого затрудненія въ томъ ученіи естествознанія, повидимому, несогласномъ съ Писаніемъ,—что образованіе земной поверх-

ности отнюдь не было еще завершено, когда началась растительность, что растительность отнюдь не была еще вполне развита въ то время, когда былъ созданъ животный міръ. Идеальный гармонистъ допускаетъ, что если зачатки созданія горъ, растений и животныхъ слѣдовали одни за другими, то все-таки самыя созданія шли весьма продолжительное время рядомъ другъ съ другомъ. Что же? для идеальнаго гармониста библейская исторія творенія есть лишь идеально-истинная исторія,—въ основаніи которой лежитъ не хронологическій, но предметный принципъ, въ силу котораго и распределяются шесть дѣлъ творенія. Распределение это изъясняется такъ, что въ три первые дня были раздѣлены великія міровыя *области*,—въ первый день область дня и ночи, во второй верхнія и нижнія воды, въ третій выдѣлена суша; и что сообразно съ этимъ въ три послѣдніе дня явились *обладатели* этихъ областей,—въ четвертый день обладатели области дня и ночи, въ пятый обладатели верхнихъ и нижнихъ водъ, въ шестой обладатели суши. При этомъ утверждаютъ, что каждый день есть конечно день преимущественно той или другой области, или ея обладателей; но, что когда Писаніе поставляетъ такъ близко другъ къ другу дни творенія, этимъ самымъ оно даетъ уже понять, что и созданія слѣдовали скоро одно за другимъ и потому были какъ бы современными въ своей дальнѣйшей продолжительности, хотя соответственно начальному порядку созданій онѣ были приводимы къ концу одно *раньше* другаго, и только въ теченіи извѣстнаго времени шли *рядомъ* другъ съ другомъ какъ бы въ современности.

Такова *идеальная гармонія*, которая считаетъ себя уже въ рѣшительномъ правѣ утверждать, что двѣ книги Откровенія, данныя намъ Богомъ, книга Св. Писанія и книга природы, отнюдь не склонны умалять взаимно значеніе и важность одна другой; что напротивъ постепенно лучше и лучше познаваемые открываютъ лишь новыя глубины, одна въ области другой.

Дѣйствительно нельзя не примѣтить, что этотъ новый и послѣдній въ наукѣ опытъ изъясненія отношеній естественной исторіи и библейской исторіи творенія, представляетъ дѣло въ такомъ видѣ, что серьезнымъ умамъ можетъ дать достаточное удовлетвореніе. Здѣсь не стѣсняются взаимно ни свобода вѣры и религіозной мысли, ни свобода общаго научнаго изслѣдованія. Что есть истиннаго въ послѣднемъ, то не только находитъ себѣ мѣсто въ священномъ сказаніи, но еще можетъ принять какъ бы высшее запечатлѣніе отъ истины Откровенія. А при этомъ, все прочее еще испытываемое и вполне не достигнутое, конечно, уже не въ правѣ и соизмѣрять себя съ тѣмъ, что открываетъ въ себѣ такіе несомнѣнные залогомъ своей истины. Такимъ образомъ, еслибы дальше идеальной гармоніи богословская мысль даже и не могла идти; и тогда ея дѣло стояло бы крѣпко, утверждаясь корнями своими еще въ трехъ другихъ изъяснительныхъ опытахъ. Для всякаго серьезно относящагося къ истинѣ, откуда она ни шла бы, должно быть очевидно, что трудъ самой *обще-научной* мысли далеко еще не есть трудъ конченный, что ей отнюдь не такъ легко противостать великому памятнику Вѣры и упразднить его собою, какъ воображаютъ нѣкоторые, или не серьезные или ослѣпленные, умы. Для всякаго серьезно относящагося къ истинѣ, откуда она ни шла бы, должно быть очевидно съ другой стороны, что трудъ религіозной мысли есть почтенный и благодарный трудъ, что разсмотрѣнные ея опыты представляютъ правильно движущееся, постепенно—большее и большее раскрытіе пониманія великой истины,—въ цѣломъ своемъ ходѣ представляющее такую полноту и крѣпость, которыхъ значеніе не можетъ не признать и вѣдущая наука. Послѣдній же опытъ, помимо его случайностей, можетъ быть не безъ справедливости названъ какъ бы послѣднимъ словомъ науки.

Но обратимся къ критическому его разсмотрѣнію. Мы утверждаемъ, что богословская мысль можетъ идти еще да-

лѣе и еще глубже, въ связи съ предшествовавшей исторіею ея развитія,—мы надѣемся намѣтить это въ самой критикѣ.

Идеальная гармонія, повидимому, отступилась продолжать предшествовавшій опытъ гармоніи *фактической*; но это—не въ ущербъ научно-богословскому развитію. Конкордистическая гипотеза уже въ трудностяхъ своего построенія даетъ понять, какъ еще въ самой естественной наукѣ не установлена въ цѣлости фактическая сторона дѣла; какъ напр. не утверждена еще рѣшительная граница между временами до-органическихъ и органическихъ образованій; какъ далѣе нераспределены еще ряды геологическихъ формаций по главнымъ основоположнымъ фазисамъ развитія, и потому еще не сведены въ тѣ или другіе періоды непрерываемо и общепризнаваемо. Изъ всего этого справедливо было заключить, что еще преждевременно построение *фактической* гармоніи. И вотъ богословская мысль вступаетъ на новый путь для того, чтобъ помимо напрасно развлекающихъ внѣшнихъ подробностей, точнѣе изслѣдовать и раскрыть главнѣйшіе пункты собственно религіозныхъ мыслей въ священномъ Бытописаніи. Тщательное развитіе этихъ мыслей есть заслуга новаго опыта.

Но мы не можемъ признать истиною то общее воззрѣніе, по которому исторія творенія разсматривается какъ *идеальная* исторія. Библейская исторія не есть философема, а есть дѣйствительная исторія. Напрасно ссылаются въ пользу такого взгляда на *Августинову* попытку *таинственного* толкованія (*expositio mystica*) шестидневнаго творенія; напрасно ссылаются даже на *Тому Аквинскаго*, который въ связи съ мыслию бл. Августина склоненъ былъ возводить шесть дней къ «шести родамъ дѣлъ безъ различенія времени» (*sex rerum genera sine distinctione temporis*). Въ всякаго сомнѣнія, что какъ бл. Августинъ, такъ и его подражатель считали послѣдовательность шестоднева *дѣйствительнымъ* порядкомъ, въ которомъ не только было *мыслимо* твореніе, но съ которою

оно и было приводимо къ осуществленію; что слѣдовательно исторія творенія считалась ими не только идеальною, но и дѣйствительною, фактическою исторіею.

И ради чего потребовалось это идеализированіе историческаго характера Бытописанія? Не ради ли только внѣшняго вербальнаго противопоставленія *идеальной* гармоніи предъ *реальною* гармоніею предшествовавшаго изъяснительнаго опыта? Развѣ безъ этого приема не возможно было остановиться на разъясненіи идей или религіозныхъ мыслей библейской исторіи? Въ сущности *новый* опытъ отнюдь не отклонился отъ приемовъ опыта прежняго. Настаивая на четырехъ основныхъ идеяхъ библейскаго сказанія, онъ тѣмъ не менѣе касается изъясненія всѣхъ тѣхъ сторонъ въ области *исторіи* творенія, разъясненіе которыхъ составляло задачу обыкновенныхъ гармонистовъ, справедливо принимающихъ шестодневъ за дѣйствительную исторію. Мы согласны, что идеальному гармонисту легче управляться съ трудностями внѣшне-научной области; но этого онъ достигаетъ такими утонченными и затруднительными построеніями въ изъясненіи мнимо-идеальнаго характера шестоднева, что самыя удобства дальнѣйшаго толкованія, такимъ путемъ приобретаемыя, представляются неблагонадежными для отчетливаго убѣжденія. Богословы должны примѣтить, что такимъ взглядомъ на священную исторію творенія, повидимому поднимающимъ её на необыкновенную периферическую высоту,—въ сущности она умалется въ великихъ фактическихъ ея данныхъ, изображающихъ дѣйствительные преемственные моменты творческаго дѣла,—каковы *первоначало* цѣлаго созданія, затѣмъ *раздѣленіе* его на міровыя части и т. д. и—великіе не идеальные только, а дѣйствительные моменты творенія, которыхъ какъ бы и не подозреваетъ идеальная гармонія въ своей отвлеченной области, услаждаясь лишь свободою движенія въ созданномъ ею какъ бы надземномъ безвоздушномъ пространствѣ. Такъ самъ библейскій экзегезисъ стоитъ противъ этой напрасной случайности въ новомъ изъяснитель-

номъ опытѣ, по которой и самое имя ему—*идеальнаго* опыта есть имя не въ честь. Да и самъ себя онъ обличаетъ въ томъ самомъ пунктѣ, важнѣйшемъ его пунктѣ, на который потрачено столько остроумія, и который внѣ названной случайности и помимо тѣни отъ нея могъ быть признанъ свѣтлымъ пунктомъ и особенно твердо постановленнымъ какъ въ богословской изъяснительной области, такъ и въ отношеніи къ внѣшней изъясняемой области естествознанія. Разумѣемъ опредѣленіе шестоднева какъ своего рода пророческаго откровенія. Но здѣсь-то въ понятіи дня идеальная гармонія рѣшительно путается: она хотѣла бы утверждать и букввальное его *значеніе*, и принуждена признавать не буквальный его *смыслъ*. Казалось бы, съ ея точки зрѣнія, не было никакой нужды настаивать на буквальномъ значеніи дня, когда вся исторія шестоднева понимается идеально; ради чего же это настояніе?—Съ другой стороны именно въ пророческомъ-то откровеніи слово день и употребляется въ особенномъ значеніи, хотя это откровеніе тѣмъ не менѣе остается откровеніемъ о событіяхъ, слѣдственно не идеально только, но дѣйствительно историческимъ пророчествомъ. Гдѣ же твердая аналогія между пророческимъ откровеніемъ и идеальной исторіею Бытописанія?—На эти вопросы не можетъ послѣдовательно отвѣчать идеальная гармонія; они стоятъ предъ нею какъ улики ея внѣшней случайности. Мнимо-буквальное толкованіе *дня* шестоднева, очевидно, было затребовано его не идеальною,—а *историческою* истиною; ибо идеальные гармонисты проводятъ мысль, что дни творенія поставлены *близко* другъ къ другу, что и созданія слѣдовали *скоро* одно за другимъ; итакъ, мнимо-буквальное толкованіе, справедливо или нѣтъ, но—было затребовано впечатлѣніемъ не отъ идеальной только, но отъ исторической истины; а между тѣмъ аналогія съ пророческимъ откровеніемъ была, какъ видно взята лишь въ доказательство или оправданіе идеальнаго воззрѣнія. Не будь поставлено это напрасное и неправильное воззрѣніе, или

лучше формула этого воззрѣнія не будь поставлена—во главу всего изъясненія; будь сказано просто, что проведеніе точной и въ подробностяхъ параллели между библейской и естественной исторіей творенія еще преждевременно; что въ изъяснительномъ опытѣ важнѣе такой параллели указаніе на достигнутое согласіе существенныхъ результатовъ естествовѣдѣнія съ основными мыслями библейскаго сказанія; будь такимъ образомъ поведенъ опытъ изъясненія, въ немъ осталось бы безъ ущерба все прочее истинное, существенно ему принадлежащее; упразднилось бы только освѣщеніе фальшивое, искажающее, а не освѣщающее истину. Тогда и аналогія съ пророческимъ откровеніемъ имѣла бы принадлежащую ей силу, а не привлекалась бы лишь какъ инородная мысль, затребованная случайно,—единственно для напряженнаго изъясненія значенія дней.—Изъясненіе дней шестоднева, какъ мы показали въ предыдущей главѣ, не требуетъ особенной напряженности, не требуетъ даже никакихъ аналогій; оно дается прямо непосредственнымъ внутреннимъ смысломъ самаго хода сказанія о шестидневномъ твореніи. Это—не эпохи и не періоды въ смыслѣ земныхъ или человѣческихъ эпохъ и періодовъ; это—дѣйствительные дни, только не дни земли, а дни цѣлаго міра, притомъ дни Господни, творческіе, въ которыхъ могутъ находить мѣсто и земные или человѣческіе періоды и эпохи. Кто не можетъ совладѣть съ уясненіемъ этого понятія по Библии, пусть и не дѣлаетъ иныхъ усилій; лучше довольствуется несомнѣннымъ, конечно, словомъ самого бытописателя, какъ псалмонѣвца: *предъ Господомъ день единъ какъ тысяча лѣтъ, и тысяча лѣтъ какъ день единъ*. Еще же словомъ апостола: «вѣрою познаемъ, что *всѣ* устроены словомъ Божиимъ» (Евр. XI, 3). Не будемъ переносить свою ограниченность во времена Божія творчества, въ которыя мы не были поставлены Его премудростію; не будемъ непризванно взвѣшивать своею немощію Его силу, своею зависимоію отъ времени—Его свободу въ вѣчности; не будемъ вообра-

жать себѣ безпредѣльные предѣлы временъ творчества, какъ инымъ обычно, нѣкоторою тягостною или же скучною продолжительностію; или даже дѣломъ какъ бы недостойнымъ Всемоущества *. По человѣчески скажу: болѣе потребно всемоущества, дать сотворенной жизни законмѣрную возможность *безконечнаго* какъ бы свободнаго движенія, различно управляя его на различныхъ степеняхъ жизни, чѣмъ—все

* Такъ старается представить дѣло Краусольдъ въ своей статьѣ: „въ геологическому вопросу“, въ апологетическомъ журналѣ Beweis des Glaubens 1867 г.—Настаивая на буквальный значеніи *дней*, и думая доказать неосновательность другаго пониманія *ab absurdo*, онъ рисуетъ читателю такую картину скучной и напрасной продолжительности творенія: „Итакъ представимъ себѣ дни творенія *періодами*, продолжающимися нѣсколько тысячъ или милліоновъ лѣтъ. И вотъ Богъ творитъ въ первый день свѣтъ, и притомъ безъ солнца и пр. Существовалъ, значитъ, такой періодъ, когда во всемъ обширномъ мірѣ въ продолженіи милліоновъ лѣтъ не было ничего кромѣ *тоу вабоу* (мрака и пустоты), потомъ—со свѣтомъ, безъ всякаго движенія, кромѣ того, что Духъ Божій именно столькоже милліоновъ лѣтъ носился надъ водами. Затѣмъ наступаетъ второй дневной періодъ. Небесная твердь отдѣляется отъ земли; опять тянутся милліоны лѣтъ; все еще нѣтъ движенія, нѣтъ ни травы, ни кустарника, никакого живаго существа во всемъ обширномъ мірѣ! Наконецъ—третій періодъ: вотъ являются трава, кустарники, деревья—безъ солнечнаго сіянія; опять тысячи и милліоны лѣтъ! Затѣмъ опять періодъ изъ милліоновъ лѣтъ, когда солнце бросаетъ свои лучи на существующія уже милліоны лѣтъ травы и деревья, но все еще не движется ни одно живое существо! Наконецъ являются животныя водныя и земноводныя и переживаютъ опять періодъ въ милліоны лѣтъ, чтобы сдѣлать возможными окаменѣлости, ради которыхъ потрачены были уже прежде четыре эпохи изъ милліоновъ лѣтъ! Затѣмъ наступаетъ еще шестой періодъ—твореніе человѣка, продолжавшійся, конечно, также милліоны лѣтъ, подобно продолжительности седьмаго дня.—Мы полагаемъ, заключаетъ Краусольдъ, что такимъ изъясненіямъ исторіи творенія можно не удовлетворить геологін, а выставить себя и Бибію только со смѣшной стороны въ глазахъ представителей геологін. И на это именно они и быють. Главное дѣло для нихъ—не числа и періоды, а понятіе *творенія* и *Творца*; а оно-то и уничтожается теоріею періодовъ“.

Мы уже видѣли, что продолжительностію исторіи творенія устранять мысль о Творцѣ есть ошибка въ мышленіи. Изображать же эту продолжительность столь безсодержательно значить преднамѣренно вводить другихъ въ заблужденіе. Что, еслибы такимъ же перомъ изобразить безконечность вѣчности? Мы надѣемся показать въ дальнѣйшемъ изслѣдованіи серьезную сторону пререкаемой продолжительности.

создать какъ бы во мгновеніе или въ короткіе дни какъ созданіе слѣпое или механическое. Поймемъ такъ же, что сама безконечность творческой мысли требуетъ соотвѣтственной безконечности и осуществленія; поймемъ еще болѣе, что все время отъ начала созданія, въ какихъ бы мыслимыхъ числахъ ни выражали его, есть лишь моменты вѣчности, къ которой надлежитъ намъ готовиться всѣмъ существомъ, слѣдственно и разумною мыслию.—Чтобъ сказать послѣднее слово объ идеальной гармоніи,—въ ней, именно благодаря ея фальшивой идеальности, едва видится подобно, какъ въ опытѣ предъидущемъ совсѣмъ пропала,—глубоко-истинная мысль втораго изъяснительнаго опыта,—не смотря на то, что эта мысль одна могла бы дать этой гармоніи надлежащую полноту и дѣйствительный свѣтъ вмѣсто односторонности и тѣни, наброшенныхъ на нее случайнымъ и напраснымъ идеализмомъ. Если она и говоритъ о *зачаткахъ* созданія, то говорить не по Библии и посему неубѣдительно; тогда какъ собственно библейскую мысль, и потому несомнѣнно твердую основу въ библейскомъ толкованіи,—просматриваетъ.

VI.

НОВЫЙ ОПЫТЪ СРАВНИТЕЛЬНОГО ИЗЪЯСНЕНІЯ МІРОТВОРЕНІЯ ПО БИБЛИИ И ЕСТЕСТВОЗНАНІЮ.

Общіе критическіе выводы изъ предъидущаго изслѣдованія извѣстныхъ изъяснительныхъ опытовъ.—Дальнѣйшая задача научнаго изслѣдованія о міротвореніи.—Міротвореніе есть исторія. Ея факторы, творческій и космогоническій.—Канто-Лапласова гипотеза въ свѣтѣ теокосмогоніи.

Мы рассмотрѣли всѣ доселѣ извѣстные въ богословіи *опыты сравнительнаго изъясненія* библейской исторіи творенія и естественной исторіи мірообразованія. Надѣмся, что это рассмотрѣніе уже достаточно показало, какъ неосновательны увѣренія одной стороны, равно и страхи другой, будто библейское сказаніе о твореніи можетъ быть поколеблено открытіями естествознанія. Мы видѣли, какъ богословская испытующая мысль, идя параллельно съ успѣхами естествознанія и съ каждымъ новымъ опытомъ изъясненія болѣе и болѣе углубляясь въ истину Слова Божія, износила изъ своихъ сравнительныхъ изслѣдованій постепенно болѣе ясныя и болѣе твердыя удостовѣренія, что истина Откровенія есть безусловная, всеобъемлющая истина. Мы видѣли, что сопоставляемая съ этою истиною естественныя познанія не только не колеблутъ или не затмѣваютъ или не превышаютъ ее, но напротивъ сами отъ нея приѣмлютъ твердость и свѣтъ, и своею истинною мѣрою даютъ еще понять безмѣрность ея горизонтовъ, какъ бы раздвигающихся по мѣрѣ познанія и

вызывающихъ на новыя изслѣдованія для болѣе полного познания. Потому-то мы также видѣли, что само богословское познание, какъ своего рода естественное познание Божіей истины, болѣе и болѣе обнимая ее, однако отнюдь не уравнивается съ нею; и вотъ основаніе къ дальнѣйшему изслѣдованію богословскому, которому успѣхи общей науки могутъ лишь помочь, но никакъ не положить камень претыканія.

Чтобъ усмотрѣть, какой дальнѣйшій путь должно принять изслѣдованіе библейской исторіи творенія, бросимъ послѣдній взглядъ на пути пройденные и на то, что именно на этихъ путяхъ достигнуто.

Первые, немногіе опыты естественнаго познания земли требовали въ ту же мѣру и отвѣта со стороны библейскаго изъясненія; посему были встрѣчены простымъ объяснительнымъ указаніемъ на библейскій фактъ всемірнаго потопа, какъ на особенную причину нахожденія различныхъ организмовъ въ разныхъ осадочныхъ слояхъ земли. Такимъ образомъ первый опытъ богословскаго отвѣта общей наукъ собственно еще не касался изъясненія исторіи творенія въ отношеніи ко внѣшнимъ познаніямъ природы. Иначе и быть не могло. Исторія геологической науки, невдругъ вышедшей на путь настоящій, долгое время держала и библейскій экзегезисъ какъ бы внѣ прямаго отношенія къ вопросамъ геологическимъ. Однако благодаря именно такому положенію, въ наукъ богословской, съ самыхъ первыхъ ея отношеній къ геологін, выработалось твердо-обоснованное убѣжденіе о несоизмѣримости точнаго библейскаго сказанія о твореніи съ естественно-научными измѣнчивыми изображеніями происхожденія земли и ея организмовъ.

На второмъ пути изъясненія началось движеніе уже ближайшаго изслѣдованія самого библейскаго сказанія въ связи съ подвинувшимся впередъ естествознаніемъ. Указаніе на всемірный потопъ было оставлено какъ мысль внѣшняя самой исторіи творенія, но въ изслѣдованіи этой исторіи было

обращено преимущественное вниманіе на изначальное дошестидневное твореніе: *въ началъ сотвори Богъ небо и землю*,— какъ на особенный библейскій моментъ въ исторіи творенія. Къ этому-то моменту, по неопредѣленной его продолжительности и по опредѣленію тогдашней *неустроенности* земли, считали возможнымъ отнести палеонтологическую исторію земли, предоставляя такимъ образомъ свободу изслѣдованіямъ общей науки и въ то же время охраняя отъ ихъ случайностей истину шестоднева Библіи. Правда такое соображеніе относительно данныхъ естественнаго познанія, временно удовлетворяя потребностямъ испытующей мысли, оказалось само случайностію, при болѣе строгомъ библейскомъ изслѣдованіи: но мысль объ особенномъ значеніи *первоначала творенія* въ послѣдующей исторіи шестоднева—сказалась какъ глубокая библейская мысль, долженствующая стать плодотворнымъ приобрѣтеніемъ въ богословіи для изъясненія исторіи творенія.

Далѣе, на третьемъ пути толковательный библейскій трудъ могъ принять рѣшительное направленіе параллельно съ успѣхами естествознанія. Здѣсь библейское изслѣдованіе обратилось собственно къ исторіи *шести дней* творенія, и нашло, что геологическіе и палеонтологическіе періоды могутъ имѣть мѣсто въ предѣлахъ самаго шестоднева, не нарушая его истины. И въ этомъ направленіи сдѣланы были самими геологами опыты проведенія параллелей между научными періодами землеобразованія и шестью днями Библіи. Со стороны библейскаго толкованія, на этомъ пути едва ли не съ рѣшительностію уясненъ смыслъ дней творенія, не какъ дней обыкновенныхъ, но какъ великихъ, несоизмѣримыхъ съ обыкновенною мѣрою, *временъ* единственной *творческой седмицы*,—не земной только, но седмицы бытія всей вселенной. Къ этому уясненію потребно привнести развѣ не много еще свѣта. Тѣмъ не менѣе библейскій экзегезисъ не могъ удовольствоваться такими параллелями, какія были предлагаемы геологами. Прежде всего здѣсь богословы увидѣли, что библейскій шестодневъ,

несмотря на его виѣшнюю краткость, внутренно содержа-
 тельнѣ изображеній геологическихъ, будучи исторіею не
 одной земли, но цѣлаго мірозданія; что затѣмъ хотя проекти-
 руемыя параллели въ нѣкоторыхъ частяхъ дѣйствительно
 представляютъ поразительныя доказательства въ пользу биб-
 лейскаго сказанія, каково соотвѣтствіе видимо главныхъ по-
 слѣдовательныхъ эпохъ созданія:—каменноугольной формаціи
 съ третьимъ днемъ творенія,—юрской и меловой съ пятымъ
 днемъ и—третичной формаціи съ шестымъ библейскимъ днемъ;
 однакоже при тѣхъ же параллеляхъ выступаетъ существен-
 ный, но неуяснимый ими пунктъ несоотвѣтствія—въ мнимо-
 современномъ или несовременномъ происхожденіи царства
 животнаго съ растительнымъ. Такимъ образомъ на этомъ
 многотрудномъ пути, для богословія въ отношеніи къ есте-
 ствознанию рѣшительно выяснилось, кромѣ смысла библей-
 скихъ дней, еще слѣдующее: что геологическія формаціи и
 палеонтологическіе періоды хотя не должны быть изводимы
 изъ предѣловъ шестоднева, но не могутъ быть *уравниваемы*
 по ихъ количественной и отчасти качественной неопредѣлен-
 ности—съ опредѣленными *шестью* библейскими фазисами
 творенія, притомъ же фазисами творенія не только земли,
 но цѣлой вселенной. Посему Богословіе вѣрно указало, что
 сравненіе можетъ быть проводимо лишь отъ третьяго дня,
 съ котораго по Библіи началось образовательное движеніе
 собственно въ тѣлѣ нашей планеты; но въ виду трудностей
 этой параллели, оно напрасно утверждало, что геологическія
 формаціи, по настоящему состоянію науки, отъ ихъ не-
 опредѣленнаго многообразія довольно возводить пока къ
 двумъ опредѣленнымъ видамъ, къ виду образованій неорга-
 ническихъ и органическихъ, послѣдовательность которыхъ
 удобно согласуется съ послѣдовательностію творенія по
 шестодневу; хотя вѣрно, что еще будущему науки предстоитъ
 болѣе строгое изслѣдованіе формацій собственно *органиче-
 скихъ*, чтобы въ ихъ частной послѣдовательности возможно
 было въ свое время указать согласіе съ библейскимъ От-
 кровеніемъ.

тахъ изслѣдовано съ удовлетворительною полнотою. Но недостаточно изслѣдована его *цѣлость*, существенная его *мысль*, которая должна руководить къ познанію органической связи между отдѣльными его частями и подлиннаго значенія каждой изъ нихъ. Открыть эту мысль въ библейскомъ повѣствованіи значитъ понять самую сущность повѣствуемаго дѣла, или, какъ мы выразились, *существо исторіи творенія*. Еслибы достигнуть такого уясненія—не отвлеченнымъ разсужденіемъ о понятіи творенія, но выразумѣніемъ собственно библейской мысли о существѣ и ходѣ міротворенія; тогда истина Библии въ отношеніи къ естественному ученію, можетъ быть, предстала бы не только богословскому, но и общему познанію—съ рѣшительнымъ характеромъ несомнѣнной истины.

Библейское изображеніе хода творенія представляетъ изображеніе *исторіи* творенія. Въ этой простой мысли заключается глубокое содержаніе. И на этой мысли мы настаиваемъ. Вопреки *идеальной* гармоніи, должно признавать, что библейское сказаніе о твореніи не есть какое-либо идеальное повѣствованіе, или философема въ формѣ бытописанія;—оно есть въ собственномъ смыслѣ *историческое* сказаніе. Но этого мало. Оно есть сказаніе о совершившихся фактахъ, о дѣйствительно совершившейся *исторіи*. Библия сказываетъ, что проявленіе божественнаго творчества въ созданіи міра не есть единичное, *миновенное* дѣло, но есть *продолжающееся* въ извѣстномъ времени, *постепенное* совершеніе дѣла. По Библии, исторія творенія имѣетъ чрезвычайное *начало*, и до своего окончательнаго *совершенія*—*шесть* чрезвычайныхъ временъ или дней. Итакъ не только священное сказаніе о міротвореніи, но по сказанію само *міротвореніе есть исторія*, совершающаяся въ предѣлахъ чрезвычайной седмицы времени.

Устремляя теперь нѣкоторый общій взглядъ на библейское *содержаніе* этой исторіи, что мы видимъ въ ней, прежде всего какой такъ-сказать прагматизмъ въ ней видимъ? Созданіе видимой вселенной, проходя по извѣстнымъ опредѣлен-

нымъ ступенямъ, заключается *сотвореніемъ* чело^вѣка какъ высшаго созданія—въ образѣ самого Бога, какъ бы бога на землѣ, который поставляется царемъ всего созданія (Быт. I, 28). Такъ указывается конечная цѣль *исторіи* творенія, и дается разумѣть, что вся исторія творенія была ведена въ мысли о чело^вѣкѣ; слѣдовательно, всѣ ступени созданія до чело^вѣка были построены такъ, чтобы въ цѣлый міръ постепенно внѣдрялось чело^вѣческое, дабы *ни единой части міра не было чуждо чело^вѣческое* какъ въ ней господственное. И естественное познаніе указываетъ, что въ развитіи организмовъ природа ведена была къ чело^вѣку; но сего мало: дойдетъ ли когда естественная наука до познанія, что все тѣло вселенной въ цѣломъ его образованіи было ведено къ чело^вѣку? Библия рѣшительно говоритъ, что уже *изначала Духъ Божій*, почившій наконецъ на чело^вѣкѣ, *наитствовалъ* первосотворенной землѣ *. Итакъ по Библии, исторія творенія, въ сущности своей, есть *исторія созданія міра чело^вѣческаго*.

Но совершеніе *такой* исторіи исполнилось ли *единственнымъ* путемъ такъ-называемаго естественнаго развитія изъ зародыша, только въ началѣ творчески положеннаго? Отвѣтъ сообразный Библии есть отрицательный отвѣтъ **. Библия говоритъ не только о творческомъ первоначалѣ творенія какъ зародышѣ цѣлаго созданія: *въ началѣ сотвори Богъ небо и землю*, но тотчасъ же говоритъ о нѣкоторомъ особенномъ, продолжающемся дѣйствіи божественнаго наитствованія этому зародышу: *Духъ Божій носашеся верху воды*; далѣе—говоритъ еще объ особенныхъ актахъ Слова Божія для каждой новой ступени бытія міра: *и рече Богъ, да будетъ свѣтъ*,

* Посему-то и грѣхъ чело^вѣка воздѣйствовалъ обратно на всю природу; равно возстановленіе чело^вѣка будетъ возстановленіемъ неба и земли. Такого единство въ ученіи Св. Писанія.

** Здѣсь для насъ важенъ *только* библейскій отвѣтъ, ибо мы и вопросъ обращаемъ здѣсь собственно къ Библии, опредѣляя именно библейскій характеръ *исторіи міротворенія*.

и т. д. Кто можетъ, пусть различить, такимъ образомъ *три особы вида* божественнаго *творческаго* дѣйствованія въ совершеніи цѣлой исторіи міросозданія*.

Съ другой стороны—продолжающееся по всей исторіи творенія многообразное творческое дѣйствіе исключаетъ ли въ совершеніи ея такъ-называемое *естественное развитіе*? И здѣсь—отвѣтъ сообразный Библии есть отрицательный отвѣтъ. По Библии, творимый міръ отъ положеннаго начала и на всѣхъ дальнѣйшихъ его стадіяхъ является не механизмомъ устрояемымъ какъ бы чрезъ нѣкоторое внѣшнее искуство, но живымъ организмомъ возводимымъ и восходящимъ отъ силы въ силу. *Въ началѣ сотвори Богъ небо и землю*: этимъ рѣшительно говорится, что первое начало міра положено творчески; но съ другой стороны дается разумѣть, что разъ положенное начало есть уже начало міра, начало *природы*,—существа живущаго и *носящаго въ себѣ сѣмена жизни* **. Библия ясно говоритъ, что послѣ творчески положеннаго зачатка міра и оживленія его Духомъ Божіимъ, всемогущее Слово изрекаетъ различныя созданія уже не изъ ничтожества, но изъ самихъ неба и земли. *Да будетъ свѣтъ*: апостолъ изъясняетъ, что *свѣту* было повелѣно *возсіяты изъ тьмы*; слѣдственно—сообразно съ библейскими изображеніями—изъ *тьмы бездны*, или изъ тьмы *водъ*, какъ именуется первое состояніе призваннаго къ жизни міра. И далѣе: *да произраститъ земля, да породятъ воды, да произведетъ земля души живую*. Такъ въ библейскомъ сказаніи о твореніи выступаетъ мысль и о развитіи или раскрытіи сокровенной жизни сотвореннаго, — по творческому глаголу. Это еще не есть *полнота* естественнаго развитія, какая имѣетъ мѣсто уже по завершеніи творенія; однако это есть постепенное ея испол-

* Въ созданіи человѣка открывається еще *новый творческій актъ*; но объ этомъ—послѣ.

** Достойно примѣчанія, что въ значеніи слова *природа*, и особенно латинскаго *natura*, есть тонкій отбѣнокъ будущаго, дальнѣйшаго бытія. *Natura*, т.-е. не только рожденное, но и имѣющее родиться.

неніе—съ каждою дальнѣйшею стадіею исторіи творенія. Процессъ настоящаго естественнаго развитія только еще устанавливается въ исторіи творенія. Дѣло творенія постепенно—для каждой ступени бытія завершается именно окончательнымъ *установленіемъ* дальнѣйшаго естественнаго самодѣйствования извѣстной области жизни: что выражается въ творческомъ опредѣленіи къ продолженію жизни уже *черезъ рожденіе*. *Раститесь и множитесь и наполняйте воды, — воздухъ, — землю:* вотъ завершеніе творенія и вотъ полнота естественнаго развитія. Тѣмъ не менѣе въ ходѣ творенія, прежде сотворенное пріемлется какъ содѣйствующее будущему творенію; слѣдственно разсматривается какъ получившее относительную самостоятельность жизни, опредѣленную способность къ развитію, извѣстное самодѣйствіе въ предѣлахъ Творческой воли.

Такимъ образомъ, ни мало не противорѣча Библіи, но вполне согласно слову и духу библейскаго сказанія, можно утверждать, что *исторія творенія* слагается изъ двухъ факторовъ: *творческаго* и опредѣляемаго имъ *космогоническаго*. Твореніе міра есть вмѣстѣ съ тѣмъ развитіе міра, космогонія. Мировая матерія не самобытна, но разъ сотворенная есть уже *природа*, существо живое и способное къ дальнѣйшему рожденію жизни. Но космогонія есть вмѣстѣ съ тѣмъ міротвореніе. Матерія (mater) не можетъ произвести ничего изъ себя одной; каждой новой эпохѣ развитія предшествуетъ творческое слово Отчее: *да будетъ!*—Заблужденіе древняго и новаго языческаго міросозерцанія заключается не въ томъ, что то и другое толкуютъ вообще о космогоніи, о міроразвитіи, и одно—старается представить это развитіе въ фантастическихъ грезахъ, а другое,—на основаніи естественно-научнаго изслѣдованія. Заблужденіе того и другаго міросозерцанія состоитъ въ томъ, что оба знаютъ односторонне *только* развитіе міра, *не зная творенія*. Но если бы мы не хотѣли ничего знать о развитіи міра, это значило бы впадать въ противоположную односторонность. Истина заклю-

чается именно въ томъ, что внушаетъ намъ библейское Откровеніе:—соединять вмѣстѣ и міротвореніе, и космогонію *. *Міротвореніе есть исторія*, но исторія вообще не можетъ быть произведеніемъ одного фактора,—ни творческаго одного, ибо онъ самъ въ себѣ есть *неподлежащій времени*,—ни космогонического одного, ибо его *однородное* движеніе есть необходимое, логическое, а не историческое. Къ необходимости должна привзойти свобода, чтобъ открылась исторія. Исторія міротворенія дѣйствуется *творческою* свободою на поприщѣ необходимой *космогоніи*. Такъ учить насъ Библія.

Чтобы библейское понятіе объ исторіи творенія болѣе приблизить къ естественному пониманію; чтобы освѣтить его истинность свѣтомъ болѣе привычнымъ для обыкновеннаго глаза; чтобы по возможности уяснить, зачѣмъ въ исторіи развитія созданія, разъ творчески положеннаго, нужны еще неоднократные творческіе акты, и почему нельзя представлять вслѣдъ за началомъ творенія уже одно естественное развитіе: сопоставимъ общій ходъ библейской исторіи творенія съ естественнымъ познаніемъ о процессахъ міропроисхожденія. Именно рассмотримъ какъ примѣръ—такъ-называемую канто-лапласовскую гипотезу мірообразованія, въ которой обыкновенно думаютъ видѣть удовлетворительное изображеніе чисто-естественнаго развитія организма цѣлаго міра, и которая обыкновенно изображается какъ импонирующее явленіе къ представленію достаточности простаго естественнаго развитія въ мірозданіи и въ дальнѣйшемъ ходѣ образованія организмовъ собственно земли. На этомъ-то обаятельномъ примѣрѣ мы надѣемся показать въ изображаемомъ

* Чтобы назвать отца слова, здѣсь мы должны указать на Г. Умори, изъ котораго взято нѣсколько строкъ о значеніи космогоніи и творенія. См. „Шестъ публичныхъ чтеній въ Ганноверъ“ Чт. 3.—Впрочемъ самой мысли, что *міротвореніе есть исторія*,—выведенія этой мысли изъ Библии, обоснованія на ней новаго изъяснительнаго опыта, всего этого мы не встрѣчали въ литературѣ.

исключительномъ мнимо-естественномъ развитіи — необходимость неоднократныхъ творческихъ актовъ, чтобъ развитіе могло двигаться по опредѣленнымъ ступенямъ къ опредѣленной цѣли. Можетъ-быть, тутъ мы увидимъ необходимость тѣхъ самыхъ актовъ, которые въ Библии и указываются какъ рѣшительные.

Представимъ названную гипотезу по Бурмейстеру, котораго «Исторія творенія» приобрѣла большую извѣстность. Надобно сказать вообще, что эта гипотеза въ цѣлости своей представляетъ до сихъ поръ явленіе безпримѣрное; но это потому, какъ мы уже имѣли случай прежде замѣтить, что въ ней отразилось вдохновеніе Библии *.

Лапласъ высказываетъ тотъ взглядъ, что «всю нашу солнечную систему можно представлять въ первоначальномъ ея состояніи однимъ громаднымъ газообразнымъ шаромъ, въ которомъ *вслѣдствіе концентраціи элементовъ* образовался гдѣ-нибудь центръ, а впослѣдствіи болѣе плотное ядро». — Библия еще болѣе сказываетъ, именно — что въ началѣ была сотворена единая *совокупность* всего, какъ единое начало всѣхъ тѣлъ *неба и земли*. Но теперь вопросъ: могло ли это начало созданія само по себѣ двинуться къ послѣдующему развитію? Первую ступень этого развитія намъ называютъ *концентраціею* или сгущеніемъ газовъ. Но вѣдь газы не обнаруживаютъ стремленія сгущаться, напротивъ стремятся занимать возможно большее пространство, расширяться. Таково свойство газовъ въ настоящее время. Итакъ или въ первоначальномъ своемъ состояніи газы имѣли совсѣмъ противоположное свойство, или здѣсь надлежитъ призвать на помощь — Высшую силу, ограничивающую безусловность одного закона введеніемъ другаго, новаго, т.-е. Творческую волю, полагающую предѣлъ одному закону, чтобъ ввести другой законъ, — чтобы т.-е. въ данномъ случаѣ расширяющаяся субстанція *концентрировалась* и чтобъ гдѣ-либо образовался

* См. выше, стр. 53.

центръ и ядро. Библия знаетъ это новое образованіе и называетъ его *водами*, и указываетъ къ нему разумный путь—творческое дѣйствіе, которое такимъ образомъ трезвое представленіе естественнаго развитія не можетъ удалить изъ исторіи созданія: *Духъ Божій носашеся верху воды*.

Далѣе Лапласовъ шаръ «получаетъ движеніе вокругъ своей оси *отъ* какой-нибудь *внѣшней* силы, быть можетъ—отъ подобныхъ же отдаленныхъ шаровъ». Примѣтимъ и здѣсь естественную недальновидность и недостаточность естественнаго развитія. Библия прозорливѣе указываетъ на *единый въ началѣ*, а не на многіе зародыши или шары. Кромѣ этого начала еще нѣтъ ничего иного—внѣшняго, откуда явилась бы какая-либо требуемая внѣшняя сила; а еслибъ что либо и было, оно само въ своемъ началѣ также должно было бы для своего движенія требовать *внѣшней* силы, которой однако *въ началѣ* не откуда было бы придти. Итакъ не видимъ ли опять, что естественное развитіе не можетъ двинуться съ мѣста безъ Высшей воли, которая творчески вызвала бы силу движенія? Не уясняется ли такимъ образомъ сила значенія творческаго акта перваго дня исторіи творенія: *и рече Богъ, да будетъ свѣтъ!* Только всемогущее Слово дѣйственно повелѣваетъ проявиться благопотребной силѣ. Свѣтъ есть сила всякой жизни, слѣдственно и движенія.

Дальнѣйшее развитіе у Лапласа проводится такимъ образомъ: «движеніе шара вокругъ своей оси, по началу медленное, съ большимъ сгущеніемъ массы и съ соразмѣрнымъ уменьшеніемъ объѣма, становилось всё быстрѣе и быстрѣе, а видъ шара дѣлался болѣе и болѣе сфероидальнымъ, потому что вмѣстѣ со скоростью вращенія увеличивается и центробѣжная сила. При продолжающемся сгущеніи цѣлаго и равномѣрно увеличивающейся отталкивающей силѣ периферическихъ частицъ, эта отталкивающая сила въ извѣстное время должна была получить перевѣсъ надъ силою центральнаго притяженія (центростремительною силою). И вотъ подъ экваторомъ шара начинается отдѣленіе кольца за кольцомъ,

планеты за планетой, которыя въ свою очередь слѣдовали тѣмъ же законамъ и тому же процессу движенія. Такъ шло до тѣхъ поръ, когда дѣленіе должно было остановиться *по причинѣ незначительнаго объема* центральной части послѣ столь многихъ понесенныхъ ею потерь».—Вникнувъ въ это описаніе процесса естественнаго развитія, строгая мысль должна поставить рядъ недоумѣнныхъ вопросовъ: гдѣ причина побѣды силы центробѣжной надъ силою центростремительною, которыя обѣ должныствовали возрастать пропорціонально?—откуда потомъ это утомленіе центральнаго тѣла? Объемъ, конечно, становится меньше, но это произошло уже съ отдѣленіемъ Нептуна, и однако центральное тѣло въ состояніи было еще отдѣлять новыя планеты; гдѣ же причина, по которой центральное тѣло, породивши планеты до Меркурія, вдругъ уже не увеличиваетъ быстроты своего вращенія и болѣе не отдѣляетъ отъ себя новыхъ колецъ? По теоріи, или прямѣе по слѣпотѣ единаго безусловнаго закона, оно должно бы дойти до минимума, и достигнуть неимо-вѣрно быстрого круговращенія на своей оси; точно тому же надлежало бы быть и съ его планетами и далѣе—съ ихъ спутниками, и—такъ въ безконечность. То-есть естественное саморазвитіе такимъ образомъ должно бы погубить само себя. Почему же этого не вышло?—Потому что это было не исключительное саморазвитіе невозможное, но къ нему приводило творческое дѣйствіе, которое ограничивало одинъ законъ положеніемъ другаго закона. Библейская исторія и говоритъ, что Творческою волею какъ началось дѣленіе великаго міроваго зародыша на тѣла *неба и земли*, такъ творческая же воля положила *твердь*, или предѣлъ и границы дѣленію. Таково значеніе творческаго акта втораго дня исторіи творенія.

Не довольно ли пока этихъ объясненій, чтобъ по нимъ судить о необходимости всѣхъ прочихъ *творческихъ* актовъ въ исторіи творенія, какъ они изображаются въ Библии? Не довольно ли для убѣжденія, что твореніе міра не есть только

космогонія? Исключительныя космогоническія теоріи могутъ быть проводимы лишь по недоразумѣнію. Всѣ онѣ въ описаніи процесса мнимо-естественнаго развитія, подобно канто-лапласовой гипотезѣ, принужденны *предполагать* силу возвышающуюся надъ наличнымъ веществомъ, какъ вѣдущую силу,—силу дающую толчокъ движенію,—силу концентрирующую,—силу устрояющую массы и т. д. Кто хочетъ пользоваться идеею космогоніи съ такимъ намѣреніемъ, чтобъ обойтись безъ Творца, тотъ ошибается. Достиженіе такой цѣли возможно лишь подъ однимъ условіемъ,—подъ условіемъ полнѣйшаго отрицанія самой космогоніи, какъ и дѣлаетъ послѣдовательнѣйшій матеріалистъ *Кюлбе*, утверждая, что *всѣ было вѣчно такъ же, какъ и теперь*. Космогонія требуетъ міротворенія.

Но какъ съ одной стороны исключительность космогоническихъ теорій чуждается идеи творенія, такъ съ другой стороны для обыкновеннаго представленія міротворенія непривычна идея космогоніи; и это представленіе въ свою очередь готово впасть въ противоположную исключительность. Но границы ему поставяетъ сама Библия. Одно уже то, что міротвореніе, по библейскому сказанію, представляется какъ *исторія* совершающаяся *въ предѣлахъ времени*, даетъ указаніе, что ея ходъ условленъ не исключительно вышесмірнымъ, творческимъ дѣйствіемъ. Такое дѣйствіе проявлено только *въ началѣ*. Въ продолженіи исторіи творческіе акты представляются совершающимися уже на почвѣ положеннаго созданія; и эта почва постепенно такъ-сказать наслаивается и совершенствуется въ силахъ жизни, послѣ каждаго новаго творческаго акта. Космогоническій факторъ въ исторіи творенія, конечно, не есть *саморазвитіе*, поскольку онъ условленъ предшествующимъ актомъ творенія; тѣмъ не менѣе этотъ факторъ долженъ быть отмѣчаемъ, какъ особенный. И настоящая жизнь природы, уже завершенной творчески, идетъ не безъ сохраненія и управленія ея Высшею волею;

тѣмъ не менѣе эта жизнь есть уже естественная жизнь природы, собственная ей жизнь. Подобнымъ образомъ надлежитъ понимать и космогоническій элементъ въ совершаемой жизни міра *творимаго*. Въ общихъ чертахъ мы уже видѣли указанія Библіи на этотъ элементъ въ исторіи творенія; слѣдственно вопросъ о космогоніи—по существу уже рѣшонъ для насъ самымъ словомъ Писанія. Въ дальнѣйшемъ нашемъ изслѣдованіи мы надѣемся раскрыть въ подробностяхъ двоякій ходъ исторіи творенія, по библейскому ея изображенію. Это должно имѣть рѣшительное значеніе не только для вопроса о твореніи міра, но и для всего міровоззрѣнія вообще. Такъ какъ язычество во всѣхъ его образахъ не знаетъ вовсе о твореніи; поэтому міръ есть для него только природа, какъ жизнь *вещественной необходимости*, но не тварь, не созданіе и не поприще *духовной свободы*. Но если смотрѣть теперь на міръ только какъ на тварь безъ всякой самостоятельности, а не какъ на *природу*, не какъ относительно самостоятельное, одаренное особыми силами и развивающееся по внутренне-присущимъ законамъ цѣлое; то это было бы обратную стороною заблужденія язычества. По воззрѣнію Божественнаго Откровенія міръ есть и то и другое,—и тварь, созданіе Божіе, безусловно зависимое отъ Бога, но вмѣстѣ съ тѣмъ и природа. Въ этомъ заключаются и законныя права естествознанія на почвѣ библейской, и права самостоятельнаго знанія. Вѣры въ связи съ общимъ познаніемъ.

VII.

НОВЫЙ ОПЫТЪ СРАВНИТЕЛЬНОГО ИЗЪЯСНЕНІЯ МІРОТВОРЕНІЯ ПО БИБЛИИ И ЕСТЕСТВОЗНАНІЮ.

(Продолженіе).

Краткое изложеніе основныхъ мыслей предыдущей главы. — Имя новаго опыта: гипотеза тео-космогоническая. — Дни и періоды. — Общій характеръ исторіи творенія. — Творческіе моменты и космогоническіе ходы въ библейской исторіи творенія. — Сравненіе съ естественною космогонією, преимущественно въ пунктахъ, недостаточно изъясняемыхъ въ прежнихъ опытахъ. —

Заключеніе.

Въ предыдущей главѣ, свѣда положенія и выводы доселѣ извѣстныхъ опытовъ изъясненія творенія, мы видѣли, что ими достигнуто и чего въ нихъ не достаетъ. Затѣмъ мы старались выразумѣть *изъ существа библейскаго сказанія*, какъ можетъ быть восполнено недостающее. И мы пришли къ тому общему заключенію, что по Библии *міротвореніе есть исторія*, управляемая двумя факторами, творческимъ и космогоническимъ совокупно. Чтобы приблизить это научное заключеніе къ общему пониманію, мы старались изъяснить и оправдать такой взглядъ на исторію творенія, чрезъ приложеніе его къ извѣстной естествознательной космогонической теоріи мірообразованія, — Канто-Лапласовой гипотезѣ.

Но на этомъ общемъ заключеніи удобно построятся *новый опытъ* сравнительнаго изъясненія міротворенія по Библии и естествознанію. Теперь намъ слѣдовало бы раскрыть

добытую мысль въ подробностяхъ, разсмотрѣть все библейское сказаніе при свѣтѣ этой мысли. Таково требованіе методологическое. Однако и здѣсь мы считаемъ нужнымъ, частію кратко повторить, частію дополнить новыми объясненіями самую основу предлагаемаго опыта, прежде чѣмъ приступимъ къ проведенію его въ подробностяхъ.

Въ богословской наукѣ извѣстны четыре опыта изъясненія Библейской исторіи творенія въ связи съ естественною исторіею. Этимъ опытамъ западные ученые дали названія гипотезъ *потопной*, *реститутивной*, *конкордистической* и *идеальной*. Каждая изъ этихъ гипотезъ, въ своей основной мысли, имѣетъ значеніе въ наукѣ; но ни одна не представляетъ удовлетворительнаго разрѣшенія всѣхъ трудностей вопроса, не только со стороны естественныхъ ученій о происхожденіи міра, но и со стороны библейскаго экзегезиса творенія міра. Потопная гипотеза, относя всѣ геологическіе факты не къ исторіи творенія, а къ послѣдующему времени великаго всемірнаго переворота или потопа, задерживаетъ такимъ образомъ библейскій экзегезисъ внѣ прямаго отношенія къ естественнымъ ученіямъ. Реститутивная гипотеза если не выводитъ факты геологическіе за предѣлы исторіи творенія, то указываетъ для нихъ мѣсто въ такомъ пунктѣ исторіи, гдѣ они не могутъ быть помѣщены по смыслу самой Библии, а съ другой стороны все-таки не могутъ имѣть соотношенія собственно съ исторіею шестидневнаго творенія. Гипотеза конкордистическая при всемъ ея достоинствѣ, съ самаго начала оказалась недостаточною къ уясненію существеннаго пункта кажущагося несоотвѣтствія Библии и науки естественной—въ мнимо-современномъ или несовременномъ происхожденіи царства животнаго съ растительнымъ; а въ концѣ своего развитія, съ углубленіемъ въ смыслъ Библии, принуждена признать, что геологическія формаціи и палеонтологическіе періоды, хотя не должны быть изводимы изъ предѣловъ шестоднева, но не могутъ быть *уравниваемы*, по ихъ количественной и отчасти качественной неопредѣ-

ленности—съ опредѣленными *шестью* библейскими фазисами творенія цѣлой вселенной. Въ этихъ видахъ послѣдняя гипотеза, отказавшись отъ сравнительнаго изъясненія фактовъ библейскихъ и естественно-научныхъ, рѣшилась проводить соотвѣтствіе только между главными идеями священнаго сказанія о твореніи и результатами естествознанія о мірообразованіи. Назвавшись такимъ образомъ гипотезою *идеальной гармоніи*, она самое сказаніе Библии лишаетъ историческаго характера.

Всѣ эти недостатки прежнихъ изъяснительныхъ опытовъ указываютъ богословской наукѣ на необходимость дальнѣйшаго изслѣдованія предмета. Рѣшившись на это изслѣдованіе, не порывая связи съ предъидущимъ, мы отправились отъ уясненія того характера библейскаго сказанія о твореніи,—*историческаго* характера, который нарушается въ послѣдней *идеальной* гипотезѣ.

Вопреки гипотезѣ *идеальной*, мы утверждаемъ, что библейское сказаніе о сотвореніи міра не есть какое-либо идеальное повѣствованіе, или философема въ формѣ бытописанія;—оно есть въ собственномъ смыслѣ *историческое* сказаніе, притомъ сказаніе о совершившихся фактахъ, о дѣйствительно совершившейся *исторіи*. Библия не просто учитъ, что Богъ есть Творецъ міра, но открываетъ самые пути, какіе угодно было Творцу проявить въ твореніи міра. Библия сказываетъ, что проявленіе Божественнаго творчества не есть только единичный актъ, въ себѣ самомъ довременный, каково *начало сотворенія неба и земли*, но есть еще неоднократно затѣмъ проявляющееся творчество уже во времени, въ предѣлахъ чрезвычайной седмицы временъ. Такимъ образомъ ясно, что не только сказаніе о міротвореніи есть историческое, но и *твореніе міра само есть исторія*. Вотъ мысль, очевидно, библейская, на которой мы особенно настаиваемъ. Еслибы твореніе міра не было исторіею совершившеюся во времени, то въ библейскомъ Откровеніи было бы сказано коротко: *въ началѣ сотворилъ Богъ небо и землю*, и болѣе ничего не было бы ска-

зано; не говорилось бы еще о шести днях творенія, и о томъ, что лишь къ седьмому дню *соверши Богъ вся дѣла своя, яже сотвори*. Не напрасно, и не притчею, не челоуѣкообразно только—изображаетъ Библия твореніе міра какъ шестидневное дѣланіе Божественное. Твореніе полагающее начало времени и *продолжающееся* во времени есть *исторія*.

Но возможна ли исторія при одномъ только факторѣ?—Исторія условливается внутреннимъ разнообразіемъ силъ и дѣятельностей. Древнее и новое языческое міросозерцаніе прежде всего слѣпо, когда думаетъ изъяснить *исторію* мірообразования *однимъ* космогоническимъ факторомъ. Какое бы кажущееся разнообразіе силъ ни входило въ этотъ факторъ, но всѣ онѣ *однородны*: силы космическія, силы міровыя—это собственно единая сила. И это не въ смыслѣ отвлеченномъ, но въ самомъ реальнѣйшемъ: наука уже опытно производитъ изъ единства разнообразіе силъ, и это разнообразіе возвратнымъ путемъ приводитъ къ исходному единству. Но съ другой стороны, если при единствѣ фактора космогоническаго, исторія мірообразования невозможна: то она также невозможна, или иначе не было бы этой *исторіи*, и при единствѣ инаго фактора, съ исключеніемъ космогоническаго. Въ самомъ *единствѣ* Божества, во внутренней жизни Божіей нѣтъ исторіи: потому что исторія есть стремленіе къ *будущему*, а въ Богѣ вѣчно всяческая полнота и вѣчное обладаніе всѣмъ. Поэтому и при одномъ Божественно-творческомъ факторѣ не было бы *исторіи* міротворенія. Твореніе могло совершиться всецѣло *въ началѣ сотворенія неба и земли*, безъ дальнѣйшаго процесса историческаго. Но Библия даетъ намъ именно *исторію* творенія; и слѣдовательно сама ставитъ границы тому обычному представленію, которое вопреки космогоническимъ теоріямъ, чуждающимся идеи творенія, готовы впасть въ противоположную исключительность, чуждаясь идеи космогоніи въ изъясненіи исторіи творенія. *Единственно-творческое* дѣйствіе проявлено только *въ началѣ*, какъ еще виѣмрное и довременное. Но какъ скоро *начало* положено,

то съ нимъ положена уже почва *жизни* въбожественной, жизни міра, жизни не творящей, однако *рождающей*. И такъ какъ положенное начало таково, что по крайней мѣрѣ въ немъ *земля*, т.-е. весь видимый міръ, именуется еще *безвидною и неустроенною*; и такъ какъ устройство ея поставлено еще цѣлю *стремленія*: то такое стремленіе, безъ сомнѣнія, законоположено самому несовершенству, т.-е. міру (*κοσμογενεσις*); Божественное же творчество, ограничивая себя *началомъ*, далѣе дѣйствуетъ уже временами, днями, совершая несовершенное стремленіе космическое, чтобъ привести его къ послѣдней цѣли. Самъ космогоническій факторъ, въ исторіи творенія, конечно, не есть саморазвитіе, саморожденіе въ смыслѣ какого-либо самотворчества, поколику онъ условленъ предшествующимъ ему актомъ творенія; тѣмъ не менѣе этотъ факторъ долженъ быть отличаеми какъ особенный. И настоящая жизнь природы, уже завершенной творчески, идетъ не безъ сохраненія и управленія Высшею волею; тѣмъ не менѣе эта жизнь есть уже космическая, естественная жизнь природы, собственная ей жизнь. Наконецъ и настоящая жизнь человѣчества, или человѣческая исторія идетъ не безъ промысленія Божественнаго; тѣмъ не менѣе эта жизнь есть естественная человѣческая жизнь. Подобнымъ образомъ надлежитъ понимать и космогоническій элементъ въ совершаемой жизни міра творимаго*. Послѣ *начала* положеннаго, творче-

* Здѣсь умѣстно вспомнить и восполнить, что говорилось въ гипотезѣ *идеальной* гармоніи о пророческомъ характерѣ шестоднева. Въ критикѣ этой гипотезы мы утверждали, что это свѣтлый въ ней пунктъ, твердо стоящій какъ въ богословской изъяснительной области, такъ и въ отношеніи къ внѣшней изъясняемой области естествознанія. Въ самомъ дѣлѣ мало сказать, что откровеніе о твореніи можно представлять какъ изображеніе пророческихъ *видимыхъ* моментовъ міротворенія отъ *начала* и до *совершенія* онаго. Пророчество какъ откровеніе о Божественномъ дѣйствіи въ исторіи человѣчества, и въ семъ смыслѣ какъ *творческое дѣйствіе* въ естественной жизни человѣчества представляетъ такимъ образомъ *аналогію* съ творческимъ факторомъ въ *естественномъ генезисѣ* устроеной жизни міра. Такъ исторія міротворенія становится прообразомъ исторіи человѣчества. И въ этой послѣдней

скіе акты въ продолженіи исторіи совершаются только временами, когда приходитъ часъ творчества, и совершаются уже на почвѣ положеннаго созданія, но притомъ и само это созданіе возбуждается словомъ зиждительнымъ къ *днѣствованію*, къ произведенію, къ рожденію: *да будетъ свѣтъ* (по апостолу, да возсіяетъ свѣтъ изъ *тмы*, т.-е. тмы бездны), *да произведетъ земля, да породятъ воды*.

Такъ вопросъ о космогоніи, совмѣстно съ твореніемъ, въ принципѣ рѣшается для насъ самымъ словомъ Писанія. Въ дальнѣйшемъ изслѣдованіи мы пытаемся раскрыть въ подробностяхъ *двойкій ходъ исторіи творенія*, по библейскому ея изображенію и по сравненію съ нимъ ученій естествознанія. Мы надѣемся, что такимъ образомъ эти послѣднія станутъ въ отношеніи къ Библии проще и яснѣе, чѣмъ въ прежнихъ гипотезахъ, и потеряютъ значеніе противорѣчій истинамъ Писанія. Новый изъяснительный опытъ мы назовемъ гипотезою *тео-космогонической исторіи*.

Прежде всего мы поставляемъ на видъ, что привносится новою гипотезою къ рѣшительному изъясненію *дней* творенія. Какъ скоро дана и понята мысль, что созданіе міра есть исторія постепенно совершившаяся двумя факторами,—творческимъ и космогоническимъ: то становится понятнымъ, что все

два фактора: естественный—человѣческая свобода въ ея условности, развивающая разнообразныя движенія жизни, и—творческій, совершенная воля Бога, полагающая цѣль и предѣлы развитіямъ, и постепенно многочастнымъ и многообразнымъ словомъ приводящая человѣчество къ пріятію жизни высшей, и наконецъ вводящая въ него эту жизнь, Богочеловѣческую жизнь. Пророчество есть и откровеніе этой воли Божіей и выстъ также есть актъ этой воли, какъ творческій актъ,—въ исторіи человѣчества *созидающій слово*, какъ и въ исторіи міротворенія созидало Слово. Такимъ образомъ и въ тѣсномъ и широкомъ смыслѣ пророчества, исторія творенія имѣетъ *пророческій* характеръ, равно какъ исторія человѣчества имѣетъ характеръ *промыслительный* (провиденціальный), запечатлѣвается дѣйствіемъ въ ней божественнымъ. Посему исторія творенія, есть тео-космогоническая исторія точно также, какъ исторія человѣчества есть исторія Бого-человѣческая.

относящееся къ первому не можетъ быть измѣряемо никакимъ временемъ, и что продолжительность времени этой исторіи вся падаетъ на второй. Слѣдовательно фазисы этой исторіи суть *дни* по отношенію къ Творцу міра и по соотвѣтствію съ временемъ; а по отношенію къ дѣятельности самаго міра творимаго это тысячелѣтія, или продолжительныя времена. «Тысяча лѣтъ предъ Богомъ какъ день одинъ, и одинъ день какъ тысяча лѣтъ.» Такъ уясняются дни шестоднева и періоды естествознанія. Такъ наконецъ приводятся къ ясности смутныя соображенія *идеальныхъ* гармонистовъ, которые изъ пророческаго характера шестоднева * выводили такое значеніе *дней*, что для самаго пророка-бытописателя, какъ носителя откровенія, день былъ дѣйствительно днемъ, но будто для пониманія сего откровенія *смыслъ* дня справедливо расширяется такъ, что каждое изъ шести творческихъ дѣлъ не ограничивается продолжительностію одного обыкновеннаго дня, но объемлетъ времена неопредѣленно продолжительныя. Въ пророческомъ откровеніи дѣйствительно слово день употребляется въ особомъ значеніи, именно въ такомъ, что наименованіемъ день, *день Господень* объемлются вѣка, въ теченіи которыхъ раскрывается Божественное опредѣленіе, провозвѣщаемое пророчествомъ. Но это не значить, что для самаго носителя откровенія, это есть день *обыкновенный*, и будто для пониманія откровенія довольно *этотъ* смыслъ расширить въ объемъ времени неопредѣленно продолжительнаго. Нѣтъ, это значить, что и въ совершающейся исторіи человѣчества, какъ въ исторіи міротворенія, фазисы той и другой, опредѣляемые и устрояемые Высшею волею, суть *дни* по отношенію къ ней самой и вообще по соотвѣтствію съ временемъ; а по отношенію къ дѣятельности естественныхъ факторовъ, это—вѣки, эпохи или періоды. Но несмотря на эту двойственность значенія дня, или лучше, по причинѣ самой этой двойственности, библейское наименованіе *дня* въ исто-

* Сличь предыдущую цитату на стр. 125.

ріи творенія, столь много-знаменательное, не можетъ быть замѣнено никакимъ другимъ выраженіемъ. Ни *эпоха*, ни *периодъ* никогда не выразятъ того, что выражаетъ библейскій *день*: день Господень и вмѣстѣ день *всего* міра тропимаго,—день *всего* міра какъ *вѣкъ*,—день творческій, день *дѣланія* Божія (Іоан. IX, 3), посему *день* и вмѣстѣ *вѣкъ*, по апостолу (Евр. XI, 3); *вѣкъ* какъ день Вѣчнаго, и *день* по соотвѣтствію съ временемъ.

Уяснивши дни, *времена* тео-космогонической исторіи, обратимся теперь къ изображенію ея хода въ цѣломъ и подробностяхъ. Какъ скоро понята мысль, что созданіе міра есть *во времени* дѣло Творца, ведущаго міръ къ совершенству, но не безъ дѣятельности самаго міра творимаго: то становится понятнымъ самый *характеръ* этой исторіи. Прежде всего въ библейскомъ сказаніи мы примѣчаемъ возвышенное спокойствіе *всего* хода творенія,—*миръ* въ твореніи міра.—Прежде естествознаніе, въ объясненіи происхожденія земли и ея созданій, обыкновенно предполагало міровыя катастрофы измѣняющія видъ земли и ея жизни; эти катастрофы насильственно *прерывали* предшествовавшій ходъ развитія растительной и животной жизни, и обозначали прогрессъ только въ томъ смыслѣ, что приносили съ собою новый слой, на которомъ долженствовали возникнуть снова растительный и животный міръ, пока наконецъ съ появленіемъ человѣка наступило рѣшительное время покоя, равновѣсія, день субботный. Гипотезу такихъ катастрофъ въ свое время пытались согласить съ Библіею, и для нихъ думали, съ кажущимся вѣроятіемъ, отводить мѣсто въ первоначальномъ состояніи *земли* еще *невидимой и неустроенной*. Но мы видѣли, что строгій библейскій экзегезисъ не можетъ допустить, чтобы эта начальная *неустроенность* была какимъ-либо безпорядочнымъ состояніемъ или же изображала переворотъ разстройства. Во всемъ священномъ повѣствованіи о твореніи ни мало не даетъ себя знать стопа потрясающаго могущества, подъ которою трепетала бы и колебалась земля; напротивъ въ спокойномъ

тонъ этого повѣствованія даетъ себя чувствовать десница Божія исполненная благоволенія и возлагаемая на созданіе мирно, дабы возбуждать въ немъ высшую и высшую жизнь. Надъ самымъ первоначаломъ (tohuwabohu), надъ самою бездною изначальною носится кроткое вѣяніе Духа Божія. Но очевидно, съ этимъ основнымъ (глубоко-религіознымъ) характеромъ сказанія о твореніи, и слѣдственно съ характеромъ самаго творенія, теорія разрушительныхъ катастрофъ находится въ рѣзкой противоположности: вмѣсто, такъ-сказать, многообѣщающаго спокойствія каждаго вновь занимающагося созидающаго дня, эта теорія даетъ какъ бы разрушительныя бури равноденственной ночи.—Но вотъ въ послѣднее время начинается проблывать себѣ дорогу уже иная теорія, которая во имя естествознанія, устраняетъ враждебныя Библии міровыя катастрофы; а такимъ образомъ само естественное познаніе возвращается къ основному тону библейскаго сказанія о твореніи. Основателемъ этого научнаго направленія является по преимуществу англичанинъ *Чарльсъ Ляйель* *. Мы не будемъ входить въ критическія подробности этого новаго направленія; мы только указываемъ въ немъ моментъ истины съ точки зрѣнія Библии. Геологическая теорія Ляйеля есть теорія постепеннаго, спокойнаго, а потому продолжительнаго наслоенія земли. О подобномъ ходѣ развитія свидѣлствуетъ и палеонтологія, примѣчая на каменныхъ листахъ книги природы отпечатлѣнія не абсолютнаго разрыва между предъидущими и послѣдующими, но постепеннаго перехода отъ однихъ къ другимъ.

Каковъ же именно этотъ спокойный ходъ исторіи творенія, по Библии?

Творческіе акты въ этой исторіи указаны ясно. Прежде всего открывается *творческое* положеніе *начала* исторіи, безъ котораго не можетъ быть рѣчи о дальнѣйшемъ ходѣ: *въ на-*

* Lyell, sir Charles, Principles of Geology, or the modern changes of the earth and its inhabitants as illustrative of Geology. 4 vol. 1865. Эта книга есть въ русскомъ переводѣ *Андрея Мина*. Москва, 1866 г.

начь сотворилъ Богъ небо и землю: первичный творческій актъ полагающій цѣлость міра въ зародышѣ. И это есть *твореніе* въ собственномъ смыслѣ, воззваніе изъ небытія къ бытію. Богословіе издавна отличало это собственно творческое начало именемъ *перваго творенія*.

Далѣе указываются *шесть вторичныхъ творчески-созидательныхъ фазисовъ* въ этой исторіи:

1. Воззваніе *свѣта* къ отдѣльному бытію и, чрезъ свѣтъ, произведеніе движенія мірового зародыша.
2. Положеніе *тверди*, или предѣла разчлененія зародыша на *воды* и *воды*.
3. Разчлененіе собственно земли на *сушу* и *море* и совершеніе на ней *растительнаго міра*.
4. Совершительное устроеніе ближайшей къ землѣ области міра, т.-е. солнечной системы—*совершенство свѣта*.
5. Порожденіе *животной жизни* въ *водахъ* земли и въ *воздухѣ*, по *родамъ* жизни.
6. Порожденіе такой *родовой жизни* на *сушѣ* земли и преимущественное *созданіе единаго* челоувѣка.

Вотъ творческіе фазисы исторіи творенія; гдѣ же космогоническіе? Что они есть, что рядомъ съ творческими актами шли акты міродѣятельности: то, какъ мы уже сказали, ясно для насъ изъ словъ изображающихъ акты творенія—*да будетъ свѣтъ, да будетъ твердь посреди водъ, да соберутся воды въ свои собранія, да явится суша, да произраститъ земля, да произведутъ воды, да произведетъ земля душу живу*. Но какъ именно происходила здѣсь міророждаемость или космогенезисъ, того прямо не открыто въ Библии. И здѣсь наука и богословская и естественная свободны въ своихъ изысканіяхъ. Св. Василій Великій, объясняя первыя слова Бытія, замѣчаетъ: «Сказавшій: «вначалѣ сотворилъ Богъ небо и землю»—здѣсь умолчалъ еще о многомъ—о водѣ, о воздухѣ, о ихъ видоизмѣненіяхъ. Хотя все это, какъ служащее къ восполненію міра, существовало въ цѣломъ; однакоже священная исторія не коснулась сего, чтобы приучить умъ нашъ

къ самодѣтельности, и дать ему случай по немногимъ даннымъ дѣлать заключеніе и о прочемъ.» И мы должны сказать, что въ священной исторіи творенія прямо открыты творческіе акты относительно цѣлаго хода созданій, но не открыты всѣ ходы отдѣльныхъ созданій. Эти послѣдніе ходы мірообразованія или космогоніи наука естественная свободна изыскивать по книгѣ природы, а наука богословская—углубляясь въ Библію.

Итакъ, стараясь по Библии открыть космогоническіе акты въ исторіи творенія, мы разсуждаемъ: если первый, единый зародышъ *цѣлаго міра*, до полного его совершенія, проводится чрезъ извѣстные творческіе фазисы, или великія ступени: то каждый такой актъ, совершившійся для цѣлаго, полагаетъ для частей созданія и утверждаетъ за ними извѣстную дѣятельность, уже какъ естественную: что вначалѣ *творчески* совершилось для цѣлаго, то въ дальнѣйшемъ ходѣ отдѣльныхъ созданій должно уже идти *космогонически*. Космогоническіе процессы здѣсь должны состоять въ томъ, что отдѣльныя созданія, какъ выдѣлившіяся части цѣлаго зародыша, въ развитіи своей жизни уже естественно повторяютъ тѣ ступени, которыя положены и утверждены предшествующими творческими актами для цѣлаго творенія, какъ ступени уже виѣдреннаго міру и усвоеннаго ему развитія. Когда же такой процессъ конченъ, тогда наступаетъ часъ новаго творческаго акта.

Мечтательная ли эта мысль?—Нѣтъ. Эта мысль, хотя въ нераскрытомъ видѣ, всегда признавалась библейскою. Напр. слово третьяго дня: *да произведетъ земля растенія* — митрополитъ Филаретъ объясняетъ: «произвести растенія Богъ повелѣваетъ *земль*, потому что *начала* растеній уже заключены были въ ея материнскомъ нѣдрѣ.» Закрывающаяся въ этихъ толковательныхъ словахъ мысль опредѣленіе сказывается и библейски рѣшительнѣе обосновывается въ изъясненіи созданій 5-го дня. *Да многородятъ воды душу живу* — «этимъ повелѣніемъ, говоритъ великій учитель, указывается нѣко-

торое начало, какъ бы сѣмя, изъ котораго по слову творческому долженствовалъ возникнуть сей родъ тварей,—сѣмя положенное въ предопредѣленной для нихъ части еще *всеобщаго вещества*, дѣйствіемъ Духа Божія носившагося надъ водами.» Если же *начала* созданий 3-го дня и *сѣмени* созданий 5-го дня положены еще *въ началѣ* творенія первыми дѣйствіями Духа Божія: то не напрасно же это сдѣлано въ самомъ началѣ; не бездѣйственнымъ же былъ этотъ отдѣльный зародышъ будущей жизни, когда цѣлое созданіе, или первоначальныя *воды* были проводимы по первымъ двумъ творческимъ ступенямъ, а потомъ когда выдѣлившаяся земля проходила первую половину своей 3-й ступени до появленія растений, и далѣе до появленія животной жизни. *Начала и сѣмена* той и другой жизни—а можетъ-быть *единое* въ началѣ нераздѣльное сѣмя той и другой, по основной Библейской мысли творенія, или — *цѣлое* сѣмя органической жизни земли извѣстнымъ образомъ жило, проходя по утвержденнымъ прежде ступенямъ жизни, т.-е. было въ процессѣ общемъ прежде чѣмъ насталь для него часъ особаго творческаго дѣйствія. Такъ сила свѣта, по сотвореніи онаго, безъ сомнѣнія, уже естественно дѣйствовала на первоположенное въ водахъ сѣмя жизни, приводя его въ движеніе; такъ творческое раздѣленіе земли на сушу и море, могло быть вторично дѣйственно къ раздѣленію растительнаго зародыша на водное и земное сѣмя, ибо далѣе послѣднее является заложенымъ уже въ землѣ, долженствующей по слову творческому открыть свое сокровище и произвести растенія; такъ тоже раздѣлительное творческое дѣйствіе, воспринятое твореніемъ, уже дѣйствуется въ раздѣленіи или расчлененіи началъ жизни животной въ водахъ, воздухѣ и на сушѣ. И этотъ процессъ можетъ быть названъ естественнымъ или космогоническимъ; конечно, не самосозданнымъ, но повторительнымъ, усвоеннымъ отъ цѣлага.

Итакъ утверждаемъ: соображая по библейскому сказанію цѣлость и послѣдовательность хода исторіи творенія, нельзя

не видѣть, что здѣсь не только прямо изображаются основныя творческіе акты цѣлаго творенія, но по нимъ дается понимать и вторичныя космогоническіе ходы созданія, какъ управляемые основными.

Надѣмся, что мы довольно изъяснили дѣйствительность и смыслъ космогоническаго фактора, по Библии. Для внѣшней науки довольно, что этотъ факторъ не исключается изъ исторіи міротворенія, и что за естествознаніемъ признается законное право изслѣдованія на почвѣ библейской. Но пусть и оно сознаетъ дѣйствительность и значеніе фактора творческаго, какъ оный открывается въ Библии. Далѣе мы въ правѣ поставить главною нашею задачею уясненіе значенія по преимуществу творческаго фактора въ исторіи міротворенія, въ тѣхъ моментахъ, въ какихъ оный изображается по Бытописанію.

1. *Начало міра* полагается *творчески*. Этотъ актъ не историческій, но имъ полагается начало исторіи. Естествознаніе признаетъ этотъ актъ, уже по самой невозможности иначе объяснить начало міра,—по невозможности какихъ-либо наблюденій въ этомъ исходномъ пунктѣ. Но признаніе въ этой силѣ или въ этомъ смыслѣ недостаточно. Не обращая должнаго вниманія на это начало, на *существо* этого начала, открываемое Библіею, наука сама себя лишаетъ твердой точки отправленія, хотя бы въ смыслѣ научнаго *предположенія*. Горизонтъ Библии неизмѣримо обшириѣ научнаго, но наука можетъ увидѣть въ немъ и свой, надъ ея головою простирающійся горизонтъ.

Библія открываетъ намъ это начало не только по отношенію къ міру видимому, но и невидимому. *Въ началѣ сотвори Богъ небо и землю.* Символь вѣры, по этимъ первымъ словамъ Откровенія, излагая первый членъ вѣры, такъ изъясняетъ самыя эти слова: вѣрую въ Бога творца неба и земли—*видимымъ же вѣсмъ и невидимымъ*. Итакъ начало творенія: *небо* есть міръ невидимый, *земля* же есть *весь* видимый

міръ. Дальнѣйшая исторія есть исторія творенія міра видимаго.

Каково же было *начало цѣлаго* видимаго міра? — Библия сказываетъ: *земля же бѣ невидима и неустроена, и тма верху бездны, и Духъ Божій носашеся верху воды*. Итакъ творчески первоположенное начало видимаго міра съ перваго момента было *оживлено*, заключаая въ себѣ всю цѣлость дарованной жизни, но представляло эту жизнь какъ *сокровенную и въ смѣшеніи, невидимую и неустроенную*, слѣдственно еще предназначенную къ откровенію и устроенію. Въ мірѣ уже сотворенномъ, съ подобными (аналогическими) качествами представляется всякое сѣмя, всякій зародышъ жизни, какъ ея начало предназначенное къ постепенному развитію. Но въ мірѣ уже данномъ самый зародышъ *въ себѣ* есть *данный* міръ съ силами хотя невидимыми, но уже благоустроенными, — міръ уже отдѣльный отъ другихъ подобныхъ, міръ законченный творчески и благословенный уже къ самостоятельной жизни. Начальный всеобъемлющій зародышъ *цѣлаго міра* представляется въ особенномъ необычномъ состояніи, — представляется не предустроеннымъ къ естественному только развитію, но *неустроеннымъ*, и устрояемымъ постепенно, закономѣрно, не единичнымъ актомъ, но при непосредственномъ продолжающемся творческомъ наитіи или дѣйствіи: *Духъ Божій носашеся верху воды*. Почему же было положено *такое* начало, почему — не въ иномъ качествѣ, почему не положено съ перваго момента начало, хотя невидимое, сокровенное, но *благоустроенное* къ саморазвитію? — Потому, что міръ есть *твореніе*, есть дѣло свободы Творца, Который въ самомъ *началѣ* міра запечатлѣлъ его тварный характеръ. Потому, что *творимое начало*, въ этомъ самомъ качествѣ, не можетъ быть вседовлѣющимъ къ будущему своему совершенству, которое выше его. Потому, что это начало — *земля невидимая и неустроенная*, въ началѣ отдѣльная отъ неба, міра невидимаго, которому не приписывается подобнаго нестроенія, эта земля въ себѣ, въ своемъ

началъ не содержала, но была предопредѣлена *въ концѣ* вмѣстить въ себѣ и міръ невидимый, явить въ себѣ *единство* видимаго и невидимаго въ лицѣ *человѣка*. Итакъ началу надлежало не себя только, не свое одно содержаніе раскрыть *по себѣ*; но этому содержанію предлежало быть раскрыту по будущему, еще *высшему началу*,—по *человѣку*. Творится *міръ человѣческій*, положенное же начало — *земля*. Этому началу, этому зародышу уже была сообщена жизнь, но ея будущія движенія, ея пути, ея предѣлы были вѣдомы только Творцу, могли быть открыты только Его Словомъ, и совершены Его Духомъ. Этому началу предстояла исторія особеннаго, первичнаго генезиса, которымъ долженствовалъ быть учрежденъ, какъ уже повторительный, генезисъ послѣдующій, природный, естественный. Если настоящая исторія *человѣчества*, идущая подъ руководствомъ Провидѣнія, собственно есть богочеловѣческая исторія: то исторія творенія міра, послѣ начала творчески положеннаго, можетъ быть представляема не иначе какъ исторія *теокосмогоническая*.

Мысль, что *начало* творенія есть творческое положеніе,—единымъ актомъ положеніе «цѣлой сущности вселенной» какъ зародыша, есть мысль св. Василия Великаго *. Мысль, что этому началу тѣмъ же первымъ творческимъ актомъ сообщено «сѣмя жизни», имѣвшее раскрыться и совершиться въ продолженіи исторіи творенія, опредѣлительно выражена и обоснована преосвященнымъ Филаретомъ въ его запискахъ на книгу Бытія. Эта же мысль была поставлена на видъ въ гипотезѣ реститутивной, хотя эта и послѣдующія гипотезы не сдѣлали должнаго употребленія изъ мысли глубоко-истинной,—того приложенія, что и растительная жизнь третьяго дня, и животная жизнь пятого и шестаго дней, были уже сокровены въ первомъ началѣ; но только открыты и совершены въ послѣдующей исторіи шестоднева, теокосмогонической исторіи. Естествознаніе должно оцѣнить это Откровеніе о изначальномъ

* Шест. Бѣс. 1, стр. 12 (по изд. Твор. Св. Отцовъ въ русск. пер.).

оживленіи міра Тогда ему не понадобится поколебленная самою наукою гипотеза *самопроизвольнаго зарожденія*—(generatio aequivoca или spontanea) *.

Дальнѣйшіе *творческіе* акты изображаются въ Библии какъ *дѣло Слова Божія*: «и рече Богъ». М. Филаретъ говоритъ: «Богъ-Слово *изрекаетъ* къ бытію всѣхъ существа» **. Этимъ опредѣленіемъ дается возможность изъясненія существа творческихъ актовъ шестоднева. Понятіе *творенія* поставляется въ аналогію съ понятіемъ *слова*. Какъ дѣло слова относится къ *мысли*, какъ словомъ *открывается* сокровенная мысль, изрекается словомъ къ проявленію внутренняго ея бытія; такъ Словомъ Божиимъ *открывается сокровенное* въ началѣ міра, изрекается къ проявленію, къ видимому бытію. Изрекается же *по разуму и волѣ* Слова.

2. Въ первый день шестоднева *творится свѣтъ*.—Противники библейскаго ученія не могутъ отказать этому ученію прежде всего въ пророчественномъ прозрѣніи въ глубины природы: ибо въ Библии свѣтъ признается началомъ всѣхъ сочетаній и образованій вещества, и какъ бы силою силъ, на мысль о единствѣ которыхъ такъ недавно напала наука, но еще не знаетъ, какую изъ всѣхъ силъ признать первою. Впрочемъ Эрштедтъ говоритъ, что «свѣтъ заключаетъ въ себѣ зачатіе къ безконечно разнообразной внутренней дѣятельности, сокровенной отъ непосредственнаго воспріятія, но удерживающей отъ распаденія весь тѣлесный міръ; по этому живое естественное чувство всегда приводило въ связь жизнь со свѣтомъ». Это живое естественное чувство возвышеннѣйшимъ образомъ оправдываетъ библейская исторія творенія. Прежде издѣвались надъ простотою библейскаго повѣствованія, по которому свѣтъ созданъ сначала, а солнце только

* Подробное разсмотрѣніе этой гипотезы въ связи съ библейскимъ ученіемъ можно видѣть у Рейна с. XXV.—По нашей постановкѣ вопроса, нѣтъ нужды входить въ такое разсмотрѣніе.

** Собр. Словъ, т. 1, Слово 13 въ день Пасхи, стр. 46.

въ четвертый день. Но вотъ медаль перевернулась другою стороною и обличаетъ недальновидность тѣхъ, которые воображали указывать мнимый недосмотръ въ глубокомысленной исторіи творенія. Библія дѣлаетъ положительное различіе между *Ог* перваго дня: «разсѣянный свѣтъ», и *Маор* четвертаго дня: «носитель свѣта». Свѣтъ перваго дня есть *primitivus movens*; вмѣстѣ съ дѣятельностію свѣта, *движеніе* входитъ въ матерію; а съ движеніемъ начинается образованіе, изъ единаго зародыша вселенной, различныхъ отдѣльных міровыхъ тѣлъ. Библія, изображая *вторую* ступень, даетъ понять, что первое цѣлое — первоначальныя воды *уже* раздѣлились или начали раздѣляться.

Явленіе свѣта, какъ перводвижителя жизни вселенной, не можетъ быть представляемо иначе, какъ актомъ творенія. Извѣстно, что исключительность космогоническихъ теорій ищетъ, для перваго движенія, какой-то *внѣшней* силы, которой не откуда придти вначалѣ. Этой исключительности и на мысль не входило *освѣтить* исторію мірозданія съ перваго ея момента, и въ свѣтѣ увидѣть первую потребную силу, изнутри зародыша міра изведенную. Кѣмъ или чѣмъ изведенную?—Опять какою-либо невозможною силою *внѣшней*ю? Или же какою-либо другою, *внутреннею*, *болѣе первичною*, чѣмъ свѣтъ?—Какою же? Которая потребуетъ опять предпосылки еще иной *первѣйшей*?.. «Свѣтъ *первое* изреченіе къ бытію и къ благобытію *творческимъ* Словомъ». Само, будучи истиннымъ *свѣтомъ* и *жизнію* *человѣкомъ*, Оно въ твореніи міра «человѣческаго», міра для человѣка, первополагаетъ самое сообразнѣйшее, какъ первую силу и жизнь—*свѣтъ*, благоустраиваетъ его законы и даруетъ во времени міра—*первый день*. И рече Богъ: да будетъ *свѣтъ*, и раздѣли Богъ *свѣтъ* отъ тьмы, и нарече Богъ *свѣтъ* день, а тьму нарече *нощь*; и бысть *вечеръ* и бысть *утро*, день *единъ*.

3. Второй день творенія описывается такъ: да будетъ *твердь* *посреди* *водъ*, и да *отдѣляетъ* она *воды* *отъ* *водъ*; и стало такъ.—И назвалъ Богъ *твердь* *небомъ*. Въ станѣ про-

тивномъ Библии, до послѣдняго времени воображаютъ, будто по ея повѣствованію употреблены цѣлыхъ пять дней на твореніе земли и только одинъ день на сотвореніе солнца, неподвижныхъ звѣздъ, планетъ и ихъ спутниковъ. Напрасно. Глубины Библии нельзя исчерпать уроками дѣтства. *Воды и воды*—это цѣлая вселенная въ своемъ разчлененіи, но пока еще во внѣшнемъ разчлененіи: созданіе водъ или тѣлъ небесныхъ лишь *завершится* въ четвертый день. Библия знаетъ воды, образовавшія землю родственными небесному океану съ его звѣзднымъ міромъ, и даже знаетъ ихъ водами низшими пространственно: *воды подъ твердію*; и даетъ *тѣлесное* преимущество водамъ надъ твердію—и по началу ихъ отдѣльнаго происхожденія и по времени ихъ завершенія въ мѣру свойственную ихъ назначенію: *быть свѣтилами*, носителями свѣта. Но въ чемъ состоитъ твореніе собственно втораго дня? Что такое твердь?—Это предѣлъ положенный внѣшнему раздѣленію единаго зародыша и самому раздѣленію его частей,—установленіе пространственныхъ границъ между ними, твердо опредѣленныхъ, *ихъ же не прейдутъ*,—утвержденіе ихъ путей, по слову: *Ты указалъ звѣздамъ ихъ путь*. Одинъ законъ такимъ образомъ творчески ограничивается другимъ: движеніе раздѣляющее, съ сохраненіемъ природъ этого его свойства, здѣсь преобразуется въ движеніе сохраняющее цѣлость совершившагося. Таковъ глубокій смыслъ второй ступени творенія, вдохновившій нѣкогда великаго естествослова. Въ изъясненіи гипотезы *Лапласа* мы подробно уже показали, что *твердь*, предѣлы дѣленія міровыхъ тѣлъ непостижимы безъ особеннаго акта творческаго. Итакъ положеніе рѣшительныхъ предѣловъ или тверди расчлененію цѣлаго зародыша есть дѣло творенія; благоустроеніе хода ихъ жизни въ этихъ предѣлахъ, по закону данному на первой ступени, можетъ быть понимаемо уже какъ дѣло процесса космогоническаго.

4. *Третій* день творенія изображается какъ ступень преимущественнаго образованія *земли* въ жилище человѣка,

постепенно приготовляемое какъ поприще *всѣхъ жизней* совмѣщенныхъ въ человѣкѣ. Земля, конечно соотвѣтственнымъ ей образомъ прошла и первую ступень, общую всѣмъ частямъ міра, и уже на второй получила вмѣстѣ съ ними отдѣльное отъ нихъ, закономерно отверженное существованіе, какъ самостоятельный зародышъ особаго міра. Такимъ образомъ земля, свыше наитствованная въ началѣ и проведенная по первымъ двумъ ступенямъ общаго образованія, теперь возводится на третью особенную: *да соберутся воды ея отдѣльно, и да явится суша. И собрались воды въ свои мѣста и явилась суша*, названная собственно землею. Это уже новый, *творчески* положенный законъ раздѣленія или движенія,—не *внѣшняго*, а *внутренняго*. Но это одна половина ступени; другая половина той же ступени: *да произраститъ земля зелень, траву сѣющую сѣмя по роду и по подобію ея, и дерева приносящія плодъ, въ которомъ сѣмя ихъ по роду ихъ*. Такъ на третьей ступени, твореніе открывается въ двухъ совершенно новыхъ актахъ: внутреннего расчлененія цѣлаго состава земли, или цѣлаго ея зародыша, и—также внутреннего расчлененія растительнаго зародыша суши, изнесеннаго въ ея матернемъ нѣдрѣ, съ возникновеніемъ ея изъ глубины водъ. Теперь преимущественное творческое образованіе обращается къ сушѣ, которая должна стать опорой для растительнаго міра, который въ свою очередь будетъ опорой для жизни животной. Библія не упоминаетъ о растеніяхъ морскихъ; хотя даетъ понять, что самыя начала растеній земныхъ изнесены изъ воды. Но главное мѣсто творенія теперь суша.

Естествознаніе должно оцѣнить важность этой творческой ступени. Псаломъ 103 такъ изъясняетъ ее: «Ты бездною, какъ одѣяніемъ покрылъ землю; но отъ повелѣнія Твоего воды бѣгутъ, отъ владычественнаго гласа Твоего стремятся; восходятъ горы, растилаются долины; по долинамъ ты провелъ источники, между горами текутъ воды. Ты показалъ предѣлъ, котораго не прейдутъ

и не возвратятся покрыть землю» (ст. 6—10). Такое раздѣленіе земли и воды отнюдь не есть только механическое явленіе, съ которымъ такъ легко управляется механическая мудрость,—это есть глубоко-органическое расчлененіе, которое по выраженію Либиха, должно заставить умолкнуть всякую человѣческую мудрость. Расчлененіе земли и воды, какъ видно, совершено въ особенномъ предъустройствѣ растительной жизни; почему въ исторіи творенія та и другая и относятся къ одной ступени творенія. Для растенія земная почва сама въ себѣ и въ отношеніи къ водѣ конструирована въ высшей степени своеобразно. Приведенныя выше слова Либиха взяты изъ слѣдующаго мѣста его писемъ о химіи, которое теперь мы вполнѣ приведемъ, чтобы говорить устами авторитета въ естествознаніи: «въ химіи нѣтъ явленія болѣе чудеснаго, которое бы такъ рѣшительно заставляло умолкать всю человѣческую мудрость, какъ явленіе представляемое отношеніемъ полевой и садовой почвы, благопріятствующей произрастанію растеній... *Земля не отдаетъ водѣ* ни одной частицы изъ всѣхъ содержащихся въ ней веществъ, которыми питается растеніе. Самый продолжительный дождь не можетъ отнять у поля ни одного изъ главныхъ условій его плодородности, развѣ только увлекая механически составныя его части». Между тѣмъ: «если дождь или какая-нибудь другая вода, содержащая амміакъ, кали, фосфорную или кремнеземную кислоту въ растворенномъ состояніи, приходитъ въ соприкосновеніе съ почвою; то эти вещества почти мгновенно исчезаютъ изъ раствора: *почва отбираетъ ихъ у воды*. Но почва беретъ у воды *вполнѣ только* такія вещества, которыя составляютъ необходимыя средства питанія для растеній; другія вещества остаются вполнѣ или по большей части въ растворѣ».—Итакъ раздѣленіе воды и суши въ третій день не есть только внѣшнее раздѣленіе, которое могло совершиться путемъ космогоническимъ какъ повторительный процессъ прежняго творческаго раздѣленія цѣлаго зародыша; устройство опредѣленныхъ отношеній почвы и

воды, *внутренне* разграниченіе ихъ предѣловъ предполагаетъ новый актъ. Выражаясь словами Либиха,—никакое мудрованіе не заставитъ здѣсь обойтись безъ особеннаго творческаго акта.

Что теперь касается до *существа* творческаго акта въ отношеніи къ самимъ растеніямъ, то онъ ясно изображается какъ положеніе строгихъ, но опять *внутреннихъ* предѣловъ ихъ развитія,—въ постепенномъ завершеніи развитія—зелени, травы съющей съмя по роду и виду ея и деревъ приносящихъ плодъ съ съменемъ также по роду ихъ. Творческое дѣйствіе здѣсь есть отверженіе *родовъ и видовъ*, которые такимъ образомъ не идутъ въ безконечность безпорядочную, по слѣпому развитію, но находятъ свой предѣлъ, въ которомъ, помимо искусственнаго насилія и пребываютъ неизмѣнно; это своего рода внутренняя твердь первой органической жизни, которая также не установилась бы сама собою, по первому закону движенія этой жизни, движенія раздѣляющаго, еслибы не былъ приведенъ другой ограничивающій къ сохраненію достигнутаго, какъ и прежде не утвердилась бы сама собою твердь небесная, или предѣлы тѣлъ небесныхъ. Въ своемъ мѣстѣ мы прежде показали, какъ библейское указаніе на постепенность возникновенія—сначала *зелени* (безъ съмени), потомъ *травы съ съменемъ*, и только наконецъ *дерева съ плодомъ, въ которомъ съмя* его,—какъ указаніе Библіи на такую постепенность возникновенія міра растеній точно соотвѣтствуетъ наблюденіямъ позднѣйшаго естествознанія. Если это постепенное возникновеніе или развитіе можетъ-быть изъясняемо путемъ космогоническимъ, то, конечное отверженіе родовъ и видовъ каждаго изъ этихъ развитій не постижимо безъ творческаго опредѣленія. Въ исключительномъ развитіи космогоническомъ предъидущіе ступени теряются, а не сохраняются.

Должно примѣтить наконецъ и самое *мѣсто* третьей ступени творенія въ ряду прочихъ. Уже связь растенія и суши, и отношеніе суши какъ носительницы растеній къ водамъ,

ясно показываютъ, что ступень эта стоитъ крѣпко на своемъ мѣстѣ въ исторіи творенія. Затѣмъ, что ни говорили бы, по палеонтологіи, о современности растений суши и нѣкоторыхъ водныхъ животныхъ; первенство творческаго *завершенія* жизни именно растительнаго міра не предвосхищается созданіями пятаго дня. Въ предъидущемъ изслѣдованіи, а также и въ дальнѣйшемъ мы имѣемъ ключъ къ объясненію наблюденій палеонтологіи. Между тѣмъ даже въ завершенномъ мірѣ, растеніе является посредствующимъ звеномъ между неорганическимъ міромъ и міромъ животныхъ, какъ бы постоянно *въ себѣ* нося доказательство своего возраста въ твореніи. Естественному познанію долженъ быть понятенъ этотъ возрастъ. Ему извѣстно, что только растеніе въ состояніи, превращать неорганическую матерію въ органическія вещества, воспринимая ихъ изъ воздуха и земли. Животное можетъ заимствовать изъ воздуха только средства дыханія, но не можетъ воспринимать средства питанія ни изъ воздуха, ни изъ земли, нуждаясь въ организованномъ уже растительномъ веществѣ. И въ крови и въ мясѣ животныхъ, питающихся растеніями, плотоядные животныя потребляютъ собственно *растительныя* вещества, которыми питались тѣ животныя. Либихъ говоритъ: «животный организмъ творитъ свою кровь только по формѣ, и природа отказала ему въ способности производить ее изъ другихъ веществъ, нетождественныхъ съ главною составною ея частию. Животное тѣло есть высшій организмъ; но развитіе его начинается тѣми веществами, съ произведеніемъ которыхъ прекращается жизнь растений употребляемыхъ въ пищу: кормовыя травы и зерновые хлѣба, принесши сѣмя, умираютъ... Питательное вещество животнаго, вещество, изъ котораго состоитъ главная составная часть крови, есть продуктъ творческой дѣятельности растений». Итакъ всѣ элементы, которые нужны животному для его жизни, содержатся въ неорганической природѣ, изъ которой однако оно не можетъ само черпать нужное для своей жизни; животное окружено

со всѣхъ сторонъ богатствомъ, которымъ однако не можетъ воспользоваться: безъ служебнаго посредства растений ему приходилось бы умирать съ голоду среди роскоши.

По всему этому непротивно и съ точки зрѣнія науки признать, что творческое завершеніе развитія растительной жизни требуетъ именно той ступени, на которой она стоитъ въ библейской исторіи, предшествуя такому же творческому акту въ отношеніи къ жизни животной. На разъясненіи третьей ступени мы остановились нѣсколько долѣе, чѣмъ на первыхъ двухъ, потому что здѣсь какъ извѣстно, до сихъ поръ по преимуществу оставались какъ бы непреодолимые недоумѣнія, которыя однако оказываются удобно препобѣждаемыми.

5. *Четвертый день* исторіи міротворенія представляется какъ завершительная ступень творенія тѣлъ небесныхъ. Итакъ совершеніе неба или тѣлъ небесныхъ Библия ограничиваетъ четвертымъ днемъ; но такъ какъ третій день есть особенная творческая ступень собственно для земли: то слѣдуетъ, что созданіе области неба Библия ограничиваетъ собственно *тремя днями* изъ шестоднева или только тремя творческими ступенями. Примѣтитъ можно, какъ самое повелѣніе или слово творческаго дня четвертаго, указывая *особенность* творенія этого дня, связываетъ съ нею и предъидущія *два* ступени исторіи творенія. Первая ступень есть созданіе свѣта и отдѣленіе *свѣта* отъ *тѣмы* еще цѣлой *бездны*; вторая есть созданіе *тверди* между раздѣленными водами *бездны*. И вотъ слово четвертаго дня, какъ бы связуя эти ступени и присоединяя къ нимъ новую, повелѣваетъ: *да будутъ свѣтила на тверди небесной;—и да будутъ онѣ свѣтильниками*, или съ еврейскаго—«носителями свѣта». *Такъ совершены небеса и все воинство ихъ*, говоритъ библейское сказаніе въ заключеніе исторіи творенія (гл. II, ст. 1). Но такимъ образомъ четвертый день представляется стоящимъ въ рядъ съ первыми двумя днями цѣлаго творенія; а день третій (первый день *земли*) не раздѣляется бездною съ пятымъ днемъ (вторымъ днемъ *земли*). Такъ исторія творенія

органической жизни—растительной и животной—является въ неразрывномъ единствѣ. Это обстоятельство должно пролить довольный свѣтъ къ изъясненію вопроса о твореніи третьяго и пятаго дня. Но обратимся ко дню четвертому. Дѣло этого послѣдняго дня небесъ есть творческое *совершенство* природы первосотвореннаго свѣта и существа и законовъ созданий втораго дня, какъ *собственно* носителей и *разнообразныхъ* органовъ свѣта. То же самое утверждается въ запискахъ на книгу Бытія преосвященнаго *Филарета*: «дѣйствіе, заключающееся въ сотвореніи свѣтилъ, по всей вѣроятности, есть сосредоточіе въ опредѣленныхъ мѣстахъ и совершеннѣйшее образованіе первосозданнаго свѣта, съ утвержденіемъ для сихъ органовъ его постоянныхъ законовъ и круга дѣятельности».

Что можетъ сказать вопреки этому библейскому откровенію естественная наука въ своихъ не только точныхъ познаніяхъ, но даже въ вѣроятныхъ чаяніяхъ, открывшихся ей въ самое послѣднее время относительно природы тѣлъ небесныхъ*? Божіе Откровеніе сказываетъ, что земля и тѣла неба родственны, что первые элементы ихъ одинаковы, что въ началѣ онѣ составляли даже одно цѣлое. Но вмѣстѣ съ симъ откровеніе изъясняетъ, что все воинство небесъ суть лишь органы свѣта, что совершеніе ихъ окончилось на четвертой ступени мірозданія; между тѣмъ какъ земля избрана Творцомъ еще для особеннаго дальнѣйшаго образованія, что для нея продолжена исторія творенія, для нея *сотворены Господомъ* еще три дня новыхъ, которые не суть собственно дни для неба. Библия не изображаетъ землю матеріальнымъ центромъ вселенной, какъ навязывали ей нѣкоторые изъ людей, но она открываетъ, что изъ множества великихъ міровъ вселенной избрана малая земля для преимущественнаго творенія. Почему?—по неизмѣнному божественному закону, яснѣе открываемому уже не столько въ исторіи творенія,

* Мы разумѣемъ открытія спектральнаго анализа.

сколько въ послѣдующей божественной исторіи искупленія, гдѣ подобнымъ же образомъ—изъ множества народовъ міра избирается для особеннаго божественнаго руководительства одинъ, повидимому самый незначительный,—изъ славныхъ царствъ земли малая земля обѣтованія, наконецъ изъ царственныхъ городовъ этой земли избирается незначительный Вилеємъ, гдѣ Самъ Христосъ *Богочеловѣкъ рождается* (Мѣ. II, 4—6). Такова система божественныхъ дѣлъ. Сообразно этой системѣ, и земля на которой долженъ родиться человекъ, предпочитается небу для особенныхъ творческихъ цѣлей, хотя малѣйшая такъ - сказать изъ городовъ небесныхъ; да и вся наша солнечная область, говорятъ, представляетъ какъ бы только небольшой островъ въ безбрежномъ небесномъ океанѣ. Такая система божественнаго избранія непонятна, т.-е. неудобопріемлема можетъ быть развѣ только для тѣхъ, кто имѣетъ неосновательное притязаніе, переносить и на духовныя отношенія мѣру матеріально-великаго и малаго. Но это притязаніе обличается не только Откровеніемъ, но и здравымъ смысломъ. Если мы сложимъ тяжесть *всѣхъ* человѣческихъ тѣлъ на землѣ: то какъ ничтожнымъ окажется человекъ въ сравненіи съ массою міра животнаго или съ громаднымъ шаромъ самой земли! Однако человекъ выше животныхъ и есть владыка земли. И опять: какъ великъ тѣлесный организмъ человека, какое пространство занимаетъ его тѣло; и что же? Говоря матеріалистически ради большаго убѣжденія читателей матеріи,—не много нервной субстанции въ мозгу, быть можетъ—одинъ недоступный ни для какихъ микроскоповъ атомъ есть владыка этого большаго тѣла, управляющій всѣми его членами, есть такъ-сказать престолъ ума парящаго своими мыслями и надъ землею и надъ всѣмъ звѣзднымъ міромъ!—Такова система творчества, устрояющаго безпредѣльный *видимый* міръ, чтобы быть ему міромъ духовнаго человека, живущаго на малой землѣ, но владыки всего міра.

Четвертый день міротворенія, какъ особая ступень въ цѣ-

ломъ твореніи, представляется занимающимъ средину между творческими ступенями созданія растительнаго міра и перваго животнаго міра. Въ изъясненіе отношеній того и другаго библейское сказаніе какъ бы усиленно выставляетъ на видъ, что свѣтила на тверди небесной и особенно въ области ближайшей къ землѣ поставлены для *отдѣленія дня отъ ночи*. Такое ихъ назначеніе выставляется на видъ трижды въ изображеніи творенія четвертаго дня; въ ст. 14 говорится: «да будутъ свѣтила для отдѣленія дня отъ ночи»; въ ст. 16—«для управленія днемъ и ночью»; въ ст. 18 опять—«чтобы управляли и днемъ и ночью». Итакъ *различіе дня и ночи для земли* есть особенная ступень въ цѣлой исторіи творенія. Надлежало для *малой* земли, предназначенной быть преимущественнымъ поприщемъ жизни, цѣлесообразно преустроить самое *пространство и время* жизнедѣятельности. И вотъ въ кругъ пространства вселенной полагается собственный кругъ пространства для земли (солнечная система); и къ этому кругу устремляется преимущественное обиліе свѣта (солнце). Какой космогенесисъ, какими естественными силами могъ совершить это *положеніе* «небольшаго острова въ безбрежномъ небесномъ океанѣ», и *сосредоточеніе обилія свѣта* именно на этомъ маломъ островѣ, для преимущественной на немъ жизни? Но *творчески* совершенно такъ, а не иначе. И такимъ *совершеніемъ* положено *свое время для земли*, въ кругъ времени всеміроваго. Этотъ творческій актъ, его значеніе, его мѣсто въ исторіи творенія изъясняется для понятія рѣшительнымъ образомъ. *Различіе для дня и ночи для земли*, этотъ 24-часовой кругооборотъ времени имѣетъ собственное значеніе только для животной жизни; растительный міръ не имѣетъ въ немъ нужды, онъ нуждается вообще въ свѣтѣ, а не въ 24-часовой смѣнѣ ночи и дня. То же самое высказываетъ и псаломъ 103, гдѣ настоящій порядокъ природы разсматривается въ свѣтѣ перваго сказанія о твореніи, и гдѣ 4-й, 5-й и 6-й дни творенія изображаются слѣдующими словами: «простираешь тьму и дѣлаешь ночь, во время

коей бродятъ всѣ лѣсные звѣри; львы рыкають, ища добычи, требуя отъ Бога пищи себѣ. Возсіяваетъ солнце, и они скрываются и ложатся въ свои логовища; выходитъ человѣкъ на дѣло свое и на работу свою до вечера. Здѣсь мы имѣемъ изобразительное указаніе для отвѣта на вопросъ, почему къ смѣнѣ дня и ночи примыкаетъ созданіе животнаго міра; и вмѣстѣ съ тѣмъ—имѣемъ особенное подтвержденіе того, что моментъ творческаго акта четвертаго дня, его значеніе и мѣсто въ цѣлой исторіи творенія имѣютъ смыслъ непреложный. Изъяснимся.

Само собою разумѣется, что въ наличномъ мірѣ уже нельзя вовсе отрицать всякія вліянія ночи на *теперешній* растительный міръ. Такъ какъ и растительный міръ включенъ уже однажды въ общій порядокъ природы, къ которому принадлежитъ также и смѣна дня и ночи; и такъ какъ въ этой уже завершенной природѣ *все* имѣетъ вліяніе на каждую изъ *отдѣльныхъ* частей и обратно: то и смѣна дня и ночи оказываетъ также извѣстное вліяніе на растительную жизнь. Но Библія даетъ понять, и конечно не вопреки естествознанію, что между возникающимъ организмомъ растительнаго царства и *смѣною* дня и ночи въ теченіе 24 часовъ—нѣтъ необходимой гармоніи, тогда какъ животная жизнь, въ тѣснѣйшей гармоніи съ теченіемъ звѣздъ, проходитъ свой кругъ бодрствованія и сна, соотвѣтственно смѣнѣ дня и ночи. Посему-то въ исторіи творенія растительный міръ получаетъ свой завершительный законъ, или что то же—творится ранѣе зари четвертаго дня; а самый первый *животный* міръ получаетъ *свой* завершительный законъ лишь съ этою зарей. Наука до сихъ поръ еще не раскрыла посредствующихъ членовъ между обращеніемъ земли вокругъ своей оси и ежедневнымъ круговращеніемъ жизни животнаго и въ частности человѣческаго организма: но тотъ фактъ что здѣсь существуетъ гармонія, несомнѣненъ; и Библія утверждаетъ это, изображая четвертый день какъ особенную творческую ступень между растительнымъ и животнымъ міромъ.

Естествознаніе чисто *описательное* иногда готово стереть границу между растительнымъ и животнымъ міромъ, но болѣе глубокое *физиологическое* познаніе природы вмѣстѣ съ связію въ цѣломъ утверждаетъ внутреннюю своеобразность, великую индивидуальность того и другаго міра. Оно научаетъ насъ, что жизнь растенія исчерпывается вполне процессомъ питанія и выдѣленія; и жизнь эта не испытываетъ никакихъ *перерывовъ*; и днемъ и ночью растеніе принимаетъ свою пищу изъ земли и воздуха и возвращаетъ имъ что слѣдуетъ; оно *постоянно* превращаетъ неорганическое въ органическое, и выше собственная его жизнь не поднимается.—Въ животномъ мірѣ законъ растительной жизни удерживается, сохраняется; но на его основѣ положенъ еще другой законъ и движутся еще другіе процессы жизни. Геніальный физиологъ *Биша* первый обратилъ вниманіе на эту двойственную жизнь въ животномъ и старался раскрыть ее. Особенно въ человѣкѣ эта двойственность различается вполне опредѣлительно и разнообразно. Органы и нашей *растительной* жизни никогда не находятся въ покоѣ. Сердце, легкія, желудокъ находятся въ непрерывной дѣятельности, съ прекращеніемъ которой наступаетъ смерть. Совершенно наоборотъ наша *животная* или душевная жизнь (*animal* отъ *anima*) нуждается въ покоѣ, остановкѣ дѣятельности,—снѣ. Она должна покоиться, между тѣмъ какъ наша растительная жизнь продолжаетъ работать однообразно, тупо, безпрерывно. Наука не можетъ указать причинъ того, почему для животнаго сонъ составляетъ необходимость. Простое указаніе на потребность отдыха послѣ усиленной дѣятельности не разрѣшаетъ загадку, а только перевыражаетъ ее: ибо одинъ только покой не даетъ новыхъ силъ, точно такъ же какъ камень не увеличивается въ силѣ вслѣдствіе покоя; а для нашей растительной жизни покой сна напротивъ былъ бы смертію. Итакъ сонъ долженъ быть понятъ какъ положительный процессъ животной жизни: физиологія не открывала этого, психологія тоже не разрѣшаетъ своими гаданіями. Не

проливается ли здѣсь свѣтъ библейскимъ Откровеніемъ? Если во время сна усиленнымъ образомъ совершается процессъ образованія, ассимиляціи, слѣдственно — самоутвержденія организма: то не представляется ли творческая смѣна дня и ночи какъ необходимое условіе для утвержденія *родовъ и видовъ* животной жизни? Не таково ли значеніе сна?—Животная или душевная жизнь *ночью* (во снѣ) должна остановить свою дробную мыслительную, чувствовательную и волеительную дѣятельность и отдаться совокупной, *цѣлой творческой дѣятельности* по отношенію къ тѣлу, къ его утвержденію (ассимиляціи). И потому-то сонъ освѣжаетъ и укрѣпляетъ и тѣло, или лучше тѣло одно, которое послѣ сна дѣлается лучшимъ органомъ духа, а потому и кажется, что и духъ свѣжѣе дѣйствуетъ. Не имѣетъ ли соотвѣтственно сему особаго значенія и для всей природы—ночь? Не даромъ отъ начала временъ дано дѣленіе дня-и ночи: *и раздѣли Богъ между свѣтомъ и между тьмою, и нарече свѣтъ день, а тьму ночь*. Но какъ бы то ни было, чередованіе сна и бодрствованія составляетъ основное условіе хода *животной жизни* и совершается нормально въ теченіе 24 часовъ, совпадая съ обращеніемъ земли вокругъ своей оси; и эта гармонія имѣетъ свое основаніе въ особенномъ творческомъ актѣ, по священному сказанію, которое выражаетъ это чрезвычайно объективно, что теченіе солнца, луны и звѣздъ есть подготовительная ступень для существованія животнаго міра. Итакъ четвертый день творенія высказываетъ основное различіе, воздвигнутое божественною идеей между царствомъ растений и животныхъ.

6. Уже разсмотрѣніе третьей и четвертой ступени творенія даетъ понять глубокую истинность ступени *пятой* какъ творчески положенной. Смыслъ 3-й ступени тотъ, что растительная жизнь, какъ основа для животной, должна предшествовать послѣдней въ своемъ завершеніи. Смыслъ 4-й ступени тотъ, что смѣна дня и ночи должна быть предусмотрена какъ необходимое условіе для правильного хода жизни

животной. Теперь открывается и значеніе, и мѣсто пятой ступени въ исторіи творенія. Здѣсь творческое слово повелѣваетъ: *да породятъ воды породящее, душу живу, и летающее да летаетъ по землѣ по тверди небесной; и стало такъ*. Эта пятая ступень или *пятый день* цѣлаго творенія есть для земли, какъ уже замѣчено,—собственно второй день особеннаго въ ней творенія. Такимъ образомъ дни третій и пятый становятся какъ бы рядомъ въ отношеніи къ образованію земли; слѣдственно творческое развитіе міра растительнаго и міра животнаго тѣсно связываются между собою. Въ чемъ состоитъ эта связь? Основная библейская мысль открываетъ намъ о единствѣ зародыша цѣлой вселенной. Значить сообразно этой мысли не противно Библии, изъяснять связь растительнаго и животнаго міра въ смыслѣ первоначальнаго единства сѣмени цѣлой органической жизни, сѣмени еще *въ началѣ* творчески положеннаго въ predetermined для нея части вещества, и донинѣ, можетъ быть, открывающаго свое изначальное единство въ явленіи такъ-называемыхъ животно-растений. Если же такъ, то пятый день говорить не о началѣ творенія перваго животнаго міра, но подобно дѣлу третьяго дня говорить о завершительномъ творческомъ дѣйствіи въ отношеніи *порожденій души живой водами*. Это дѣйствіе Божественное изображается въ Библии характеристическими словами: *и сотворилъ Богъ* всѣхъ животныхъ, которыя породили воды,—*по роду ихъ*, и всѣхъ птицъ *по роду ихъ*. Итакъ, утвержденіе родовъ или видовъ этихъ животныхъ, т.-е. положеніе предѣла развитію раздѣляющему или различающему, чтобъ оно не шло въ безконечность безпорядочно, вотъ творческое дѣйствіе. Чтò было сказано въ объясненіе этого дѣйствія въ отношеніи къ растеніямъ, подобное надлежитъ сказать и здѣсь. Это—своего рода внутренняя твердь первой животной жизни, которая также не установилась бы сама собою, если бы къ закону раздѣляющему не былъ приведенъ законъ отверждающій и сохраняющій, какъ не утвердилась бы сама собою и твердь небес-

ная, или предѣлы тѣхъ небесныхъ. Припомнимъ здѣсь и сопоставимъ съ сейчасъ сказаннымъ еще то, что выше говорено о значеніи смѣны дня и ночи для отверженія родовъ и видовъ животной жизни. Таково, по нашему крайнему разумѣнію, значеніе пятаго дня творенія. При такомъ его значеніи, какъ ступени творческой завершительной въ отношеніи къ первому животному міру, съмя котораго творчески положено еще *въ началѣ*, само собою понятно, почему изъ древнихъ хранилищъ природы, нынѣ открываемыхъ, нѣкоторые какъ бы зародышевые первобытные останки воднаго животного царства износятся какъ лежащіе *совмѣстно* съ остатками жизни растительной. Точнымъ открытіямъ естественнаго познанія обрѣтается такимъ образомъ мѣсто въ рамѣ библейскаго сказанія и дается правильное изъясненіе, безъ противорѣчія Библии. Такъ разъясняется мнимое различіе науки и Откровенія относительно первоначальнаго совмѣстнаго возникновенія растительной и животной жизни.

7. Остается сказать о послѣдней ступени созданія, о *шестомъ* днѣ, который для земли есть третій день, особеннаго ей предназначеннаго образованія. Подробное истолкованіе первыхъ двухъ дней земли, т.-е. ступеней третьей и пятой, даетъ намъ возможность ограничиться немногими словами относительно первой половины шестаго дня, т.-е. относительно созданія земноводныхъ животныхъ, тѣмъ болѣе, что здѣсь библейская исторія не встрѣчаетъ какого-либо пререканія или недоумѣнія и со стороны естественнаго познанія. И для этого созданія Библия указываетъ собственно *завершительный* творческій актъ. «*Да произведетъ земля животныя, скотъ, гадовъ или пресмыкающихся и змѣей земли; и создавъ Богъ звѣрей земли по роду ихъ, и скотъ по роду его, и всѣхъ гадовъ земныхъ по роду ихъ*»: ясно, что здѣсь твореніе подобное дѣлу пятаго дня, т.-е. утвержденіе родовъ и видовъ земнаго міра животныхъ, своя твердь для сего міра, богоположенные ему предѣлы, *ихъ же не преидетъ*.

По возможности уяснивъ себѣ *творческіе* акты въ исторіи міротворенія по Библии и въ связи съ естественнымъ ученіемъ, — этому послѣднему мы предоставляемъ подробное изслѣдованіе процессовъ *космогоническихъ* въ этой исторіи. Въ прежнихъ опытахъ (гипотезахъ *конкордистической* и *идеальной*) довольно занимались сопоставленіемъ фактовъ космогоніи съ библейскимъ бытописаніемъ. Въ нашемъ опытѣ изъясненія, мы старались изъ фактической области естествовѣдѣнія лишь дополнить немного недостающее въ опытахъ предшествовавшихъ. Главнымъ же образомъ наше вниманіе было обращено на постановку и рѣшеніе первенствующаго вопроса о самомъ значеніи сопоставленій или параллелей естественной космогоніи съ міротвореніемъ по Библии. Если вѣрно дознано, что сама Библия указываетъ на космогонію въ исторіи творенія, что эта исторія въ Бытописаніи представляется совершившеюся не безъ фактора космогоническаго; если затѣмъ достаточно уяснено значеніе творческихъ актовъ въ этой исторіи, именно тѣхъ актовъ и въ тѣхъ моментахъ исторіи, какіе указываются въ Библии: то уже значеніе частныхъ вопросовъ естественной исторіи въ отношеніи къ библейской лишается своего жгучаго (отрицательнаго) интереса. *Тео-космогоническая исторія творенія* по Библии, — эта мысль оправданная рѣшаетъ вопросъ по существу. А затѣмъ при несомнѣнномъ соотвѣтствіи важнѣйшихъ эпохъ и періодовъ естественной космогоніи со временами библейской космогоніи, тѣ или другія частности кажущагося несоотвѣтствія уже не имѣютъ принципіальной важности. Здѣсь мы въ правѣ повторить, что было сказано въ началѣ нашихъ изслѣдованій, — что какъ согласно съ результатами, такъ и не смотря на результаты естествознанія, священное Бытописаніе оказываетъ себя непреложнымъ памятникомъ Откровенія истины. Какой человѣкъ, какой народъ могъ создать такую исторію міротворенія, какая дана человечеству уже въ глубокой древности, и которая въ своей простотѣ является столь глубокою, что тысячелѣтнія напряженнѣйшія из-

слѣдованія доселѣ не могутъ покрыть ее собою!—Серьезному естествознанію надлежитъ не игнорировать глубину библейскаго сказанія, а читать оное въ разумѣ, и тогда оно пойдетъ тверже своимъ собственнымъ путемъ. Когда въ наукѣ богословской явилась гипотеза *конкордистическая*, тогда англійскій геологъ не постыдился испытать и оправдать оную собственнымъ опытомъ научнаго изслѣдованія. Дѣло естествовѣдовъ—испытать въ естественно-научныхъ подробностяхъ и предлагаемую теперь гипотезу *тео-космогонической исторіи* творенія.

Мы кончили дѣло богословскаго изслѣдованія исторіи творенія дочеловѣческаго. Хотя для человѣка не полагается отдѣльной, особенной ступени въ этой исторіи, а на послѣдней (шестой) ея ступени указывается и его сотвореніе; однако указывается—совершившимся чрезъ особенное, преимущественное Творческое дѣйствіе. Поэтому о библейскомъ сказаніи о твореніи человѣка требуется особое изслѣдованіе, въ виду особенныхъ также вопросовъ естественной исторіи о происхожденіи человѣка.

VIII.

ИЗСЛѢДОВАНИЕ БИБЛЕЙСКОЙ ИСТОРИИ ТВОРЕНІЯ ЧЕЛОВѢКА ВЪ СВЯЗИ СЪ ЕСТЕСТВЕННОЮ ИСТОРИЕЮ.

Новая задача въ изслѣдованіи о твореніи человѣка.—Гипотеза естествознанія въ общихъ положеніяхъ о преобразованіи видовъ.—Крайній изъ нея выводъ о происхожденіи человѣка: научная несостоятельность вывода.—Библейское ученіе: человѣкъ есть особенное твореніе.—Твореніе человѣка, какъ все міротвореніе, есть также исторія.—Ея моменты: перстное существо, одушевленный человѣкъ; единоличннй человѣкъ, мужъ и жена.—Космогонія въ этой исторіи.—Предлежащій генесисъ человѣка и міра, законоположенный твореніемъ.

Въ библейской исторіи творенія не полагается отдѣльной ступени или особеннаго творческаго дня для человѣка, а на послѣдней (шестой) ступени указывается и его сотвореніе; однако оно указывается совершившимся иначе, чѣмъ сотвореніе прочихъ созданий этого дня,—чрезъ нѣкоторое особенное Божественное опредѣленіе о человѣкѣ и также особенное Творческое дѣйствіе. Поэтому для изслѣдованія о твореніи человѣка ставится новая задача, для рѣшенія которой недостаточно уже дознаннаго изслѣдованія о твореніи міра дочеловѣческаго. Можетъ даже возникать вопросъ, находится ли, стоитъ ли предшествующее изслѣдованіе въ какой-либо внутренней связи съ послѣдующимъ?

Съ другой стороны, естественныя ученія о происхожденіи человѣка, повидимому, вовсе не представляютъ тѣхъ затрудненій къ утвержденію библейскаго ученія о твореніи

человѣка, какія представлялись въ отношеніи ученія о твореніи міра дочеловѣческаго. И естественная наука, согласно съ Библіею, признаетъ, что человѣкъ есть высшее и послѣ всѣхъ явившееся созданіе въ природѣ. Тѣмъ не менѣе ученіе естественное, въ качествѣ *исключительной космогоніи*, скрытно или явно ставитъ вопросъ о человѣкѣ въ связи съ своими общими предположеніями о міропроисхожденіи; и тѣмъ самымъ разрѣшаетъ недоумѣніе о внутренней связи изслѣдованія исторіи міротворенія и творенія человѣка. Только повидимому—вопросы естественной исторіи о человѣкѣ суть *иные* вопросы, сравнительно съ общими вопросами о мірѣ.

Образъ или способъ происхожденія первыхъ человѣковъ, время или древность происхожденія, происхожденіе въ одной четѣ или во многихъ,—вотъ совокупность вопросовъ о человѣкѣ, требующихъ сравнительнаго изслѣдованія по Библіи и естествознанію. Но насколько эти вопросы въ области послѣдняго ставятся въ какомъ-либо несоотвѣтствіи съ Библіею: всѣ они *такъ* ставятся по исключительности *гипотезы космогонической*. Если эта гипотеза въ вопросѣ о міропроисхожденіи не совсѣмъ чуждалась идеи творенія, допуская твореніе *начала міра*; то въ вопросахъ о человѣкѣ она, можно сказать, долго умалчивала *о твореніи* человѣка, обходя существенный вопросъ объ образѣ и способѣ происхожденія человѣка. Однако утверждая это происхожденіе не въ одной четѣ, а во многихъ (*πολυγενεσις*), равно удаляя это происхожденіе отъ момента указываемаго Библіею, эта гипотеза очевидно клонила отъ идеи творенія къ цѣлямъ *исключительной космогоніи*. Ибо какой другой смыслъ могли имѣть толки о преадамитахъ, или людяхъ предшествовавшихъ первозданной библейской четѣ; и какой другой интересъ могли имѣть утвержденія о продолженіи исторіи человечества на многія и многія тысячелѣтія (по египтологіи), или даже на многіе миллиарды лѣтъ (по палеонтологіи) будто опущенные изъ виду въ Св. Писаніи? Только нѣкоторые еще остатки пietetа къ общему вѣрованію со стороны раціонализма не

позволяли однимъ открыто высказать затаенную мысль, а другимъ отгадать ее. Даже когда въ первый разъ она была высказана въ естествознаніи *Ламаркомъ*, ее отринули въ ея наготѣ почти безъ критики и постарались забыть, не давая ей значенія въ наукѣ; а между тѣмъ продолжали толковать или о слишкомъ древнемъ происхожденіи человѣка, или о позднѣйшемъ, но о томъ и другомъ какъ не соотвѣтственнымъ Библии. Наконецъ послѣднему времени, когда всё неистинное обнажается, повидимому съ сознаниемъ своей силы, а въ сущности къ самообличенію или къ самоотрицанію,— послѣднему времени пришлось высказаться рѣшительно. Матеріалистическое умозрѣніе подняло и провозгласило падшую и забытую гипотезу *Ламарка*, увидѣвъ для ея поддержанія новыя средства въ новыхъ космогоническихъ изслѣдованіяхъ англійскаго естествоиспытателя *Дарвина*, частію же въ новыхъ могильныхъ раскопкахъ. Какъ бы то ни было, затаенное слово высказано: «человѣкъ есть послѣдній членъ генезиса животной жизни; способъ его происхожденія не какое-либо Божественное творчество». Роковое слово о происхожденіи сказано, и всѣ прочія рѣчи о времени и о расахъ получаютъ отъ этого слова свой открытый смыслъ.

Итакъ на первомъ мѣстѣ въ сравнительномъ изслѣдованіи о человѣкѣ, по библейской исторіи и естественной исторіи, должно поставить вопросъ о *сотвореніи* человѣка, или о способѣ происхожденія человѣка. Постановка и рѣшеніе прочихъ вопросовъ, очевидно, зависятъ отъ постановки и рѣшенія вопроса перваго.

Сопоставляя съ библейскимъ ученіемъ совокупность естественныхъ ученій о природѣ въ происхожденіи ея организмовъ, мы изложили естественно-научную гипотезу такъ-называемаго *естественнаго преобразованія видовъ*. По этой гипотезѣ, связанной съ именемъ англійскаго естествоиспытателя *Дарвина*, болѣе или менѣе извѣстной и внѣ научнаго круга— въ образованномъ обществѣ,—все разнообразіе органиче-

скихъ и живыхъ созданій природы выводится изъ весьма немногихъ, первоначально созданныхъ, простыхъ организмовъ,—чрезъ *преобразование* однихъ видовъ въ другіе, подъ вліяніемъ только физическихъ причинъ, естественнаго подбора, унаслѣдованія и борьбы за существованіе. По смыслу этой теоріи теперь вывели, что и человѣкъ долженъ быть слѣдствіемъ такого преобразованія *. Въ виду этого послѣдняго вывода, мы принуждены начать изслѣдованіе вопроса о сотвореніи человѣка критическимъ разсмотрѣніемъ дарвинизма, съ точки зрѣнія Библіи и вообще логическаго мышленія.

Истинны или же не точны, достаточны или недостаточны факты, на которыхъ строится гипотеза *преобразованія видовъ* въ ея общности,—изслѣдованіе этого должно предоставить самимъ естествоиспытателямъ, какъ ихъ дѣло. Оно и дѣлается. Серьезнымъ противникомъ Дарвина стоитъ въ естественной наукѣ *Агассицъ*, утверждая различіе и неизмѣнность *видовъ* жизни отъ самаго ихъ начала **. Но какъ бы то ни было,—хотя бы природный (космогоническій) процессъ образованія видовъ дѣйствительно совершился тѣми, или подобными имъ путями, какіе для Дарвина представляются вѣроятными; но такъ какъ, и при этихъ предположеніяхъ, съ одной стороны *въ гипотезѣ* признается достовѣрность первоначальнаго непосредственнаго созданія или сотворенія первыхъ, основныхъ организмовъ, отъ которыхъ пошелъ дальнѣйшій генесисъ; такъ какъ съ другой стороны—также и необходимо признается, что разившіеся виды наконецъ возымѣли твер-

*) Самъ Дарвинъ изъ своей теоріи сначала не дѣлалъ, по крайней мѣрѣ не высказалъ заключенія о такомъ происхожденіи *человѣка*, т. е. о его происхожденіи отъ предшествующихъ ему животныхъ организмовъ; но за него такой выводъ откровенно сдѣлалъ Карлъ Фонтъ, и наглядно изобразилъ Геккель. *Vogl. Vorlesungen über den Menschen, seine Stellung in der Schöpfung und in der Geschichte der Erde*, 2 vol. 1863.—*Häckel, Natürliche Schöpfungsgeschichte*, 1870.

**) Однако остережемся считать Агассица нашимъ союзникомъ въ вопросѣ о человѣкѣ. Агассицъ принимаетъ шесть „центровъ творенія“ какъ въ ботаническомъ и зоологическомъ, такъ и въ антропологическомъ отношеніи.

дость и размножаются уже по роду и по подобію своему: то для апологета библейской исторіи творенія, какъ исторіи *тео-космогонической*, названная гипотеза *вообще* не имѣетъ угрожающаго смысла, какъ и всякое другое космогоническое ученіе. Для строгаго мышленія, причины указываемыя дарвинизмомъ какъ дѣйствующія къ преобразованію видовъ, при допущеніи *творенія* типовъ, очевидно суть причины вторыя какъ природныя, уже данныя въ существѣ первыхъ творчески произведенныхъ типическихъ организмовъ; причина же первая должна заключаться въ самомъ *положеніи* этого существа или въ актѣ творческомъ. И далѣе, такъ какъ то были причины къ развитію *разнообразія* жизни; то строгая мысль требуетъ указанія *другой* причины, *превозмогающей* надъ первыми, которая властно и навсегда положила бы предѣлъ движенію къ измѣненіямъ и утвердила бы наконецъ постоянство видовъ созданія. Библейская мысль есть не случайная, но строго выдержанная мысль по всей исторіи творенія: *начало* всякой жизни есть творческое начало; и созданіе *тверди* или конечнаго предѣла, утвержденіе *рода* всякой жизни есть творческое дѣло; между этимъ началомъ и завершеніемъ идетъ мірораждательность (космогенесисъ), истекающая изъ положеннаго начала, какъ стремленіе, теченіе *данной* жизни къ невѣдомому ей самой предѣлу. Если гаданія дарвинизма вѣроятны, они найдутъ себѣ мѣсто въ этомъ срединномъ природномъ теченіи жизни, указываемомъ самою Библіею: *да произраститъ земля, да многородятъ воды, да произведетъ земля*. По отношенію къ *тео-космогонической* исторіи творенія, дарвинизмъ, даже въ самомъ широкомъ его смыслѣ, даже въ чаяніяхъ его, которые онъ самъ называетъ лишь заключеніями по аналогіи, не только не противостоитъ ея смыслу, напротивъ развѣ даетъ ему выступить въ особенномъ свѣтѣ для понятія неповерхностнаго. Внутренній смыслъ и значеніе дарвинизма заключается не въ изясненіяхъ самаго способа, *какъ именно* произошли виды, но въ томъ цѣломъ взглядѣ на мірозданіе, какой открывается

съ его общей точки зрѣнія. «Всѣ животныя, говоритъ Дарвинъ, происходятъ по бѣльшей мѣрѣ отъ четырехъ или отъ пяти первоначальныхъ видовъ, а растенія отъ такого же или еще меньшаго количества. Аналогія повела бы меня еще шагомъ далѣе, именно къ убѣжденію, что всѣ растенія и животныя произошли отъ одной первоначальной формы, въ которую *Творцомъ первоначально вдохнута жизнь*». Вотъ сущность дарвинизма! Но противостоитъ ли она смыслу Библии?—Библия ведетъ нашу мысль несравненно далѣе, открывая о *единствѣ зачала цѣлой вселенной*. По такому Откровенію, весь міръ—одно цѣлое живое существо, котораго жизнь разчленилась на неисчислимое множество отдѣльных существованій, но которыя однако и въ своей настоящей отдѣльности не суть совершенно чуждыя другъ другу существованія, но представляютъ въ себѣ сочувственное единство (Быт. III, 17.—Рим. V, 12.—Рим. VIII, 20—22.—2 Петр. III, 7).

Если самъ дарвинизмъ, у его послѣдователей, вообще хочетъ выставить себя въ несогласіи съ библейскимъ Откровеніемъ; то это—грѣхъ философіи школы, а не положительнаго естествознанія,—философическая ошибочность, вслѣдствіе которой описаніе *явленій* процесса *преобразованія видовъ* принимается за объясненіе внутренней его *причины*, а равно—*фактъ* конца этого процесса принимается уже самъ по себѣ какъ достаточное *основаніе* для совершенія этого факта. Такъ-называемые въ системѣ Дарвина,—и естественный подборъ, и унаслѣдованіе, и борьба за существованіе, или же другіе образы движенія жизни суть только *явленія*, которыхъ дѣйствующая причина должна лежать далѣе ихъ самихъ или за ними, и ближайшимъ образомъ—въ *существо* первыхъ *творческихъ типовъ*, признаваемыхъ Дарвиномъ за исходный пунктъ развитія или стремленій жизни къ развитію. А по библейской мысли, эта причина какъ первая должна быть искама еще глубже—въ первоначальной творческой пансперміи, которая есть оживленіе міра Духомъ Божіимъ отъ начала созданія.

Съ другой стороны, такъ какъ самое *началоположеніе міра* нельзя представлять положеніемъ *бытія вседовлѣющаго себѣ*, въ самомъ себѣ уже имѣющаго всю полноту жизни; ибо такое бытіе не можетъ и подлежать какому-либо развитію, всегда уже обладая въ себѣ всяческою полнотою: значить, даже и первоначальное оживленіе міра по Библіи, и первые типическіе организмы по Дарвину, которымъ предстояло *развитіе*, нельзя представлять вмѣщающими *въ себѣ* изначала всю полноту своей жизни. Развиваясь, чрезъ указанныя *явленія*, отъ первоначальнаго единства къ дальнѣйшему *разнообразію*, они не могли носить *въ себѣ* того, что совершенно противоположно *такому* стремленію, и слѣдовательно не могли сами *изъ себя* породить новыя явленія, противоположныя указаннымъ, каковъ фактъ рѣшительнаго упроченія, *отверженія* извѣстныхъ видовъ жизни. Чѣмъ легче происходятъ измѣненія, тѣмъ невозможнѣе измѣняющимся организмамъ получить прочность опредѣленныхъ видовъ. Тутъ и билліоны лѣтъ не помогутъ, они скорѣе послужили бы лишь поприщемъ, на которомъ потокъ измѣненій пошелъ бы въ безконечность, и слѣдственно не привелъ бы *собою* именно того, что нужно,—остановки и упроченія видовъ. Какъ въ первомъ дробленіи вещества цѣлаго начала на отдѣльныя міровыя тѣла мы видѣли потребность въ новомъ творческомъ дѣйствіи или восполненіи, которымъ былъ бы ограниченъ законъ раздѣленія и которое утвердило бы предѣлы сферъ и ихъ движеній: такъ и въ дробленіи видовъ жизни, исходящемъ отъ перваго единства, требуется новое творческое *воспомненіе*, чтобъ генесисъ завершился предѣломъ или новымъ явленіемъ устойчивости видовъ. Дарвинизмъ справедливо отправляется отъ творческаго начала въ изыясненіи развитія; но столь же справедливо и конецъ развитія признавать творческимъ. Въ предѣлахъ между началомъ и концомъ онъ имѣетъ свои права въ изыясненіи хода исторіи творенія.

Но если конецъ есть *творческое завершеніе* развитія; если міръ животный разъ завершенъ въ своемъ развитіи: то какъ

надлежитъ представлять *происхождение челоѣка*?—Непосредственно *послѣ* завершенія животнаго міра?—Или же и челоѣкъ долженъ быть вовлеченъ въ процессъ предыдущій, въ потокъ преобразованій животныхъ видовъ до вида челоѣческаго?—вотъ вопросъ.—Библейское ученіе рѣшительно представляетъ сотвореніе челоѣка *послѣ* завершенія творенія земныхъ животныхъ.

Но крайніе послѣдователи дарвинизма начали проводить оный до выводовъ *Ламарка* *, производя челоѣка отъ послѣдняго вида челоѣкообразнаго животнаго; слѣдовательно—вовлекаютъ челоѣка въ процессъ животныхъ преобразованій *до ея завершенія*. На послѣднемъ реченіи мы настаиваемъ, потому что оно собственно представляетъ *punctum saliens* въ вопросѣ о происхожденіи челоѣка. И здѣсь гипотеза Дарвина получаетъ уже совершенно другой характеръ, нежели каковъ общій характеръ гипотезы космогонической, удобопріемлемой и съ точки зрѣнія Библии. Но какія же научныя основанія имѣются, чтобъ достаточно твердо стоять на противоположной точкѣ?—Нѣкоторое виѣшнее, тѣлесное сходство между организмами высшихъ животныхъ и челоѣческимъ—есть ли *научное* основаніе для крайностей дарвинизма? Взаимное и несравненно бѣльшее сходство челоѣческихъ расъ не представлялось же наукѣ достаточнымъ основаніемъ, чтобъ различіе этихъ расъ производить отъ *единого вида*; и теперь еще оно не представляется таковымъ

* Въ началѣ нашего вѣка Ламаркъ, въ своей *Philosophie zoologique* (Paris, 1809) утверждалъ, что два первоначальныхъ типа животнаго—инфузорія и червь, происшедшіе посредствомъ *произвольнаго зарожденія*; что всѣ другіе виды животныхъ суть тѣ же примитивные виды, преобразованные временемъ: моллюски, рыбы, рептиліи, птицы, млекопитающія и наконецъ челоѣкъ.—Подобная теорія излагается въ одномъ англійскомъ сочиненіи, которое перевелъ *Фогтъ* на нѣмецкій языкъ подъ заглавіемъ: *Natürliche Geschichte der Schöpfung*. *Бюхнеръ* популяризовалъ ее въ извѣстной книгѣ *Kraft und Stoff*.—Когда вышло въ свѣтъ сочиненіе Дарвина, *On the origin of species* и проч., американецъ *Гудзонъ Тутъль* выдалъ сочиненіе: *Arcana of nature or the history and laws of creation* (Boston, 1859), гдѣ провель тѣ же мысли, что въ книгѣ переведенной Фогтомъ.

для тѣхъ же самыхъ послѣдователей крайняго ученія, которые однако на животнo-человѣческомъ сходствѣ начали утверждать въ обезьянѣ единый исходный пунктъ для происхожденія всѣхъ расъ рода человѣческаго. Примѣчательно, что уже инстинктивное чувство человѣка—противъ такого мудрованія. Еще болѣе примѣчательно, что въ Библии названное животное является только единственный разъ какъ предметъ роскоши при Соломонѣ (2 Парал. IX, 2); оно не служить нигдѣ ни для нравоученія, ни для уподобленія и сравненія. Съ человѣкомъ сопоставляются левъ, волъ, орелъ, у Іезекіиля); человѣкъ сравнивается со львомъ умерщвляющимъ враговъ, съ овцею слѣдующею за пастыремъ, съ терпѣливо страдающимъ агнцемъ, съ кокоюшю собирающею своихъ птенцовъ, съ рыбами пойманными неводомъ и т. под.; но ни слова объ обезьянѣ. Она стоитъ для истиннаго человѣческаго чувства *далеко*, потому именно, что *по видимости* стоитъ къ человѣку близко. Нравственныя отношенія имѣютъ свою основу въ существѣ природы.—Но и самое сходство тѣлесное настолько ли близко и полно, чтобъ можно было положительно-фактически указать *путь преобразованія* *? Далеко нѣтъ. Но можетъ быть доказанъ конечный предѣлъ преобразованія?—Доказа-

* Указываютъ три вида обезьянъ, изъ которыхъ одинъ подходитъ къ человѣку по формѣ черепа и устройству зубовъ, другой—по образованію мозга, третій — по устройству конечностей. Но не могутъ *фактически* утверждать, будто человѣкъ есть плодъ скрещенія этихъ трехъ видовъ; ибо эти виды или породы живутъ въ большомъ отдаленіи и отчужденіи другъ отъ друга. Принуждены, за отсутствіемъ фактическихъ данныхъ, т.-е. какихъ-либо останковъ этихъ мнимыхъ переходныхъ видообразованій, — лишь *голосовно* настаивать, что каждый изъ названныхъ видовъ *можетъ* перейти въ человѣка самъ собою, исходя изъ своего односторонняго приближенія къ человѣку. Опираются на то, что въ Греціи найдена исполинская обезьяна, имѣющая черепъ одной породы, а члены другой. Но въ томъ и дѣло, что находятъ посредствующія ступени между *видами обезьянъ*, хотя они уже весьма близко граничатъ между собою, и всё еще не могутъ найти столь усиленно искомымъ посредствующихъ ступеней, которыя бы перекинули ходъ *чрезъ пропасть* между обезьяною и человѣкомъ. А пропасть эту признаетъ самъ Фогтъ когда указываетъ, что орангутангъ по устройству своего тѣла отличается отъ человѣка въ 34 пунктахъ.

тельство *кажущееся опытным* предлагали въ микроцефалахъ или прирожденныхъ идіотахъ, которые аки бы суть нужная промежуточная ступень между животнымъ и человѣкомъ. Но и здѣсь дѣйствуютъ импонирующимъ образомъ на глазъ, а не на мысль: для изображенія яркой картины животно-идіотскаго сходства не жалѣютъ красокъ, а объясненіе картины блѣдно. Идіотство есть уродство, а не явленіе *нормальное* хотя бы низшаго порядка—въ процессѣ развитія. И признавая это, что же говорятъ отъ лица науки? «Если человѣкъ, встрѣчая препятствіе къ развитію, нисходитъ на степень обезьянообразнаго, то этимъ указывается путь и для обратнаго возвышенія.» Совершенно ложное заключеніе! Ибо въ противномъ случаѣ идіотство было бы не уродствомъ, а только идущимъ назадъ, спускающимся внизъ—правильнымъ образованіемъ, которое законно само по себѣ и способно къ жизни точно такъ же, какъ существованіе папуанца. Но нѣтъ, идіоты умираютъ по большей части рано и неспособны имѣть потомство. На идіотахъ ясно обнаруживается, что въ основаніи человѣка лежитъ идея вида, имѣющая свои предѣлы, которые не могутъ быть переступаемы безнаказанно. По эту сторону этихъ предѣловъ уже нѣтъ болѣе образованія, а есть только уродство. Въ идіотѣ природа встрѣчаетъ препятствіе къ достиженію идеи вида и не въ состояніи создать новый видъ. Эти уродливости представляютъ самое рѣшительное доказательство противъ всякаго дарвинизма, какъ естественнаго творчества видовъ. Поставимъ идіота въ срединѣ, по правую его руку Негра, а по лѣвую шимпанзе. Негръ, обезьяна, каждое животное, каждое твореніе «въ своемъ родѣ» хорошо и счастливо; но несчастливъ тотъ, кто предназначался для высшей ступени и не достигъ ея! Низшій видъ не открываетъ ему своихъ дверей. «Идіотъ стоитъ ниже животнаго». Это утверждаетъ Фогтъ, говоря слишкомъ много, слѣдовательно противъ себя: «въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ эти идіоты стоятъ даже ниже животныхъ, ибо они безпомощнѣе послѣдняго изъ нихъ, они въ большинствѣ не

въ состояніи были бы добыть себѣ пропитаніе, не могли бы влачить свою жизнь безъ посторонней помощи.» Но почему это такъ?—потому что существуютъ строго очерченные предѣлы видовъ, а эти существа оставлены идеей вида. Въ нормальномъ человѣческомъ рожденіи природа имѣетъ уже въ себѣ типъ полного вида; но вотъ ея генесисъ терпитъ замѣшательство, и она въ порожденіи идіота сказываетъ свою немошь къ порожденію *инаго*, правильного вида. Слѣдственно, отнюдь немыслимо, будто природа человѣческая путемъ идіотизма могла бы снова низойти до обезьяны,—она погибла бы. Мы заключаемъ обратно крайнему ученію: еслибы человечество произошло изъ міра обезьянъ, въ такомъ случаѣ ниспаденіе его на низшую ступень имѣло бы слѣдствиемъ стоящее ближе къ обезьянамъ *естественное образованіе*, а не *противоестественную уродливость*.

Такимъ образомъ матеріалистическое утвержденіе не имѣетъ и тѣни *научныхъ* доказательствъ. Естественное-научное доказательство, въ обширномъ смыслѣ слова, *нынѣ* особенно, напротивъ на сторонѣ той мысли, что человѣкъ есть особый видъ, настолько возвышающійся надъ всѣми данными видами животными, что здѣсь не можетъ быть находимъ никакой переходъ и никакое сравненіе.

Внимательный читатель можетъ-быть примѣтилъ, что, говоря о крайностяхъ дарвинизма, мы выражались о нихъ частію какъ о чемъ-то прошедшемъ. Это потому, что *для науки* онъ уже дѣйствительно старое слово. Но большинство публики и популяризаторы научныхъ новостей, повидимому, ничего не знаютъ о происшедшей перемѣнѣ, всё еще продолжая считать *Фогта* отцемъ *происхожденія* отъ обезьяны, не отрeksiмся отъ своего порожденія. И мы принуждены были представить критическія замѣчанія противъ того, что уже само сознало свою несостоятельность въ наукѣ, не успѣвъ однако потерять кредитъ въ обществѣ. Естественная наука наконецъ и здѣсь помогаетъ Библіи. Фогтъ нынѣ пришелъ къ тому убѣжденію, что еслибы даже были открыты

какіе-либо ископаемые типы, подходящіе еще ближе къ человѣку, нежели человѣковидныя обезьяны, этимъ еще не говорилось бы, что въ нихъ имѣется одна изъ историческихъ ступеней въ развитіи до человѣка. Фогтъ склоняется теперь напротивъ къ тому пониманію развитія организмовъ, которое высказано впервые Снеллемъ и имѣетъ точки соприкосновения у Катрфажа* и другихъ. По этому пониманію родоначальникомъ нашимъ *предполагается неизвѣстное* существо, носившее въ себѣ человѣка, но изъ потомковъ этого существа прочіе были одарены менѣе и конституировали типъ обезьяны.—Это уже нѣчто совсѣмъ другое, и при извѣстныхъ предположеніяхъ можетъ быть возводимо къ моменту истины, открываемой всецѣло въ Библии, какъ увидимъ ниже. Новая гипотеза можетъ избѣжать той односторонности, по которой при разсмотрѣніи и классификаціи человѣка принимается въ расчетъ только зоологическая точка зрѣнія, при которой вмѣшивается *petitio principii*: «такъ какъ человѣкъ есть чісто продуктъ природы; *поэтому* будто зоологій принадлежитъ окончательный приговоръ о классификаціи.» Но этому противорѣчитъ уже самый общій опытъ: этотъ видъ «человѣкъ» стоитъ какъ «видъ» настолько выше самой высшей животной ступени, что здѣсь нельзя уже вовсе найти никакого перехода и никакого сравненія. Это обнаруживается и для естественнаго испытателя напр. въ языкѣ. Если даже будутъ называть разговорною рѣчью изразеніе извѣстныхъ звуковъ животными, которыя посредствомъ этихъ звуковъ подають знакъ другимъ животнымъ, все-таки *безъ сравненія* выше слѣдуютъ сейчасъ же языки дикихъ, о которыхъ одинъ американскій филологъ Дюпонсо говорить: «многіе изъ этихъ языковъ представляются по своей конструкціи образованными скорѣе философами въ ученыхъ кабинетахъ, нежели дикарями въ лѣсахъ. Эти языки поэтичнѣе и въ то же

* *Snell*, Karl, (проф. математики въ Іенѣ), *Die Schöpfung des Menschen. Leipzig*, 1854.—*Quatrefages* A. (членъ института Франціи), *Unité de l'espèce humaine. Paris*, 1861.—*Ею же* Естественная исторія человѣка, въ русскомъ переводѣ Н. Суворова, Москва 1861.

время богаче формами, нежели языки образованныхъ народовъ, уступая послѣднимъ только объемомъ своего лексикона, что зависитъ отъ тѣснаго круга жизни, обнимаемаго ими; такъ напр. въ американскихъ языкахъ насчитывается до 200 формъ спряженій». Но языкъ, слово есть проявленный разумъ человѣка. Только человѣкъ выразумѣваетъ жизнь природы и самого себя и Творца міра; и словомъ своимъ какъ бы повторительно изрекаетъ творчески положенную жизнь всего созданія. Если же языкъ даже дикарей представляетъ глубину человѣческаго смысла и богатство его оттънковъ въ разумѣніи: значить къ родовой идеѣ «человѣкъ» какъ существо высшее своимъ разумомъ и словомъ,—къ такой идеѣ принадлежать даже народы, стоящіе на самой низкой ступени человѣческой жизни. Даже идіоты не безъ разума и не безъ слова. Гдѣ же тутъ переходъ, какія посредствующія ступени между животнымъ и человѣкомъ? Только предубѣжденіе, погруженное въ исключительное созерцаніе плоти, не видитъ или не хочетъ видѣть въ ея животной темнотѣ—мерцанія Свѣта истиннаго, который есть жизнь человѣку.

Должно же наконецъ помнить еще, что человѣкъ *подчиняетъ* себѣ животный міръ, какъ и растительный міръ, и неорганическій міръ; онъ подчиняетъ своему мышленію даже законы *всего* естественно совершающагося и дѣлаетъ ихъ служителями своимъ цѣлямъ; онъ измѣняетъ видъ земли; онъ украшаетъ природу, но онъ можетъ также и извращать ее.—А что даже и народъ, стоящій на самой низкой ступени развитія, принадлежитъ къ этой родовой идеѣ «человѣкъ», имѣетъ часть въ ея отличительныхъ признакахъ и въ ея завоеваніяхъ, это доказывается человѣческими сношеніями съ людьми, стоящими на самой низкой ступени развитія и нравственности, какъ съ первоначально равноправными личностями *.

* О *Готтентотахъ* путешественникъ Кольбе говоритъ, что они вовсе не ниже большинства людей въ отношеніи къ уметственнымъ способностямъ; что

Такимъ образомъ вѣчно будетъ удерживать полное свое право пониманіе человѣка въ принципѣ съ духовной его стороны. («Вы не гораздо ли лучше ихъ?» Матѳ. 6, 26). Библия такъ и дѣлаетъ: по свойственному ей вѣрному такту, она въ своей исторіи творенія ясно и положительно представляетъ на видъ образъ Божій въ человѣкѣ и господство его надъ землею.

Обратимся къ ученію библейскому. Библия нисколько не преувеличиваетъ достоинства человѣка въ смыслѣ обратномъ тому, въ какомъ матеріализмъ преуменьшаетъ человѣческое достоинство. Что касается естественной стороны, то библейское сказаніе о твореніи ставитъ человѣка непосредственно рядомъ съ міромъ животныхъ. Они произошли въ одинъ и тотъ же 6-й день творенія, слѣдственно относятся къ одной и той же ступени природы; съ организмомъ человѣка не вступаетъ въ природу высшій порядокъ; онъ составляетъ не болѣе какъ завершеніе высшей животной организціи. Весьма замѣчательнъ этотъ способъ представленія Библии, если вспомнить, какую твердь она полагаетъ между растительнымъ и животнымъ міромъ, отдѣляя ихъ другъ отъ друга цѣлымъ днемъ творенія. Выставляя на видъ *особенный* образъ

онъ зналъ многихъ изъ нихъ, совершенно понимавшихъ языки голландскій, французскій и португальскій; что они ежедневно употребляются европейцами въ дѣлахъ, требующихъ разсудка и способности. Такъ Ванъ-деръ-Стель, послѣдній губернаторъ Капской колоніи, употреблялъ готтентота Клооса въ переговорахъ съ весьма отдаленными племенами, и рѣдко этотъ возвращался безъ успѣха въ посольствѣ.—Дѣйствительную силу этихъ случаевъ обыкновенно ослабляютъ, представляя ихъ исключеніями. Положимъ, что это исключенія, но могутъ ли отличительныя свойства одного рода являться, хотя бы въ видѣ исключеній, въ *другомъ* родѣ? Видано ли когда-нибудь такое исключительное событіе, чтобы „на репейникѣ уродились смоквы, или на терновникѣ виноградъ“?—*Катрфазжъ* дѣлаетъ много подобныхъ и даже убѣдительнѣйшихъ указаній относительно *Австралийцевъ*, которыхъ ставятъ ниже даже Готтентотовъ. См. его *Естест. Исторію человека*, въ русскомъ пер., вып. 2, стр. 141—151.

созданія человѣка и приписывая ему *господство* надъ остальною природой, священная книга, не какъ человѣческая, не была введена этимъ въ соблазнъ—соединить въ одинъ день творенія животныхъ суши съ животными моря и воздуха, чтобы такимъ образомъ выгадать для созданія человѣка совершенно отдѣльный цѣлый день. А на первый взглядъ это представило бы прекрасную послѣдовательность: до 3-го дня неорганическій міръ, 3-й день растительное царство, 4-й подготовленіе условій для животнаго міра, 5-й день—цѣлый міръ животныхъ и 6-й человѣческое царство. Даже судя по человѣческой мѣрѣ, въ исторіи творенія мы видимъ большую обдуманность, цѣломудренную сдержанность. И во второй главѣ Бытія, гдѣ повторяемая исторія сотворенія человѣка излагается съ нѣкоторою подробностью—здѣсь даже прямо выставляется на видъ, что *Иегова Богъ создалъ челоѵка изъ персти земной*, слѣдственно—и его материнское нѣдро, равно элементъ его организма та же земля, которая произвела животный міръ. Но не въ ряду животнаго міра произведенъ человѣкъ.—Особеннымъ Творческимъ дѣйствіемъ, чрезвычайнымъ откровеніемъ Бога-Слова вызывается изъ персти земной эта послѣдняя, драгоцѣннѣйшая ея сокровенность: живое тѣло человѣческое,—и пріемлется въ непосредственную близость къ самому Творцу, приближается какъ бы къ самымъ устами Господа, который Своимъ Духомъ вдохновляетъ этотъ перлъ созданія. Только тогда явился собственно *челоѵкъ*. Таковъ смыслъ библейскаго сказанія о челоѵкѣ!

Пусть одно изъ прежнихъ созданій самаго животнаго міра въ своей организаціи представляетъ нѣкоторую аналогію, какъ бы видимо-посредствующую ступень между этимъ міромъ и человѣческимъ организмомъ: но этимъ только показывается глубокая стройность творенія, показывается, что и человѣческій организмъ не виѣ связи съ цѣлымъ твореніемъ, что онъ есть *видъ*, непосредственно возвышающійся надъ извѣстною животною жизнью. Вмѣстѣ же съ этимъ показывается и то,—показывается какъ бы перстомъ самого Творца:

чѣмъ было бы даже чудное устройство живаго человѣческаго тѣла безъ дыханія Духа Божія? Вотъ къ какой истинѣ можно наконецъ возвести грубое утвержденіе матеріализма о происхожденіи человѣка отъ животнаго; или, если угодно, вотъ какой моментъ истины можно указать въ прельщающей лжи матеріалистическаго утвержденія.

Библейское ученіе о твореніи міра и человѣка представляетъ самую строгую выдержанность. Поставляя сотвореніе человѣка на одной и той же ступени съ твореніемъ міра животнаго, Библия однако изображаетъ дѣло такъ, что самому созданію человѣка предшествуетъ *особенное творческое* опредѣленіе о его созданіи. Это—глубочайшая и руководительная мысль къ понятію творенія человѣка. Всѣ живое созданіе дочеловѣческое было дано *сокровенно и въ смѣшеніи* въ самомъ первомъ началѣ, какъ *невидимое и неустроенное*. Творческимъ Словомъ постепенно открывается это сокровенное къ совершенію и запечатлѣвается совершаемое, когда приходитъ часъ откровенія и запечатлѣнія. И такъ—до часа или дня шестаго. Но наконецъ въ этотъ часъ, съ *завершеніемъ* животной жизни *по роду ея*, исторія библейская не говоритъ какъ прежде: *да произведетъ земля человѣка*, — и создалъ Богъ человѣка. Такимъ строемъ сказанія давалась бы мысль о происхожденіи человѣка неотличномъ отъ порожденія міра животнаго. Но нѣтъ, здѣсь сказаніе рѣшительно принимаетъ другой тонъ, чтобы дать понять, что сотворенное *въ началѣ* всѣ исчерпано, что сокровенности его всѣ открыты и совершенія его всѣ запечатлѣны, но—исторія творенія не кончена. Однако—она должна окончиться не какимъ-либо еще расчлененіемъ перваго цѣлаго; но уже паки *единствомъ*, притомъ высшимъ перваго единствомъ, къ произведенію котораго очевидно не довѣдетъ *само въ себѣ* первое начало:—твореніе должно завершиться *единеніемъ* цѣлаго созданія съ самимъ Творцомъ,—сотвореніемъ владыки всей земли. И сказалъ Богъ: *сотворимъ человѣка по образу Нашему и по подобію Нашему, да владычествуютъ они надъ*

всю землю. Въ одномъ изъ болѣе или менѣе сохранившихся древнихъ священныхъ преданій, въ китайскомъ преданіи говорится, что «человѣкъ есть соединеніе неба и земли»; во всей же цѣлости своей обновленное и на всѣ времена охраненное въ Библии священное преданіе говорить о человѣкѣ болѣе: *«онъ есть едино съ самымъ Творцомъ неба и земли»*.

Поелику же человѣкъ долженствовалъ быть единствомъ неба и земли; то животный его организмъ берется изъ той земли, которая уже содѣлана была способною производить *живое существо*. Таково дальнѣйшее ученіе Библии: *«Иегова Богъ создалъ человека изъ персти земной»*. Еслибы твореніе остановилось на семъ только дѣйстви; тогда явилась бы только новая, хотя совершеннѣйшая, *разновидность* жизни земнаго произведенія. Въ *существо* это перстное созданіе не было бы еще человѣческимъ. Такимъ созданіемъ хотѣло бы сдѣлать человѣка лишь перстное мудрованіе.

Но *Иегова Богъ* въ это *отъ земли* созданіе дхнулъ Своимъ Духомъ, *вдунулъ въ лице его дыханіе Своей жизни*, по выраженію подлиннаго текста: «дыханіе жизни,» — и *одушевленный сталъ человекъ*. Вотъ когда новое созданіе *запечатлѣно* какъ новый *видъ*, какъ *человѣческое существо* по образу Творца.

Но библейское сказаніе о сотвореніи человѣка, этимъ еще не исчерпывается. Чтò же еще въ немъ открывается?—открывается глубина достойная Божественнаго Откровенія, и безъ его свѣта неизслѣдимая для глаза человѣческаго, и кажется доселѣ неусмотрѣнная понятіемъ. Исторія міротворенія отправляется отъ *единого начала* всей вселенной. Мы старались показать, что это есть основная прямооткрытая мысль сказанія о существѣ творенія. По этой мысли мы пытались обосновать дальнѣйшую, не открытую прямо мысль о единствѣ зачала всѣхъ жизней земли. Теперь сама Библия открыто проводитъ подобную мысль о человѣкѣ до послѣднихъ ея развитій, сказывая прямо, что первосотворенный человѣкъ — *изначала во одномъ лицѣ* представлялъ въ себѣ *цѣлость* будущаго порожденія, какъ *сокровенную и еще со-*

статную цѣлость—*единство мужа и жены*. Человѣкъ творится въ единствѣ лица, сокровенно совмѣщающѣмъ будущихъ мужа и жену. Этотъ библейскій взглядъ рѣшительно указываетъ, что человѣкъ образуется не въ общемъ процессѣ жизни животной, но *по завершеніи* онаго такъ, что съ человѣкомъ является *въ началѣ самостоятельный видъ* жизни въ мірѣ. Это библейское откровеніе о человѣкѣ можетъ руководить естествознаніе къ предположенію, что и *начало* собственно животной жизни было въ такомъ же смыслѣ *единое*, сокровенно совмѣщавшее *въ себѣ* позднѣйшіе полы. Различіе половъ или *половинъ* до сихъ поръ не постигнуто понятіемъ. Но это ми-моходомъ. Пусть естествознаніе усмотритъ и оцѣнитъ глубину библейскаго твердаго указанія единства перваго чело-вѣка, къ изясненію *генесиса* чело-вѣка. Библия открыто го-воритъ, что этотъ *первый* чело-вѣкъ нѣкоторое время жилъ и дѣйствовалъ *единолично* въ этомъ своемъ существѣ, но не какъ какое-либо животное,—жилъ же и дѣйствовалъ въ обра-зѣ Богочеловѣческаго достоинства. Такимъ единымъ во всемъ мірѣ чело-вѣкомъ онъ былъ поставленъ въ богонасажденномъ Едемѣ; такимъ получилъ заповѣдь о дальнѣйшемъ воздѣланіи и храненіи Едема, а также и высшую руководящую запо-вѣдь о своихъ отношеніяхъ къ Творцу; такому наконецъ ему дано было владычественно обозрѣть міръ своего господства и *своимъ словомъ*, какъ бы воспроизведеніемъ творческаго глагола, *изречь*, наименовать существо созданій, и—этимъ пу-темъ первѣе придти къ *самосознанію*, сознать свою несрав-нимую особенность между всѣми созданіями: *и нарекъ чело-вѣкъ имена всему скоту, и птицамъ небеснымъ, и зѣрямъ по-левымъ; но для чело-вѣка не нашлось помощи приличной ему*.

Но это послѣднее чувство своего одиночества въ мірѣ озна-чаетъ ли однако то, что природа этого перваго чело-вѣка *сама* произвела въ себѣ первое стремленіе чувства, сама явила *самочувствіе* развитія отъ видимаго единства къ положен-ному въ немъ,—*сокровенно и совмѣстно* положенному въ немъ разнообразію жизни? Другими словами: первый чело-вѣкъ самъ

ли своимъ словомъ открылъ въ себѣ сокровенный въ немъ творчески союзъ жизней? Нѣтъ, и здѣсь *изрекаетъ*, творить глаголѣ творческій,—Словомъ Божиимъ вызывается первый свѣтъ человѣческаго самосознанія о глубинѣ еще сокровеннаго его существа. Предварительно обозрѣнію міра человѣкомъ, въ часъ перваго Едемскаго законодательства, *сказалъ Іегова Богъ: не хорошо быть человѣку одному; сдѣлаю ему помощь приличную ему.*

«Не хорошо быть человѣку одному». Итакъ начальное единство человѣка, *зачало* человѣка, какъ и *начало* міра, было *бытіемъ не вседовлѣющимъ въ себя*; слѣдственно ему предстояло раскрытіе и *совершенство творческое*, по основной мысли библейской и по строгому общему мышленію. Но какъ совершилось это раскрытіе? — Библия говоритъ: *и навлелъ Іегова Богъ на человѣка крѣпкій сонъ.* Итакъ величайшее дѣло совершается въ тайнѣ отъ человѣка. Библия впрочемъ отчасти приподнимаетъ завѣсу тайны и открываетъ: *и когда человекъ уснулъ, Іегова Богъ взялъ одно изъ ребръ его, и закрылъ то мѣсто плотию; и создалъ Іегова Богъ изъ ребра взятаго у человѣка жену и привелъ ее къ человеку.* Итакъ 1) жена взята отъ ребра мужа. Это откровеніе о происхожденіи жены постижимо ли для понятія? что здѣсь образъ и что — образуемое? Въ отвѣтъ довольно вспомнить евангельское слово о второмъ Адамѣ, почивающемъ сномъ смертнымъ на крестѣ и отъ Своего ребра въ сіе время *покоя* источающемъ новую жизнь человѣчеству: *единъ отъ воинъ копіемъ ребра его прободѣ, и абіе изыде кровь и вода...* 2) Жена, Ева—*матерь всѣхъ живущихъ*—приводится въ Едемъ къ Адаму, возставшему отъ крѣпкаго сна. Откуда приводится? На что указываетъ это различіе мѣста, гдѣ совершилось созданіе жены?—Въ отвѣтъ довольно *видѣть* это мѣстное различіе, наводящее на мысль, что начало или сѣмя жизни жены было взято отъ Адама въ Едемѣ, а совершеніе сего начала создано внѣ Едема (ибо и Адамъ созданъ внѣ). А сія мысль не указываетъ ли, что и созданіе жены имѣло свою *исторію* творе-

нія? Наконецъ и здѣсь, освѣщая Ветхій Заветъ Новымъ, со словомъ Бытія развѣ еще сопоставить другое евангельское слово о пришествіи жены ко гробу Воскресшаго, какъ представительницы новаго святаго рода, *церкви*? (Іоан. XX, 1—19. Снеси Ефес. V, 23—32)?—Какъ бы то ни было, въ библейскомъ сказаніи, достигается ли и въ какую мѣру достигается его смыслъ нашимъ понятіемъ, — въ библейскомъ сказаніи изображается своего рода генесисъ отъ перваго начала *единого* человѣка, идущій чрезъ раздѣленіе начальной совокупности и оканчивающійся совершеніемъ раздѣленныхъ! — И привелъ Богъ жену къ человѣку; *тогда* *человѣкъ* сказалъ: *вотъ это кость отъ костей моихъ и плоть отъ плоти моя; она будетъ называться женою, ибо взята изъ мужа. Потому—прильпится* *человѣкъ къ женѣ* *своей* *и будутъ два одна плоть*. Такъ первое единство, раздѣленное физически, восстанавливается какъ единство нравственное, и становится залогомъ и нравственнаго и физическаго *единства* для цѣлаго рода.

Такова величественная исторія творенія человѣка, по Библіи. Не отрицаемъ и космогоніи въ этой исторіи уже потому, что это есть *исторія*, изображаемая таковою въ Откровеніи, имѣющая свои особенныя ступени, подобныя ступенямъ въ цѣлой исторіи мірозданія. Если намъ не дано изобразить, въ какихъ именно природныхъ явленіяхъ раскрывался этотъ природный генесисъ, по сказанному: *вышихъ себе не ищи и крѣпльшихъ себе не испытуй, нѣсть бо ти потреба въ тайныхъ*; тѣмъ не менѣе нельзя пренебрегать тѣмъ, что дано и какъ бы *повелѣнно* разумѣть: *яже ти повелѣнная сія разумѣвай*. Не напрасно дано было *жить* нѣкоторое время *единому* человѣку съ первою сокровенностію въ немъ будущихъ мужа и жены. Эта его жизнь, ея стремленія, *какія*—сказать не можемъ, но каковы ни были бы, онѣ были стремленія самой жизни данной, слѣдственно стремленія *природной жизнедѣятельности* послѣ перваго Божія откровенія ея и до часа новаго твор-

ческаго дѣйствія. Не напрасно дано было сему человѣку и *уснуть сномъ крѣпкимъ* какъ смерть; и это есть естественная *жизнедѣятельность*, управляющая, возвращающая, утверждающая; чтò, быть-можетъ, особенно было потребно для самоутвержденія уже раздѣленнаго единства, для самоутвержденія новаго человѣка, имѣвшаго возстать къ жизни новой. Но чтò уже не гадательно и непререкаемо, — *потому* не отрицаемъ космогоніи въ исторіи творенія человѣка, что все творчество и весь космогенесисъ въ цѣлой шестидневной исторіи, какъ мы уже выше изъяснили, былъ исторіей стремившейся къ человѣку; въ цѣлый міръ постепенно предварительно виѣдрялось человѣческое, какъ въ ней господственное; ибо уже изначала *Духъ Божій*, почившій наконецъ на человѣгѣ, *наитѣвовалъ* первосотворенной *земли*; ибо постепенно *земля* творчески призывалась къ произведенію и производила живыя созданія болѣе и болѣе совершенныя, болѣе и болѣе уже приближающіяся къ строенію и облику человѣческому; ибо наконецъ изъ этой *земли усовершенствовавшейся* взята Творцомъ *персть*, какъ сѣмя тѣлесной жизни человѣческой! Не довольно ли сего для познанія естественнаго, которое по указанію Откровенія можетъ дальше направить свои изысканія и исправить свои уклоненія отъ истины?

Однако, усматривая естественное теченіе въ исторіи творенія человѣка, по откровенію Библии, мы тѣмъ болѣе, вопреки уклоненіямъ крайнихъ взглядовъ въ ученіи о человѣгѣ, — должны устремлять взоръ къ важнѣйшему въ этой исторіи, первенствующему творческому дѣйствію, которое указывается преимущественно. Въ самомъ началѣ нашей апологіи творенія по Библии, мы поставили на видъ, что Божественное Откровеніе не имѣетъ цѣлю учить насъ *естественному* знанію; что Божественное вдохновеніе не переносило священнаго писателя, провозвѣстника вѣры въ будущія области человѣческой науки: тѣмъ не менѣе апологія показала, что нельзя представлять слово Писанія когда-либо стоящимъ ниже этой области, ибо оно стоитъ на безмѣрной высотѣ

цѣлаго вѣдѣнія Духомъ истины, которое для насъ есть *видѣніе върою* въ эту истину. Насколько можно было доказать это естественному познанію, мы видѣли, и повторяемъ: не довольно ли сего для естественнаго познанія по отношенію къ предмету его вѣдѣнія о мірѣ и человѣкѣ? Но если оно хочетъ расширить кругъ зрѣнія относительно послѣдняго, то библейское Откровеніе можетъ повести далеко и научное познаніе, открывая безмѣрные горизонты для *цѣлаго* вѣдѣнія, для вѣры.

И сотворилъ Богъ человека по образу Своему, по образу Божію сотворилъ его.—Человѣкъ есть не только высшее существо природы, но дитя Божіе, поставленное въ видимомъ мірѣ какъ сынъ въ домѣ своего Отца, *Творца видимымъ вѣсмъ и невидимымъ.*—Сотворенный по образу Божію предназначенъ еще къ *подобію Божію*. Какъ опредѣлительно слово Писанія! Въ Божественномъ совѣтѣ о человѣкѣ сказано: «сотворимъ человѣка по образу Нашему и по подобію Нашему». Въ словѣ же о совершеніи созданія сказано только: «и сотворилъ Богъ человѣка *по образу Своему*», и для усиленія сего единственнаго реченія повторяется—*по образу Божію сотворилъ его*. Слѣдственно подобіе Божіе есть предназначеніе будущаго для природы человѣка, — будущій *генесисъ* для продолженія дѣлъ творчества самимъ человѣкомъ, — будущее *самовоздѣланіе*. Какое?—Въ сотвореніи по слову Библіи: *человѣкъ сталъ одушевленъ*. Но первообразъ его—*Богъ есть Духъ*. Итакъ *душевный* человѣкъ долженъ содѣлаться *духовнымъ*. Таковъ предстоящій человѣку *генесисъ* и не только духовный, но и *тѣлесный*. Ибо если *въ началѣ* вдохнутая душа просвѣтила животную тьму перстнаго тѣла и содѣлала оное *душевнымъ* тѣломъ; то *тѣло* душевное *въ концѣ* должно предложиться въ *духовное* Духомъ животворящимъ. Итакъ *весь* человѣкъ не можетъ, не долженъ быть понимаемъ только какъ *настоящій* человѣкъ, — наше настоящее есть только моментъ въ нашемъ существѣ, — оно не стоитъ какъ законченное, оно такъ сказать въ *ураженіи*, въ процессѣ исторіи

дальнѣйшаго творенія. Притомъ *настоящее* человѣка, отъ начала отступившее съ пути подлежащаго *назадъ*, со степени *душевнаго* человѣка къ степени *перстнаго*, представляетъ еще особенное *историческое* явленіе или состояніе. Такъ усложняется дальнѣйшій *генесисъ*, тѣмъ не менѣе однако, долженствующій придти къ послѣдней цѣли, къ человѣку *духовному*. — Но здѣсь не только продолжающійся генесисъ человѣка, но и дальнѣйшій генесисъ всего творенія (*χρυσόμορφωσις*). Какъ отъ *начала* исторія творенія стремилась къ человѣку, къ произведенію его строенія и самаго облика: такъ послѣ *стремленіемъ* дальнѣйшаго движенія жизни человѣка обратно устремляется сама тварь къ чаянію своего будущаго, сама тварь *воздыхаетъ чающе*; и не напрасно, ибо и она будетъ приведена *въ свободу чадъ Божіихъ*. Такъ что въ концѣ *исторіи пакибытія*, все — и *небо и земля* должны ново-твориться, сдѣлаться *новымъ небомъ и новою землею, въ ней же правда живетъ*. Таковы горизонты Библии!—До этихъ высотъ Откровенія о человѣкѣ естественное познаніе чуждается и касаться; между тѣмъ съ этихъ высотъ проливается свѣтъ и для естествознанія на другіе еще его вопросы о человѣкѣ.

О твореніи человѣка въ единой четѣ, или во многихъ, и въ связи съ этимъ—о твореніи человѣка въ библейскій моментъ, или въ палеонтологическое время вотъ эти вопросы естествознанія, которыхъ обойти не можемъ, чтобъ не умалить истины Откровенія.

IX.

ИЗСЛѢДОВАНИЕ БИБЛЕЙСКОЙ ИСТОРИИ ТВОРЕНІЯ ЧЕЛОВѢКА ВЪ СВЯЗИ СЪ ЕСТЕСТВЕННОЮ ИСТОРИЕЮ.

(Продолженіе.)

Ученіе Библии о сотвореніи человѣка въ единой четѣ и о единствѣ цѣлаго рода человѣческаго. — Антропологическія ученія Естествознанія въ ихъ взаимной борьбѣ: моногенизмъ и полигенизмъ. — Особая теорія Агассица. — Предѣлы естественнаго ученія, и дальнѣйшіе горизонты, отрываемые Библейскимъ ученіемъ. — Связь вопроса о единствѣ съ вопросомъ о времени сотворенія человѣка.

Оканчивая предыдущую главу изслѣдованія объ образѣ или способѣ происхожденія человѣка, мы сказали, что съ высотъ Библейскаго о семъ Откровенія посылается свѣтъ естественному познанію въ рѣшеніи и прочихъ его вопросовъ о человѣкѣ. Этимъ, конечно, мы не говоримъ, что естественная наука должна оставить свои пути и средства познанія, и обратиться за нимъ къ Библии*. Но тѣмъ не менѣе мы утверждаемъ, что свѣтъ Откровенія и на этихъ путяхъ можетъ освѣтить покрытое мракомъ неизвѣстности, неразсѣваемымъ доселѣ обычными средствами познанія; что не должно и людямъ науки закрывать глаза въ отношеніи къ этому свѣту, воображая его слабымъ и смутнымъ мерцаніемъ предъ свѣтомъ естественнаго знанія; что такое отношеніе къ великому памятнику Вѣры человѣчества особенно въ вопро-

* См. II гл. этой книги, стр. 31—35.

сахъ о человѣкѣ, есть научный предразсудокъ, своими корнями уходящій въ даль вѣковъ, съ потерей вѣры въ творческую свободу, поклонившихся естественной необходимости, и не желающихъ знать другаго Бога, другаго закона, другой Воли, другаго Разума. Если разсмотрѣть ходъ науки въ прошедшее и нынѣшнее столѣтіе, не трудно убѣдиться, что она получила движеніе и развитіе именно отъ споровъ, касающихся Вѣры и ея памятника—Библии *. Теперь забыты или утаены первоначальныя побужденія; тѣмъ не менѣе современные ученые продолжаютъ битву начатую ихъ предшественниками, хотя борцы уже раздѣлились и одна сторона наконецъ объявляетъ себя за авторитетъ Библии въ нашемъ вопросѣ **.

Начнемъ съ библейскаго ученія о единствѣ человѣка. Библия открываетъ намъ о сотвореніи человѣка не только *въ единой четѣ*, но первоначально—*въ единомъ лицѣ*. Этимъ глубоко обосновывается единство цѣлаго рода человѣческаго.

«Сотворимъ человѣка по образу Нашему, по подобію Нашему»,—вотъ вѣчный корень человѣческаго единства. Во образъ Верховнаго единства единосущной и животворящей Троицы,—сотворенъ человѣкъ въ единомъ *всечеловѣческомъ лицѣ*. — Союзъ того и другаго единства, первообразнаго

* Довольно указать исходный пунктъ науки относительно занимающаго насъ антропологическаго вопроса. Въ 1655 г. протестантъ Ла-Пейеръ, первый напалъ на Библию во имя самой Библии (*Systema theologicum ex praeadamitarum hypothesis*). Затѣмъ слѣдуетъ война, объявленная философами XVIII вѣка. Къ этому времени относится начало двухъ антропологическихъ школъ, которыя въ новѣйшее время извѣстны подъ именемъ *моногонистовъ* и *полигенистовъ*. Къ наукѣ присоединились страсти (въ американской школѣ).—Примѣчательно поразительное сходство и нерѣдко тождество ученія Пейера съ мнѣніями другихъ, и до послѣдняго времени повторяемыми.

** Катрбажъ: „Современная наука подтвердила вполнѣ мнѣнія Линнея и Бюффона (о единствѣ видоваго типа человѣка) и поставила авторитетъ Библии вѣтъ всякаго сомнѣнія.“—*Ест. Исторія человека*, стр. 8, въ русскомъ переводѣ Суворова. Москва, 1861.

и производнаго, такъ строго проводится въ библейскомъ Откровеніи, что родословіе Сына человѣческаго, изображаемое въ Евангеліи отъ Луки по восходящей линіи, заканчивается словами: «Сынъ Адамовъ, Божій» (Лук. III, 28).— Но самъ Адамъ какъ Божій, будучи въ первоначальномъ сотвореніи единымъ всечеловѣческимъ лицомъ, *отцомъ всего рода*, носилъ въ себѣ жизнь и матери всѣхъ живущихъ, ибо «жена взята изъ мужа своего». Вотъ первая человѣческая чета единая и единственная, *единокровная* и потому нерасторгаемая никакимъ разлученіемъ какъ изъясняется въ евангельскомъ Откровеніи словомъ самого Слова, Которымъ всё было и въ Которомъ жизнь человѣкамъ: *нѣсте ли чли, яко сотворивый искони, мужескій полъ и женскій сотворилъ я естъ* (Мѣ. XIX, 4), *якоже ктому нѣста два, но плоть едина; еже убо Богъ сочета, человекъ да не разлучаетъ* (ст. 6).—Отъ сей-то, наконецъ, изначала единственной и единокровной четы библейское Откровеніе производитъ весь родъ человѣскій, утверждая и за цѣлымъ родомъ имя «рода Божія»: *сотворилъ естъ отъ единыя крове весь языкъ человекъ*, для обитанія по всему лицу земли, назначивъ предопредѣленные времена и предѣлы ихъ обитанія (Дѣян. XVII, 26, 29).

Проводя мысль о первомъ всевмѣщающемъ единствѣ человека, образовавшаго первую единую чету и послѣдующее единство цѣлаго рода,—проводя эту мысль до послѣднихъ ея предѣловъ, или лучше до безпредѣльности, Откровеніе еще первому человѣку возвѣщаетъ, что и высочайшее спасительное въ человѣчествѣ Рожденіе будетъ *отъ стѣмни жены*; намъ же открываетъ, что это Рожденіе, что сей Сынъ Человѣскій есть надежда глубочайшаго единенія рода человѣческаго въ немъ самомъ и его конечнаго единенія какъ рода Божія съ Богомъ Творцемъ (Быт. III, 15.—Іоан. XVII, 20—23). Таково безпредѣльное человѣческое единство Божія сочетанія, по Откровенію.

Но изображая пути къ этому концу, въ началѣ еще непостижимому, священное Бытописаніе первѣе ведетъ непре-

рывную линію начальнаго единства отъ Адама до Ноя, и отъ Ноя чрезъ его трехъ сыновъ до семейнаго зачала народовъ всего міра (Быт. IV—X). Не лучшее ли это доказательство единства происхожденія всего рода человѣческаго, хотя Откровеніе не имѣетъ въ виду, ничего доказывать; оно просто свидѣтельствуеетъ истину, принимаютъ ли её, или не принимаютъ; принимающіе сами найдутъ доказательства истины. Чтò недоступно ни одному народу,—его семейное начало *, то Откровеніе даётъ о всѣхъ народахъ; и линія, проведенная имъ отъ первой четы къ различнымъ семействамъ всей земли, соединяетъ весь родъ человѣчскій ненарушимымъ родствомъ съ этою первоначальною четою. Такимъ образомъ, несмотря на физическія, умственные, нравственные особенности, которыми отличаются разсѣянные по лицу земли племена человѣческія,—по библейскому Бытописанію всѣ они составляютъ единый родъ, происходящій отъ единого родоначальника.

Здѣсь мы остановимся на изображенныхъ данныхъ библейскихъ и сопоставимъ съ ними антропологическія ученія естествознанія. Мы будемъ говорить, и въ изложеніи и особенно въ критикѣ, по преимуществу устами авторитетовъ науки **, чтобъ не подать повода къ упрекамъ намъ въ некомпетентности, или въ недостаткѣ мудрости, научающей произносить сужденія только въ предѣлахъ своего вѣдѣнія.

Существуютъ двѣ антропологическія школы — *моногенистовъ* и *полигенистовъ*. Одна, несмотря на разнообразіе чело-

* Одиѣ только народъ Еврейскій знаетъ свое семейное начало, но знаетъ потому, что священная книга сохранила ненарушимымъ историческое его преданіе, изначала соблюдаемое вышнимъ Промышленіемъ.

** Нашъ главный источникъ: *Катрфажъ*, уже цитированный, авторитетъ уважаемый естествоиспытателями.—Назовемъ еще апологетическій трактатъ *Геттингера*: „Происхожденіе рода человѣческаго отъ одной четы“, въ его *Apologie des Christenthums*, кн. 2. отд. 1,—отличающійся вышнѣю ученостію и множествомъ цитатъ.

вѣческихъ группъ или племенъ (расъ), утверждаетъ *единство* человеческого *вида*, посему и человеческого рода. Другая, останавливаясь на видимомъ разнообразіи группъ, составляетъ изъ нихъ *столько же различныхъ видовъ* и приписываетъ имъ различное, отдѣльное происхожденіе, разрывая такимъ образомъ единство цѣлаго рода.

Очевидно, моногенистамъ предстоитъ задача *доказательства* единства при разнообразіи, широкая задача научнаго изъясненія множества вопросовъ: *какъ и почему*,—возбуждаемыхъ проблеммою. Полигенистамъ, съ перваго взгляда кажется, нечего и *доказывать*,—ихъ рѣшеніе вопроса очень просто, само описаніе *явленій*, повидимому, отвѣчаетъ на всё; а этихъ явленій не мало,—различіе въ черепахъ группъ и чертахъ лица; въ пропорціяхъ членовъ и костей, въ системѣ или структурѣ волосъ, въ цвѣтѣ кожи и радужной оболочки глаза; это — различія анатомическія, но за ними слѣдуютъ еще фیزیологическія и наконецъ будто даже психологическія. Моногенистъ обреченъ на громадный трудъ изъясненія всѣхъ этихъ являемыхъ различій въ смыслѣ существеннаго единства; полигенисту одинъ трудъ — выходить научно изъ критическихъ положеній, въ какія его ставитъ моногенистъ, преодолюющій трудности вопроса. Въ этомъ смыслѣ Катрфажъ говоритъ: «повидимому нѣтъ ничего проще теоріи полигенистовъ, изъ видимо-различныхъ группъ вывести различные виды какъ отдѣльно происшедшіе; но нужно углубиться въ сущность *явленій* и послѣдствій, которыя теорія влечетъ за собою, чтобъ обнаружилась вся ея неточность для ума непредубѣжденнаго. И дѣйствительно, эта теорія привела бы къ необходимости признать, что законы управляющіе организмъ человеческимъ противорѣчатъ, во многихъ чрезвычайно важныхъ пунктахъ, законамъ, которымъ подчинены всѣ другіе живые организмы. Напротивъ, когда на тѣ группы смотрѣть какъ на происшедшія отъ *одного* первоначальнаго типа, то хотя ихъ различіе сначала покажется одною изъ самыхъ трудныхъ задачъ, но

сравненіе съ растеніями, съ животными, убѣдить, что это фактъ не особый, не единственный въ своемъ родѣ, что мы точно также находимъ его всеобщимъ въ обоихъ органическихъ царствахъ, и что законы обыкновенной физиологіи объясняютъ его. Эти самые законы *и по всѣмъ другимъ пунктамъ* согласны съ ученіемъ моногенистовъ столько же, сколько напротивъ стоятъ въ противорѣчій съ теоріею полигенистовъ».—Изъ этихъ словъ уже видно, что двѣ школы находятся во взаимной борьбѣ. И намъ предстоитъ не помиривать съ Естествознаніемъ, но только наблюдать за ходомъ его внутренней борьбы, и смотрѣть, къ чему она приводитъ, за какою стороною остается послѣднее слово, и какъ оно относится къ слову Откровенія. Но изложеніемъ всѣхъ научныхъ диспутовъ между двумя школами мы напрасно расширили бы рамки нашего изслѣдованія и развлекли бы и утомили читателя такими подробностями, которыя желающій самъ можетъ легко почерпнуть изъ прямого источника *. Мы представимъ сущность обѣихъ теорій и научные результаты, однако такъ, чтобъ читателю былъ ясенъ самый ходъ дѣла. Вопросъ антропологическій въ этомъ пунктѣ слишкомъ важенъ, чтобъ можно было ограничиться общими очерками и разсужденіями, — въ интересъ нашей задачи.

1. Для *моногонизма* предметъ первой важности—установить классификацію и терминологию, чтобъ сужденія имѣли ясную опредѣленность. Для *полигенизма*, напротивъ—удобнѣе движеніе въ неопредѣленности терминовъ. Моногонизмъ признаетъ, кромѣ трехъ царствъ—минеральнаго, растительнаго и животнаго,—особое царство въ природѣ, образуемое *однимъ родомъ человеческимъ*. По Катрфажу, «человѣкъ отличается отъ животнаго совершенно настолько же и на такомъ же основаніи, какъ это послѣднее отличается отъ растенія; человѣкъ одинъ долженъ составлять собою особое царство, *царство человеческое*». Но каждое царство состоитъ изъ

* „Естественная исторія человѣка“, Катрфажа.

многообразныхъ группъ. Антропологическая классификація, въ разнообразіи человѣческихъ группъ видя только *отличія породы* или племени, сводить всѣ группы людей къ одному только *виду*. Итакъ вотъ два термина—*видъ* и *порода*. Между ними установленъ средний—*разновидность*.—Видъ есть нѣчто первоначальное, основное; разновидность есть индивидуальность существъ вида; порода наконецъ есть индивидуальность утвердившаяся, окрѣпшая въ родѣ. Итакъ *порода* производится отъ *вида* и есть только простое видоизмѣненіе первоначальнаго типа.

Утвердивши, на общихъ научныхъ основаніяхъ, эту классификацію и терминологию, Катрфажъ сначала обращается къ самому точному изслѣдованію *породъ* растительнаго и животнаго царства, *видоизмѣненій* въ этихъ породахъ и *свойствъ* этихъ видоизмѣненій; и результатъ своего изслѣдованія сокращаетъ такъ: «изъ фактовъ указанныхъ и изъ множества другихъ подобныхъ вытекаетъ слѣдствіе, что въ животныхъ и растеніяхъ *видъ* можетъ представлять анатомическія и фізіологическія измѣненія; что у животныхъ сверхъ того есть измѣненія психологическія; что всѣ эти измѣненія могутъ дѣлаться наслѣдственными и что тогда они уже становятся отличительными признаками столькихъ же *породъ*. У человѣка точно также находимъ анатомическія, фізіологическія и психологическія различія одной группы отъ другой. На какомъ основаніи допустить, что у него эти различія имѣютъ большее значеніе, чѣмъ во всѣхъ другихъ организованныхъ существахъ; что они здѣсь характеризуютъ уже не *породы*, а *виды*? Очевидно, это значило бы идти на перекоръ всѣмъ правиламъ аналогіи. Итакъ мы считаемъ себя въ правѣ заключить, что означенныя различія между человѣческими группами по *свойству* своему никакимъ образомъ не служатъ къ основанію теоріямъ полигенистовъ».

Но увѣренный въ истинѣ изслѣдователь сдержанно высказываетъ выводы и ведетъ изслѣдованіе далѣе. Онъ еще спрашиваетъ: «по крайней мѣрѣ не могутъ ли эти теоріи

сослаться на *объемъ* измѣненій, обнаруживаемыхъ этими различіями? Но вотъ изслѣдованіе *объема* видоизмѣненій въ животныхъ породахъ и человѣческихъ племенахъ само собою усиливаетъ прежде добытый результатъ. «Пораженные многими различіями, которыя существуютъ между группами или племенами человѣческими, полигенисты пришли къ тому мнѣнію, что нельзя иначе объяснить эти различія, какъ только допустивши существованіе многихъ *видовъ* въ человѣческомъ родѣ. Но внимательное изученіе доказываетъ, что по своему *свойству* эти различія совершенно входятъ въ разрядъ тѣхъ, которыя представляютъ въ себѣ *породы* растительныя и животныя. Сверхъ того, при строгомъ сравненіи оказывается, что, относительно *объема* или *обширности* этихъ различій, животныя породы представляютъ болѣе значительныя во всѣхъ отношеніяхъ измѣненія, чѣмъ самыя далекія между собою племена человѣческія. Еслибы мы хотѣли вывести изъ этихъ фактовъ всѣ законно вытекающія изъ нихъ слѣдствія, то мы были бы въ правѣ заключить, что одни эти факты, сами по себѣ, придають болѣе достовѣрности ученію о единствѣ рода человѣческаго, чѣмъ теоріи противоположной. Но мы здѣсь ограничимся только выводомъ, что для объясненія различія человѣческихъ племенъ нѣтъ нужды прибѣгать къ гипотезѣ о *множественности видовъ*: достаточно *множественности породъ* и *единства вида*. Поэтому доводы полигенистовъ, основанные на различіяхъ, существующихъ между этими племенами, *не имѣютъ никакой силы*».

Показавши, что такое въ дѣйствительности группы называемыя *породами*, теорія старается изслѣдовать *процессъ* образованія ихъ. Такъ какъ между видомъ и породами его стоитъ *разновидность*, то прежде изслѣдуется происхожденіе разновидностей, и прямо—въ животныхъ. Факты, собранные и древними, и новыми наблюдателями, показываютъ, что здѣсь дѣйствуютъ: 1) *наслѣдственность*, зависящая отъ двухъ

различныхъ индивидуальностей—отца и матери, иногда же идущая отъ дѣда и бабуки, и изъ болѣе глубокой дали—отъ прадѣда и прабабуки; 2) *вліяніе среды*. Такими путями, отъ исходнаго вида, чѣмъ дальше простирается нисходящая линия, тѣмъ болѣе отличныя отъ вида могутъ образоваться *разновидности*, которыя потомъ дѣлаются исходнымъ началомъ образованія *породъ*.—Изслѣдуя далѣе условія установленія, отверженія породъ, моногенизмъ воспроизводитъ и подкрѣпляетъ фактами извѣстную теорію Дарвина, по которой къ указаннымъ причинамъ происхожденія разновидностей еще присоединяются *борьба за существованіе* и *естественный подборъ* или выборъ, и въ отношеніи къ домашнимъ животнымъ—*искусственный выборъ*.

Добытое изслѣдованіемъ въ отношеніи къ міру животныхъ прилагается наконецъ къ человѣку. Чтò же здѣсь оказывается?—И въ человѣческомъ родѣ появляются разновидности, подъ вліяніемъ тѣхъ же самыхъ факторовъ, какъ въ мірѣ животномъ, хотя *объемъ* человѣческихъ *различій* меньше *. Иногда эти разности представляютъ весьма значительныя *уклоненія* отъ *нормальнаго* типа, и эти послѣднія, при случайности *разобищенія* ихъ отъ другихъ недѣлимыхъ, способны произвести *породу*, продолжающую свое существованіе; и чѣмъ продолжительнѣе это существованіе въ исторіи, тѣмъ болѣе отвердѣваетъ порода. Таково значеніе давности, древности породъ, группъ или племенъ человѣческихъ. Въ самомъ дѣлѣ, начало и происхожденіе трехъ главныхъ племенъ, *бѣлаго*, *желтаго* и *чернаго*, теряется во мракѣ временъ доисторическихъ **. Итакъ образованіе племенъ въ человѣческомъ родѣ имѣло свой *генезисъ*.

* Факты подтверждающіе этотъ тезисъ—у Катрфажа въ „Ест. Исторіи человѣка“, стр. 182—200.

** „Первый періодъ жизни человѣческой, возсозданный разумомъ, а не рассказанный преданіемъ, называютъ до-историческимъ. Собственно историческій періодъ начинается съ первою повѣстію о судьбѣ отдѣльныхъ народовъ. Большая часть племенъ человѣческихъ молчитъ и только весьма не-

Вотъ та истина, которую вопреки фактамъ аналогическимъ не хотѣтъ признавать полигенисты. По ихъ мнѣнію, различія человѣческихъ группъ суть первоначальныя и столь же постоянныя, неизмѣнныя, какъ *животныя виды*. Но ежедневно умножающіеся факты самымъ яснымъ образомъ обличаютъ всю произвольность такого мнѣнія, показывая измѣненія въ самыхъ племенахъ, силою *среды*. Обозрѣвъ и со всею точностію изслѣдовавъ эти факты, и особенно факты *новаго блага племени (йянки), происшедшаго изъ англійскаго племени*, и, примѣчательнѣйшаго на самой родинѣ, *преобразованія Флевскаго ирландца, Катрфажа* говоритъ: «изъ фактовъ нами изложенныхъ и изъ множества другихъ подобныхъ, какіе можно бы здѣсь привести, ясно слѣдуетъ, что и самое лучшее племя, будучи поставлено въ *неблагопріятныя условія*, теряетъ свои хорошія качества и даже довольно быстро нисходитъ на одну изъ послѣднихъ степеней въ человѣчествѣ. Нужно было меньше двухъ столѣтій, меньше десяти поколѣній, чтобы ирландскій кельтъ превратился нѣкоторымъ образомъ въ австралійца; двухъ съ половиною столѣтій, т.-е. не больше двѣнадцати, тринадцати поколѣній было достаточно, чтобы въ Америкѣ изъ англо-саксонца образовался *йянки*. Послѣ этого можно судить, какое дѣйствіе могли и должны были произвести на человѣка цѣлыя ряды столѣтій, цѣлыя сотни поколѣній, когда первоначальные народы, въ первомъ разселеніи, вступили въ совершенно новую среду, въ такія страны, гдѣ до того времени нераздѣльно господствовали животная и растительная природа и силы физико-химическія». Итакъ не тому нужно удивляться, что между

многія оставили рассказъ о своихъ раннихъ судьбахъ. Эти немногія содержатъ въ себѣ начало опредѣлительнаго знанія и свѣта. Въ ихъ лучахъ живутъ и движутся другіе народы, болѣе или менѣе освѣщенные по мѣрѣ своего большаго или меньшаго разстоянія отъ лучезарныхъ средоточій.—Самый тѣсный, но за то и самый древній свѣтовой кругъ принадлежитъ *семь Израиля*. Ея сказаніями *начинается исторія*“.—Хомяковъ, Записки о всемірной исторіи, 4-й томъ полнаго собр. сочиненій, стр. 1. — Москва 1873.

группами людей, сводимыми къ одному и тому же виду, находятся тѣмъ не менѣе различія; болѣе еще удивительно, что эти различія не столь велики, какъ можно было бы ожидать отъ причинъ, породившихъ отличія.

Полигенисты, признавая племена *видами*, только по этой предпосылкѣ вынуждены разсматривать ихъ какъ первоначальные и неизмѣняемые. Но настаивать на этомъ можно только съ очевиднымъ отрицаніемъ многочисленныхъ въ настоящее время фактовъ, подтверждаемыхъ точными свидѣтельствами и стоящихъ внѣ всякаго сомнѣнія. Факты же эти укрѣпляютъ теорію моногенистовъ. Если до настоящаго времени объ теоріи могли еще кому-либо казаться равно основательными, то нынѣ уже нельзя въ этомъ отношеніи не видѣть серьезной разности между ними. И этотъ контрастъ всё болѣе и болѣе обнаруживается по мѣрѣ того, какъ естественнѣе проникаетъ въ самое *внутреннее содержаніе* явлений антропологическихъ и въ примѣненіе къ нимъ законовъ физиологическихъ.

Уже было указано важное значеніе естественнаго и искусственнаго выбора въ образованіи породъ, но пока только выбора въ предѣлахъ одной и той же породы. Но ботаники и зоологи знаютъ еще смѣшенія *различныхъ породъ* и даже *различныхъ видовъ*. Изслѣдованіе этихъ фактовъ чрезвычайно важно для нашего вопроса, потому что въ отправленіяхъ воспроизведенія *всѣхъ* организованныхъ существъ являются не только общія сходства, но рѣшительное тождество. Изслѣдованіемъ этихъ отправленій у животныхъ и растений прежде всего ясно разграничиваются самыя понятія о *видѣ* и *породѣ* или *племенѣ*, и даются средства точно различить ихъ. Съ приобрѣтеніемъ такой мѣры для сравненія и съ приложеніемъ ея къ человѣку, вопросъ о единствѣ или о множествѣ видовъ человѣка освѣщается уже рѣшительнымъ свѣтомъ.

Въ самомъ дѣлѣ, прежде всего у растений естественное оплодотвореніе *между породами* (de race à race) самое обык-

новенное дѣло. Вѣтеръ, напримѣръ, стряхиваетъ открывшіеся *пыльники*, подхватываетъ плодотворную пыль, которую они роняютъ, и отлагаетъ ее въ *рыльцахъ* другихъ растений, для которыхъ они не предназначались. Или же, насѣкомыя являются пособниками оплодотворенія между различными породами растений. Отыскивая себѣ пищу и проникая до самаго донышка *тычики*, онисами покрываются плодотворною пылью, которую, унося съ собою и перепархивая съ цвѣтка на цвѣтокъ, отлагаютъ или стряхиваютъ съ себя, и возможное оплодотвореніе совершается. Наблюденія показали, что оно совершается между *различными породами* растений съ такою же легкостію, какъ и въ предѣлахъ одной и той же породы *. Точь-въ-точь то же открывается и въ естественной помѣси животныхъ, которая и навела на мысль искусственнаго выбора. Соединеніе *различныхъ породъ* всегда легко и результаты такъ же вѣрны и несомнѣнны, какъ и въ одной той же породѣ.

Совершенно противоположные факты представляются въ случаяхъ смѣшенія между недѣлимыми *различныхъ видовъ*. Общія условія *этого* смѣшенія для видовъ растений, какъ на поляхъ, такъ и въ садахъ, не различаются отъ условій помѣси породъ. Вѣтры также дуютъ, насѣкомыя также порхаютъ. Условія тѣ же, но *слѣдствія* иныя. Въ теченіе болѣе столѣтія, въ исторіи жизни *видовъ* растений, которыхъ множество, которые каждагодно цвѣтутъ повсемѣстно, въ условіяхъ самыхъ благопріятныхъ для *смѣшенія*, открыто всего какихъ-нибудь два десятка случаевъ скрещиванія **. Опять

* Катраажъ рассказываетъ, что г. *Нодэнъ* тщательно прослѣдилъ въ теченіе одного года за развитіемъ болѣе 1,200 тыквъ въ ботаническомъ саду и нашелъ, что изъ сѣмянъ, взятыхъ изъ одного плода, выросли *все* различныя *породы* въ этомъ саду; а извѣстно какъ различны бываютъ тыквы по формѣ, по объему, по качеству и т. д.

** *Декэнъ* говоритъ, что число растительныхъ *ублюдковъ* (такъ называются въ наукѣ смѣшенія между различными видами), основательно дознанныхъ, не превышаетъ двадцати.

то же самое открывается и относительно *различныхъ видовъ животныхъ*. Случаи соединенія рѣдки и сомнительны,—между же *млекопитающими видами* (въ данномъ ихъ состояніи) неизвѣстны. Естественный инстинктъ крѣпко охраняетъ предѣлы *вида*. При искусственномъ выборѣ, для достиженія цѣли, принуждены создавать условія *одурающія* инстинктъ, приводящія его въ изступленіе (отступленіе отъ закона). Притомъ, тогда какъ при помѣсахъ *породъ* свѣжесть и крѣпость одной приходитъ на помощь слабости другой и оживляетъ способность плодородія; при смѣшеніи *видовъ*, эта способность тупѣетъ и скоро замираетъ.

«Таковы общіе результаты, заключаетъ *Кампфахъ*, къ которымъ приводитъ изученіе фактовъ. Уже одни эти результаты могли бы дать средства распознавать, принадлежатъ ли два недѣлимые, болѣе или менѣе различны другъ отъ друга, къ двумъ *породамъ*, къ двумъ *племенамъ* одного и того же вида, или же къ двумъ отдѣльнымъ *видамъ*. Но чтобы этотъ *важный* выводъ сдѣлать еще болѣе очевиднымъ, надлежитъ рассмотреть самыя *продукты* смѣшеній (скрещиваній).

Продукты смѣшеній *породъ* и продукты смѣшеній *видовъ*, плодovиты ли, и одинаково ли плодovиты? Одинаково ли могутъ какъ тѣ, такъ и другіе соединяться между собою такъ, чтобы давать происхожденіе цѣлымъ рядамъ поколѣній, началомъ которыхъ такимъ образомъ была бы *одна чета*?

Рѣшительно *положительный* отвѣтъ получается изъ всѣхъ наблюденій надъ помѣсами только *породъ* и растений, и животныхъ. Ежедневный опытъ, повторяющійся нерѣдко безъ всякаго вмѣшательства чловѣка, доказываетъ, что продукты отъ различныхъ *породъ* плодovиты такъ же, какъ и ихъ родители, что чѣмъ дальше идетъ потомство, тѣмъ тверже крѣпнетъ и устанавливается новая порода. Наши цвѣтники, огороды и плодovые сады представляютъ множество породъ, образовавшихся этимъ путемъ. И здѣсь сдѣлано важное открытіе причины такого дѣйствія: у всѣхъ этихъ новыхъ порожденій—

нормальное равновѣсіе въ органахъ прозябанія и въ цвѣточныхъ аппаратахъ, свидѣтельствующее о цѣлости и неприкосновенности воспроизводительныхъ отправлений. Относительно животныхъ всякому извѣстно и научно прослѣжено и доказано, что у нихъ плодовитость продуктовъ отъ смѣшенія *породъ* еще болѣе обща. Этимъ путемъ рожденій произошло такое множество нѣкоторыхъ животныхъ, что не легко назначать имъ точно мѣсто въ классифиціонныхъ рамкахъ. Итакъ, и у растений, и у животныхъ, отличительнымъ признакомъ *продуктовъ* отъ *различныхъ породъ* служить легкая, непрерывная и безконечная плодовитость.

Но совершенную противоположность съ этимъ фактомъ представляютъ свойства *продуктовъ* отъ *различныхъ видовъ*. Прежде всего дознано, что въ растительныхъ продуктахъ сего рода органы питанія и воспроизведенія не въ равновѣсіи, но первые, служащіе для поддержанія недѣлимаго, напр. стволъ и листья, имѣютъ значительный перевѣсъ надъ послѣдними, служащими для продолженія жизни цѣлаго вида, т.-е. надъ цвѣтками. Слѣдовательно, дознана самая причина, почему *продукты смѣшенія видовъ* или совершенно неплодовиты, или же ихъ плодоношеніе крайне рѣдко, и всегда ограничивается тѣсными предѣлами, сопровождаясь скорымъ совершеннымъ исчезновеніемъ самаго соединенія *.—Что касается фактовъ въ мірѣ животномъ, то и здѣсь *продукты отъ различныхъ видовъ* представляютъ тѣ же свойства, какъ и въ растительномъ мірѣ; вѣроятно, и причина дѣйствія одна и та же **. Птицеводы, которыхъ нынѣ такъ много, несмотря на безпрестанныя попытки, не успѣли еще образовать *ни одной* ублюдковой породы (т.-е. отъ соединенія видовъ), тогда какъ получаютъ *помѣсныхъ* породы (отъ соеди-

* Наблюденія и опыты Кольрейтера, Леккоа и Нодэна, у *Катрфажа*.

** Рудольфъ Вагнеръ, какъ Кольрейтеръ надъ растениями, производилъ опыты надъ птицами, и такимъ образомъ удостовѣряетъ тождественность фактовъ.

ненія различныхъ породъ)—столь часто и легко, какъ только желаютъ. Исторія млекопитающихъ представляетъ факты нѣсколько болѣе сложные. Но со всею точностію изслѣдовавъ всѣ эти факты, общіе и исключительные*, Катрфажъ заключаетъ: «всегда и повсюду мы видѣли, что *помесь* легка и правильно плодовита,—породы *помѣсныхъ* образуются часто, даже противъ воли человѣка; но плодовитость *ублюдковъ*—исключеніе, которое однакоже никакъ не достигаетъ того, чтобы установить собою *породу ублюдовую*. Невозможно указать *двухъ видовъ*, соединившихся другъ съ другомъ такимъ всевозможнымъ смѣшеніемъ крови, какимъ связаны между собою несходныя одна съ другой *породы*. Но послѣ этого смѣшивать *породу* и *видъ*, не допускать, что въ предѣлахъ нынѣшнихъ условій существованія видъ есть нѣчто существенное, основное въ общемъ порядкѣ вещей, значить отказывать опыту и наблюденію во всякомъ авторитетѣ въ наукахъ».

Припомнимъ вопросъ, изслѣдованіе котораго дало этотъ важный для антропологии выводъ. Продукты соединеній между породами и продукты соединеній между видами одинаково ли плодовиты и одинаково ли могутъ давать происхожденіе цѣлымъ рядамъ поколѣній, началомъ которыхъ такимъ образомъ была бы *одна чета*?—Изъ предъидущаго очевидно, что этотъ вопросъ рѣшается въ положительномъ смыслѣ только для *продуктовъ соединеній между породами или племенами*. Посему моногенистъ наукою уполномочивается сказать то, что говоритъ Катрфажъ: «возьмемъ одну какую-либо совокупность животныхъ, болѣе или менѣе сходныхъ между собою, сообщенія которыхъ всегда легкія, всегда плодовитыя, даютъ происхож-

* Относительно лошака и такъ-называемыхъ *овцекозъ*. Изъ изслѣдованія этихъ явленій выведенъ законъ, общій и растительному и животному царству,—законъ *возвращенія*, который не позволяетъ продуктамъ отъ различныхъ видовъ, или *ублюдкамъ* установиться въ особую породу, но заставляетъ ихъ ряды, какъ растительные, такъ и животные *возвращаться* и опять поступать въ тотъ или другой изъ двухъ видовъ, давшихъ имъ происхожденіе.

деніе *помыслимъ*; перенесемъ мысленно къ началу этой совокупности сходныхъ существъ:—мы увидимъ, что она распадается на нѣсколько семействъ, изъ которыхъ каждое произошло отъ одного отца и одной матери;—съ каждымъ поколѣніемъ, восходя далѣе, мы увидимъ, что число этихъ семействъ уменьшается;—такимъ образомъ *наконецъ* мы дойдемъ до того, что найдемъ исходную точку въ одной—*единичной первоначальной парѣ*.—Существовала ли въ дѣйствительности эта чета, или же было вначалѣ много совершенно сходныхъ паръ?—это уже *вопросъ фактический*, котораго не должна касаться наука, потому что ни наблюденіе, ни опыты не могутъ представить ей въ этомъ отношеніи никакихъ данныхъ. Всѣ, что она можетъ утверждать, состоитъ въ слѣдующемъ: вещи существуютъ въ мірѣ такъ, *какъ будто бы* каждый видъ начался одной—единичной парой». Таковъ осторожный выводъ знаменитаго естествоиспытателя! Осторожность этого вывода еще и въ томъ, что въ него еще не вводится заключеніе, касающееся законовъ происхожденія *человѣческихъ племенъ*.

Но можно ли *точно такъ же* заключать къ человѣку на основаніи законовъ воспроизведенія жизни растений и животныхъ?—Въ животномъ и человѣческомъ царствѣ всѣ элементы воспроизведенія одинаковы. Слѣдственно, если группы человѣческія составляютъ собою различные *виды*, то въ ихъ соединеніяхъ и въ продуктахъ этихъ соединеній должны открываться явленія такъ-называемаго *ублюдчества* въ царствѣ животныхъ видовъ; если же онѣ суть только *породы* или *племена одного и того же вида*, то въ нихъ должны быть общія явленія *помеси*.

Вездѣ ли и всегда ли легки соединенія между людьми, принадлежащими къ различнымъ группамъ? Всегда ли и вездѣ ли эти соединенія плодovиты?—Въ отвѣтъ довольно указать на то, что происходитъ между двумя крайними членами группъ, между негромъ и бѣлымъ. Сообщенія между ними

легки и всегда плодовиты. Вездѣ, гдѣ только бываютъ въ соприкосновеніи негры и бѣлые, отъ нихъ рождается и развивается *мулатское* народонаселеніе, вмѣщающее въ себѣ всѣ переходные оттѣнки *, точь-въ-точь какъ въ *породахъ* животныхъ и растительныхъ.

Но вопросъ важнѣйшій, для рѣшительнаго заключенія: сохраняется ли плодовитость въ дѣтяхъ, происходящихъ отъ этихъ соединеній и далеко ли она простирается въ дальнѣйшемъ потомствѣ?—Въ средней и южной Америкѣ очутились рядомъ другъ съ другомъ и представители бѣлой группы и представители черной, и наконецъ представители третьяго типа, различнаго отъ двухъ предыдущихъ, но никакъ не средняго или посредствующаго между ними; это—три совѣмъ отдѣльные *вида*, говорятъ полигенисты. И что же? На предложенный вопросъ, — по отношенію къ этимъ тремъ группамъ, имѣется отвѣтъ, по словамъ Катрфажа, не отъ одного какого-либо ученаго, натуралиста или антрополога; здѣсь отвѣчаютъ сами народонаселенія, сотни разъ скрещенная и *всегда* плодовитыя, на *всѣхъ степеняхъ* безпредѣльнаго соединенія. Вотъ великій руководитель къ истинѣ, опытъ совершающійся непрерывно въ теченіи трехъ вѣковъ, на пространствахъ многихъ тысячъ квадратныхъ миль, между мил-

* Наглядное изъясненіе этихъ переходовъ представлено у *Проспера-Люка* въ разсказѣ о двухъ мулатскихъ семействахъ. Въ одномъ отецъ былъ негръ, а мать—бѣлая; въ другомъ наоборотъ. Въ обоихъ семействахъ было по трое дѣтей; въ томъ и другомъ—въ первыхъ дѣтяхъ преобладала черная кровь, въ слѣдующихъ — ея вліяніе ослабло, въ послѣдне-рожденныхъ — почти исчезло. Эти явленія наглядно изображаются въ слѣдующей таблицѣ:

Отецъ черный, мать бѣлая.

Дѣти:

1. Чистокровный негртенокъ.
2. Настоящій мулатъ.
3. Сынъ бѣлый съ пріятными чертами лица, съ свѣтлорусыми, весьма кудрявыми волосами.

Отецъ бѣлый, мать черная.

Дѣти:

- Мулатъ, похожій на негра.
Мулатъ—болѣе брюнетъ, чѣмъ черный.
Дочь бѣлая, пріятной наружности и съ замѣчательнымъ умомъ.

ліонами недѣлимыхъ,—великій опытъ-руководитель къ истинѣ, что названныя три группы суть *три племени одного и того же вида*, а не три отдѣльные вида. Но что истинно относительно этихъ крайнихъ группъ, не можетъ быть инымъ и относительно другихъ. Слѣдовательно, *всѣ человечество*, въ его цѣлости, образуетъ собою *одинъ только видъ*; группы же въ немъ различаемыя суть не что иное, какъ *породы или племена этого вида*.

Таково естественное ученіе *моногонизма*, тщательно обоснованное. Кажется невозможно лучше этого выставить въ свѣтъ авторитетъ библейскаго ученія о *единствѣ человеческого рода*. Но можетъ быть противоположное ученіе полигенистовъ затмѣваетъ этотъ авторитетъ?

2. Насколько крѣпко само въ себѣ ученіе полигенизма, это частію открывалось уже и на пути изслѣдованій моногонизма. Но разумѣется, на этомъ пути невозможно было анализировать всѣ подробности ученія противнаго. Итакъ, въ интересѣ всесторонняго изслѣдованія нашего вопроса, должно рассмотреть и ученіе *полигенизма*, утверждающаго *неизмѣнность* человѣческихъ расъ какъ *многихъ видовъ*.

Изъ предъидущаго ясно, какъ важно въ антропологическомъ вопросѣ точное опредѣленіе идей *вида* и *породы* или *племени*. Но полигенисты, не принимая указаннаго опредѣленія вида *, сами не даютъ своего опредѣленія, и даже не говорятъ о породѣ или племени. Многіе изъ нихъ просто смѣшиваютъ оба эти понятія, говоря: *множественность* первоначальныхъ *племенъ* или, что то же, *множественность видовъ* въ человѣческомъ родѣ... Другіе рѣшительно объявляютъ, что слова *видъ*, *порода* или *племя* и *разновидность* не

* „Такъ понимаютъ видъ, такъ понимаютъ породу, не одна какая-нибудь изъ школъ, на которыя дѣлятся натуралисты, но всѣ школы; потому что, какъ ни значительны ихъ разногласія касательно происхожденія и первоначальныхъ фазъ существованія видовъ, это не мѣшаетъ однако всѣмъ имъ сходиться между собою въ различеніи и разграниченіи вида и породы“. Исидоръ Жоффруа.

имѣють въ ихъ глазахъ никакого значенія, что они понятны и безъ всякаго опредѣленія. Противъ этой слишкомъ очевидной нераціональности, ведущей чрезъ смѣшеніе именъ къ смѣшенію предметовъ и запутанности понятій о нихъ, американскіе полигенисты стали различать *виды видовъ* (сорты видовъ): виды отдаленные, между которыми никогда не производится *ублюдковъ*; виды сообщимые, которые при соединеніи могутъ воспроизводить, но которыхъ продукты остаются неплодовитыми; наконецъ виды смежные или сосѣдственные, которые производятъ порожденія плодовитыя. Къ этимъ тремъ сортамъ видовъ, иные еще прибавляютъ *группу*, и опредѣляютъ её слѣдующимъ образомъ: «подъ этимъ словомъ мы понимаемъ всѣ тѣ смежные *породы* или *виды*, которые *чрезвычайно* сходны между собою по ихъ типу». Очевидно, эта *группа* полигенистовъ американскихъ есть то самое, что всѣ естествоиспытатели Европы называютъ *породою* или *племенемъ*.—Кромѣ смѣшенія основныхъ понятій вопроса, противники моногенизма отвергаютъ еще, наперекоръ всякому опыту и въ противность той самой философской школѣ въ естествознаніи, съ которою они обыкновенно стараются сблизаться, и имена корифеевъ которой—Ламарка и Жоффруа Сентъ-Илера произносятся ими не иначе, какъ съ уваженіемъ,—въ противность всѣмъ естествоиспытателямъ и своей школѣ отвергаютъ *дѣйствія среды*, вліяніе вѣшняго міра на измѣненіе первоначальной формы, даже цвѣта, стараясь умалять самые очевидные результаты этого вліянія. Понятно, что при такихъ *предположеніяхъ* открывается возможность для безконечнаго спора, для превращенія смысла фактовъ, для выставленія даже такихъ явленій противъ моногенизма, которыя собственно служатъ ему опорою. Но какъ бы то ни было, посмотримъ, что говорятъ полигенисты противъ моногенистовъ?

Не входя сами въ опредѣленіе понятій *вида* и *породы* или *племени*, отрицая даже всякое различіе между этими поня-

тіями и упрекая противниковъ, или въ томъ, будто они различаютъ напрасно, или же въ томъ, будто ихъ различіе неопредѣленно,—тѣмъ не менѣе сами полигенисты подъ руководствомъ различія фактовъ увидѣли себя въ необходимости установить разныя *категоріи видовъ*. Значить въ *дѣйствительности* не всё только *виды*, и характеризуя её нельзя обойтись съ однимъ словомъ *видъ*; то, что естествоиспытатели, строго слѣдуя дѣйствительности, охарактеризовали какъ *разновидности*, *породы* и *виды*, вынудило полигенистовъ къ измышленію *категорій видовъ*. Но чѣмъ же они различаютъ эти категоріи? *Тѣми же самыми* признаками, какими различаются *породы* и *виды* у моногенистовъ,—это различныя союзы и различная ихъ плодовитость. Эти уже приемы полигенистовъ служатъ лучшимъ отвѣтомъ на ихъ общія возраженія и показываютъ, какъ вѣренъ, неизбѣженъ, единствененъ путь моногенистовъ. Эти же самыя приемы показываютъ, какъ однако стараются *замѣшать* этотъ истинный путь смѣшеніемъ терминовъ. Смѣшивая породу и видъ, называя ихъ разными категоріями вида,—стараются далѣе смѣшать и отличительныя ихъ признаки, называя всё союзныя продукты мнимыхъ видовъ *ублюдочествомъ*, и избѣгая термина *помесь*. Но несмотря на всю эту логическую путаницу, не очевидно ли, что тѣ категоріи видовъ *въ ихъ союзахъ* *, къ которымъ справедливо приложить названіе *ублюдочества*, суть дѣйствительно виды? Поэтому всё, что здѣсь говорится акибы противъ моногенизма, рѣшительно не затрагиваетъ его. Между тѣмъ тѣ послѣднія категоріи видовъ ** *въ ихъ союзахъ*, къ продуктамъ которыхъ слѣдовало бы приложить названіе собственно *помеси*, суть очевидно то самое, что моногенисты, вмѣстѣ со всѣми естествоиспытателями,

* Союзы—или вовсе непродуцируемые (первая категорія), или—которые *ублюдки* остаются непродуцируемыми (вторая категорія).

** По Мортону: виды *сосѣдственныя*, которые при союзахъ производятъ потомковъ плодовитыхъ; и—по Нотту, еще *сосѣдственнѣйшія*, при союзахъ дающіе безконечно плодовитые продукты.

называютъ *породами или племенами*. «Это до такой степени справедливо», говоритъ Катрфажъ, «что авторы категорій видовъ, желая привести примѣры тѣхъ видовъ, у которыхъ наблюденіе открываетъ такое ублюдочество, не находятъ подъ рукою другихъ группъ, кромѣ тѣхъ самыхъ, на которыя мы столько разъ указали, какъ на группы, представляющія явленія помѣси, именно группы домашнихъ животныхъ и самого человѣка. Такъ, даже не подозрѣвая того, доходятъ до понятія породы и принуждены разсматривать группы человѣческія *въ смыслъ* породъ или племенъ, хотя упорно называютъ оныя категоріями вида, всячески остерегаясь употреблять слова *порода и помѣсь*».—Само собою разумѣется, что полигенисты не сознаются въ сбивчивости словесныхъ выраженій, и потому продолжаютъ споръ, тѣмъ удобнѣе, что въ этомъ спорѣ уже откидываются или забываются свои же *категоріи* видовъ и *степени* ублюдочества. Пока дѣло идетъ о животныхъ, спорщики только преувеличиваютъ, касательно плодovitости, значеніе фактовъ, которые впрочемъ допустимы со стороны самыхъ строгихъ моногенистовъ *. Напротивъ, когда рѣчь идетъ о человѣкѣ, то всѣми силами стараются внушить, что между нѣкоторыми группами людей болѣе или менѣе плодovitыя сообщенія затруднительны, и что дѣти отъ подобныхъ союзовъ не продолжаютъ поколѣній.

Понятно, къ чему должно вести такое доказательство. Затруднительность сообщеній и бесплодность продуктовъ суть признаки *видовъ*. Понятно также, что тутъ доказательство должно быть *фактическое*. Какіе же факты доставляютъ полигенизму такое доказательство? Въ *какихъ* именно группахъ людей сообщенія затруднительны, и отъ *какихъ* союзовъ порожденія безпотомственны?—Факты эти—или *мнимые*, или же имѣютъ совсѣмъ *другое значеніе*, чѣмъ какое придаютъ имъ полигенисты. Къ первому роду относятся сказанія о европейцахъ будто бесплодно соединяющихся съ австралій-

* По свидѣтельству Катрфажа.

цами, ко второму же—указанія на Южную Каролину *, гдѣ замѣчается малоплодность мулатовъ. Разсмотрѣвши эти всѣ факты, показавши *мнимость* однихъ и настоящее значеніе другихъ **, Катрфажъ, въ интересъ полигенистовъ, вновь ставитъ болѣе крупный и рѣшительный вопросъ: образуются ли между человѣческими группами помѣстные племена? По теоріи полигенизма, *такимъ племенамъ* быть не надлежало бы; и теорія смѣло толкуетъ, что такихъ племенъ быть не можетъ.

Мы знаемъ уже отвѣтъ на этотъ вопросъ—въ грандіозномъ фактѣ плодотворнаго смѣшенія трехъ человѣческихъ группъ, на пространствѣ многихъ тысячъ квадратныхъ миль, въ продолженіи трехъ вѣковъ, между миллионами недѣлимыхъ. Но полигенисты стараются ослабить значеніе этого факта; конечно, они признаютъ, что въ Америкѣ есть метисы, но, по ихъ мнѣнію, эти метисы обязаны своимъ происхожденіемъ единственно непосредственнымъ скрещиваньямъ. Они исчезнутъ, какъ только бѣлый, черный и красный человѣкъ перестанутъ соединяться между собою.

Предсказанія, конечно, возможны и въ наукѣ, на основаніи нѣкоторыхъ данныхъ. Астрономія предсказываетъ точнѣе всѣхъ наукъ. Можетъ дѣлать подобныя попытки и исторія. Но полигенисты здѣсь предсказываютъ не по даннымъ науки, а какъ бы пиѳически. Данные же могутъ быть почерпнуты изъ *Статистики*, которую можно уподобить астрономіи въ смыслѣ вѣдѣнія закономерныхъ, *числомъ* измѣряемыхъ теченій жизни человѣческой. Но эти данные показываютъ, что отъ начала смѣшенія племенъ на американ-

* Ранѣе полигенисты (Ноттъ) указывали вообще на Южные Штаты Американскаго Союза, на малоплодность здѣсь мулатовъ (дѣтей отъ негровъ и европейцевъ), какъ на *неоспоримое* доказательство, что негръ и европеецъ—*два вида*. Потомъ уже ограничились лишь Южной Королиной, гдѣ это явленіе и объясняется не тѣмъ, разумѣется, что тутъ *два вида*, а особенностями *среды*,—совершенно согласно съ ученіями моногенизма.

** Ест. Ист., стр. 273—283.

скомъ материкѣ, не болѣе какъ въ продолженіе трехъ съ половиною столѣтій, образовалось уже *болѣе пятой части* населенія изъ смѣшаннаго племени *. Что же будетъ еще чрезъ три вѣка? Что будетъ еще позже?

Тѣмъ не менѣе полигенисты объявляютъ, что они не знаютъ ни одного примѣра смѣшаннаго человѣческаго племени; что племя среднее между двумя другими можетъ имѣть бытіе только эфемерное; что американскіе метисы—«безпорядочное смѣшеніе крови, совершившееся въ обширномъ масштабѣ, но напрасно ищутъ въ нихъ новаго племени». Что же нужно для убѣжденія ихъ въ противномъ? Ужели нужно, чтобъ американскіе метисы тотчасъ образовали собою племя уже установившееся и опредѣленное? Но это племя уже есть, хотя находится еще въ періодъ своего образованія; притомъ же между этими метисами и тремя родоначальными племенами дѣйствительно совершаются безпрестанныя смѣшенія. Но какъ этому послѣднему нельзя воспрепятствовать, то и замедляется опредѣленное образованіе племени.

Но что не могло еще исполниться на цѣломъ обширномъ континентѣ, между милліонами людей, то уже совершилось въ болѣе ограниченныхъ мѣстностяхъ и общинахъ. *Есть* смѣшанныя племена совершенно установившіяся и распространившіяся на болѣе или менѣе обширномъ пространствѣ,—племена происшедшія отъ соединенія двухъ группъ, которыя большая часть полигенистовъ признаютъ за совершенно различныя, иногда даже за самыя противоположныя виды. Таковы *Кафузосы*, живущіе въ лѣсахъ Тарамы въ Бразиліи, и особенно *Грикасы* Капской земли, въ настоящее время

* Изъ свѣдѣній, относящихся къ 1824 и 1830 годамъ, сообщенныхъ *Причардомъ*, видно, что при общемъ населеніи Мексики, Гватемалы, Колумбіи, Лапаты и Бразиліи въ 16,046,100 человѣкъ, число метисовъ простирается до 3,333,000, т.-е. составляетъ болѣе $\frac{1}{5}$ части. Сверхъ того, собственно въ Мексикѣ число метисовъ равно съ числомъ бѣлыхъ; въ Колумбіи—число метисовъ *превосходитъ* число бѣлыхъ, а въ Гватемалѣ метисовъ *болѣе, чѣмъ вдвое* противъ бѣлыхъ.

составляющіе населеніе отъ 10 до 12 тысячъ человѣкъ,— народъ имѣющій свои собственные, особенные признаки, получившій свое происхожденіе на глазахъ нашихъ современниковъ *.

Полигенисты и здѣсь спорятъ, говоря что населеніе Капской земли, какъ и вездѣ, пополняется прямыми продолжающимися скрещиваніями. Это послѣдняя ширма, за которою теоретики укрываются. Но какъ нарочно есть примѣръ племени, противъ котораго невозможно сдѣлать никакихъ возраженій. Это племя образовалось изъ соединенія двухъ мнимыхъ видовъ—Европейцевъ и Полинезійцевъ на небольшомъ островѣ Питкернѣ, который по своему положенію мало доступенъ для мореходцевъ и лежитъ вдали отъ того морскаго пути, которымъ большею частію ходятъ корабли въ Южномъ морѣ **. Въ присутствіи такого опыта, Мортону и Нотту ничего не остается, какъ только *настоящаго блага и полинезійца* помѣстить въ категорію видовъ *чрезвычайно смежныхъ*. Фактъ не крупный, но, говоритъ Катрфажъ, «во всѣхъ наукахъ обыкновенно кабинетныя наблюденія и опыты въ лабораторіяхъ ведутъ къ пониманію явленій цѣлой природы. Что произошло на Питкернѣ, составляетъ опытъ въ томъ же родѣ».

Такимъ образомъ разсмотрѣніе фактовъ касающихся смѣшенія группъ, фактовъ на которыхъ думаетъ основаться полигенизмъ, предварительно смѣшавши понятія вида и породы или племени,—разсмотрѣніе этихъ фактовъ напротивъ приводитъ къ ученію о *единствѣ вида* и только о *множественности племенъ* въ родѣ человѣческомъ.

Какъ чрезъ смѣшеніе понятій *вида и породы*, полигенизмъ могъ напрасно выставять нѣкоторые факты противъ моногенизма, ему однако не противорѣчащіе; подобнымъ обра-

* *Ест. Ист.*, стр. 287—292.

** *Ест. Ист.*, стр. 293—295.

зомъ *черезъ отрицаніе дѣйствій среды* выставляетъ подобнаго свойства возраженія. Такъ изъ физической исторіи Евреевъ, стараются доказать, что этотъ народъ остался повсюду одинаковъ; *хотя*—цвѣтъ глазъ и цвѣтъ кожи различаетъ сѣверныхъ Евреевъ отъ южныхъ, но *даже черный еврей* въ Кохинѣ (въ Индіи на Малабарскомъ берегу) не сдѣлался совершеннымъ негромъ. Эти: *хотя и даже* сами за себя, или лучше сами противъ себя говорятъ. Первое очевидно констатируетъ фактъ вліянія климатовъ сѣвернаго и южнаго на *неизмѣняемыхъ* Евреевъ; а второе относительно вліянія среды показываетъ не болѣе, какъ то, что ея вліяніе *неисключительное*. Первое стоитъ въ полномъ противорѣчій съ теоріею полигенизма; второе же безъ всякаго затрудненія пріемлется со стороны моногенизма. Всякая новая порода не есть продуктъ простой, но произведеніе *двухъ силъ*—первоначальной породы и вліяющей среды.

Вліянія среды столь неотразимы и очевидны, что нѣкоторые изъ полигенистовъ перестаютъ отвергать ихъ. Но за то въ ихъ глазахъ среда имѣетъ силу будто только *убивающую*. Ибо для доказательства неизмѣнности, несдвигаемости *мнимыхъ* видовъ, такъ требуется. По мнѣнію всей американской школы, каждый видъ людей есть продуктъ мѣстный. Значитъ ни одинъ подобный видъ не можетъ жить въ чужой мѣстности. Чужая среда, *другой климатъ* его убиваютъ, онъ физически и нравственно упадаетъ или вырождается.—Но здѣсь можно опять обратиться къ Статистикѣ противъ діалектики. Кельтская раса переселилась изъ *своего мѣста* въ Канаду, и находясь безпрестанно въ борьбѣ съ *убивающею* средою, размножается; *упадая* или *вырождаясь* служить единственною посредницею между туземцами и англійскими конторами, поддерживаешь въ Квебекѣ и въ Монреалѣ вкусъ къ литературѣ и искусствамъ. Въ теченіе 88 лѣтъ французская раса, несмотря на борьбу, почти *удесятерилось*.—Не касаясь очень сложнаго вопроса объ акклиматизаціи, довольно замѣтить, что Европейецъ благоденствуетъ и размно-

жаются во всякой странѣ, даже въ Капской землѣ и въ Новой Голландіи; но съ другой стороны и на мѣстѣ своего *мнимаго изначальнаго* происхожденія, не выѣзжая не только изъ Европы, но изъ предѣловъ своего отечества, можетъ въ немъ встрѣтить такія мѣстности, гдѣ климатъ можетъ оказаться для него убійственнымъ, хотя для постоянныхъ жителей этой мѣстности онъ не оказывается смертоноснымъ. На этомъ основаніи надлежало бы полагать, что жители каждой мѣстности *составляютъ особый видъ*.

Полигенисты серьёзно приводятся шагъ за шагомъ къ такому заключенію. Вирей первый далъ полигенизму научную форму, но онъ различалъ только *два* вида людей; Бори допустилъ *пятнадцать* видовъ людей; Демулэнъ прибавилъ къ этому *еще* одинъ видъ. Послѣдователи пошли уже гораздо дальше. Мортонъ признаетъ 32 семейства, которыя сами состоятъ изъ множества видовъ. Глиддонъ довелъ эту цифру до 150 семействъ. Наконецъ американскіе полигенисты допустили, что люди сотворены *по націямъ*.—Принципъ полигенизма неизбѣжно ведетъ къ такимъ послѣдствіямъ. Всякій народъ болѣе или менѣе разнится отъ другаго по языку, по своимъ чертамъ, или по цвѣту кожи; значитъ онъ *отдѣльный видъ*. Американецъ Ноксъ прямо говоритъ, что всѣ европейскія племена различаются одни отъ другихъ столь же рѣзко и рѣшительно, какъ Негръ отъ Бошисмена, Кафръ отъ Готтентона и такъ далѣе,—значитъ всѣ они составляютъ *особые виды*. Выводъ странный, но совершенно послѣдовательно выходящій изъ односторонняго начала полигенистовъ. Оставивъ безъ вниманія различіе *породы* и *вида*, отвергая *вліяніе среды*, словомъ—устраняя всѣ понятія *физиологии*, полигенисты устремили всё свое вниманіе и силятся обратить вниманіе другихъ исключительно къ *различіямъ по формѣ*. «Посмотрите, какъ они сходны,—какъ они различны»—вотъ ихъ масштабъ и доказательство своихъ мнѣній, и возраженіе на теорію противоположную. Но такимъ путемъ неизбѣжно дойти наконецъ до абсурда; въ одномъ и

томъ же семействѣ можно встрѣтить такіа несходства, что два брата, или двѣ сестры, по полигенизму, должны принадлежать къ *различнымъ видамъ*.

3. Но есть еще ученіе, особое ученіе въ области нашего вопроса, которое въ нѣкоторомъ смыслѣ занимаетъ какъ бы средину между моногенизмомъ и полигенизмомъ, ученіе возникшее въ Америкѣ, и провозглашенное уже извѣстнымъ намъ натуралистомъ *Агассицемъ* *. Это ученіе признаетъ людей принадлежащими къ одному и тому же, единичному *виду*, но полагаетъ, что этотъ видъ получилъ свое происхожденіе заразъ или послѣдовательно на *нѣсколькихъ пунктахъ* земли, слѣдственно различныя *породы* или *племена* изначала явились уже совершенно образованными, съ ихъ извѣстными отличительными признаками **. Теорія повидимому—примирительная, однако моногенисты съ жаромъ возстаютъ на нее, а полигенисты съ энтузіазмомъ превозносятъ.

Чтобъ понять такое противоположное отношеніе къ этой теоріи, прежде всего надлежитъ знать, что Агассицъ, какъ всѣ полигенисты, не опредѣляетъ точно идей *вида*, *разновидности* и *породы* или *племена*. Для него *видъ* есть лишь «послѣдній предѣлъ классификаціи», *условная* группа, основанная на легкихъ морфологическихъ отличіяхъ, или просто *форма* органической жизни. Изъ опредѣленія вида онъ далѣе устраняетъ всякое понятіе о воспроизводеніи, отвергаетъ идею о *филиаціи существъ* и съ тѣмъ вмѣстѣ завѣдомо смѣшиваетъ продукты видовъ и породъ. Въ этомъ онъ ничѣмъ

* *Agassiz*, Sketsch of the natural provinces of the animal world and their relation tot he differend types of man. Къ сочиненію приложена карта зоологическихъ областей и иконографическая таблица главныхъ животныхъ и растительныхъ видовъ и человѣческихъ племенъ.

** Мы указали, также въ примѣчаніи, что начало антропологическому спору положено протестантомъ Ла-Перейромъ. Теперь конецъ сходится съ началомъ. Новая доктрина въ дѣйствительности есть ученіе Перейра (1665 г.), только построена при новыхъ научныхъ средствахъ. Уже Перейръ говорилъ, что язычники сотворены особо, и Еврейскій народъ особо, и что Библія рассказываетъ собственно только о послѣднемъ твореніи.

не отличается отъ полигенистовъ, и естественно превозносится отъ нихъ; но за то доводы моногенезма въ этомъ пунктѣ, противъ полигенистовъ, сильны и противъ Агассица.

Особенность теоріи Агассица та, что она основана на *зоологической географіи*. Всѣ новѣйшіе зоологи принимаютъ ученіе о *центрахъ творенія* животныхъ видовъ, т.-е. что животные виды получили свое происхожденіе не всѣ на одномъ и томъ же пунктѣ земли, что сотвореніе животныхъ произошло на различныхъ пунктахъ, и что виды, лучеобразно располагаясь вокругъ этихъ центровъ, сообщили фаунѣ всѣ ея характеристическія черты. Это ученіе въ собственныхъ предѣлахъ его совершенно согласно съ Библіею. Но Агассицъ расширилъ эти предѣлы, примѣнилъ эту теорію къ человѣку, утверждая, что и человѣческія племена будучи первоначальны, сотворены отдѣльно, каждое въ своемъ отечествѣ, притомъ такъ, что это отечество всегда совпадаетъ съ извѣстнымъ зоологическимъ округомъ. Такимъ образомъ онъ каждую группу людей привязываетъ къ извѣстной фаунѣ, почти можно сказать, — каждое племя человѣческое къ извѣстному виду животныхъ. Утверждая такое совпаденіе между предѣлами фаунъ и мѣстностями извѣстныхъ племенъ людей, онъ уже приписываетъ тождественной причинѣ распредѣленіе животности на *виды* и человѣчества на *племена* на данной территоріи. Тѣмъ не менѣе онъ утверждаетъ, что «одно и то же *начало* разнообразія имѣетъ у человѣка другое *значеніе*, чѣмъ у животныхъ. Животныя бываютъ *различныхъ видовъ* по различнымъ зоологическимъ областямъ, а человѣкъ, несмотря на разнообразіе его племенъ, составляетъ *одинъ и тотъ же видъ* по всему лицу земли. Въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, человѣкъ является существомъ исключительнымъ въ твореніи, которому онъ служить и цѣлю и предѣломъ» *.

* Эта теорія всесторонне опровергается въ слѣдующемъ специальномъ сочиненіи: *The Unity of the human races proved to be the doctrine of scripture, reason and science, par Thomas Smith*; а также—у Катража.

Послѣднее утвержденіе Агассица, конечно, есть не что иное, какъ одно словесное смягченіе полигенизма. Для человѣка смотрящаго на *видъ* только какъ на искусственную группу, основанную на одной формѣ, что могутъ составлять собою различные племена, какъ не *виды видовъ*, сколько разъ онъ ни объявлялъ бы, что это одинъ и тотъ же видъ? Сдѣлавъ это замѣчаніе противъ Агассица, какъ замаскированного полигениста, Катрфажъ принимаетъ на время точку зрѣнія противника и рассматриваетъ затронутый вопросъ географическій. Общая доктрина о *центрахъ творенія* животныхъ видовъ представляетъ въ себѣ результаты, собранные вѣсь всякихъ споровъ натуралистами, которые не думая о человѣкѣ, положили начало зоологической географіи точными изслѣдованіями. Изъ этихъ изслѣдованій вытекаютъ извѣстные общіе факты или законы, которымъ, конечно, должно удовлетворять и воззрѣніе Агассица, если только оно истинно. Но теорія этого натуралиста, какъ удостовѣряетъ Катрфажъ, *вовсе* не удовлетворяетъ имъ, и совершенно разногласить съ этими законами. Впервыхъ, самые зоологическіе центры не имѣютъ строго рѣшительныхъ предѣловъ, и въ этихъ предѣлахъ не представляютъ такой рѣзкой картины, чтобы въ каждомъ центрѣ всѣ птицы, млекопитающіе, насѣкомыя, рыбы и проч. были братьями между собою въ томъ смыслѣ, что всѣ суть дѣти одной и той же почвы. А въ примѣненіи къ исторіи человѣка эти центры по самой *типичности* своей, хотя безусловной, не могли бы *каждый* въ своихъ предѣлахъ давать мѣсто такому *виду*, какимъ изображаетъ Агассицъ человѣка, — виду «самому особенному и исключительному изъ всѣхъ, какіе представляетъ органическая природа». Очевидно теорія рассчитываетъ на впечатлѣніе *нѣкоторыхъ* совпаденій зоологическихъ центровъ и человѣческихъ группъ. Но большіе центры творенія, говоритъ Катрфажъ, вообще имѣютъ и *среду* не менѣе характеристичную, какъ характеристичны ихъ фауны или ихъ флоры. Потому не удивительно, что эти центры напечатлѣли на человѣческомъ племени, обра-

зовавшемся подъ вліяніемъ ихъ среды, нѣчто особенное. Но эти совпаденія далеко не такъ общи и полны, какъ представилъ Агассицъ. Агассицъ признаетъ восемь главныхъ центровъ творенія; какъ *зоологическія королевства*: арктическое, монгольское, европейское, американское, негрское, готтентотское, малайское и австралійское. *Американское королевство* у него заключаетъ въ себѣ весь Новый Свѣтъ, и *краснокожій человекъ* Соединенныхъ Штатовъ у него есть типъ людей этой страны; но *Америка*, по общему признанію всѣхъ зоологовъ и всѣхъ ботаниковъ, *образуетъ* по крайней мѣрѣ два большихъ центра творенія, совершенно различные; слѣдовательно они требуютъ и двухъ типовъ людей. Правда королевства Агассица дѣлятся на зоологическія *провинціи*, и эти послѣднія подраздѣляются, какъ это дѣлаютъ и всѣ натуралисты. И мѣстами въ своихъ сочиненіяхъ Агассицъ признаетъ, что *американскій* человекъ представляетъ многія видоизмѣненія, и каждое изъ нихъ характеризуетъ собою одно изъ этихъ племенъ. Но если эти племена сотворены на одномъ и томъ же мѣстѣ съ животными страны, то между тѣми и другими, по законамъ зоологической географіи, должны быть одинаковыя соотношенія. А на дѣлѣ достовѣрно доказано совершенно противоположное, и именно въ Америкѣ, гдѣ и возникла теорія. Въ самомъ дѣлѣ *всѣ зоологи* согласно утверждаютъ, что въ Старомъ и Новомъ Свѣтѣ не только сѣверныя, но и умѣренные страны представляютъ относительно зоологическихъ населеній поразительныя сходства. Такъ въ Сѣверной Америкѣ есть множество родовъ, общихъ ей съ Европой и Азіей. Напротивъ южная Америка, сравнительно съ Азіей и Африкой, составляетъ одинъ изъ самыхъ несходныхъ зоологическихъ центровъ. Такимъ образомъ, какъ центръ *животнаго творенія* Сѣверная Америка почти *сливается съ Европой*, тогда какъ Южная совершенно *различается* и отдѣляется отъ той и другой, равно и отъ Африки. Между тѣмъ если разсматривать эти двѣ половины Новаго Свѣта, какъ центры *творенія человека*, то по наблюденію

Сѣверная Америка разнится и отъ Азіи и отъ Европы, а Южная почти сливается съ Азіей и сближается съ Европой. Слѣдовательно *люди и животныя* новаго континента *находятся* совершенно въ *обратныхъ* географическихъ отношеніяхъ съ людьми и животными Старога Свѣта. Итакъ *американское королевство*, избранное Агассицомъ какъ особенно доказательный примѣръ для его теоріи, представляетъ доказательство противное. Та же судьба и съ его *арктическимъ королевствомъ*. Но Агассицъ, конечно, старался выбрать доказательнѣйшіе примѣры, и лучше всякаго способенъ былъ къ этому выбору примѣнить необходимое знакомство съ наукою. Если же славный натуралистъ не успѣлъ въ этомъ дѣлѣ, то очевидно потому только, что самое дѣло это невозможно.

Если такая теорія не можетъ найти себѣ основанія въ зоологической географіи, то еще менѣе она нашла опоры въ *лингвистикѣ*. Способъ воззрѣнія новѣйшихъ филологовъ на филіацію языковъ; соотношенія болѣе и болѣе открываемыя и между нарѣчіями одного и того же языка, и между языками отдаленныхъ другъ отъ друга народовъ; выводы филологіи изъ этихъ фактовъ касательно родственности племенъ,—все это находится въ рѣзкомъ противорѣчій съ теоріею сотворенія людей по націямъ и каждой націи *отдѣльно* съ ея исключительными признаками.

Такъ теорія Агассица, входящая въ разрядъ теорій полигенистическихъ, терпитъ пораженіе во взаимной борьбѣ съ моногенизмомъ. Побѣдное слово остается за послѣднимъ. У Катрфажа оно выражается слѣдующимъ полнымъ выводомъ: «зоологія и фізіологія доказали *единство вида въ человѣческомъ родѣ*; зоологическая географія въ свою очередь вмѣсто того, чтобы послужить въ помощь полигенизму, научаетъ насъ, что *родъ человѣскій* не могъ получить своего начала на *разныхъ центрахъ творенія*, что онъ существенно принадлежитъ только къ *одному изъ нихъ*,—получилъ свое происхожденіе въ одной только странѣ земнаго шара, и *по всей*

вѣроятности эта страна относительно не обширна. Гдѣ же этотъ уголокъ земли?—все указываетъ на центральную Азію, какъ на колыбель человѣчества,—единственное средоточіе (центр), откуда поколѣнія людей, лучеобразно распространяясь по всѣмъ направленіямъ, разошлись и населили самыя отдаленныя и уединенныя пустыни*.

Мы сопоставили естественныя ученія о единствѣ и множествѣ видовъ въ человѣческомъ родѣ—съ ученіемъ Библии о единствѣ первой человѣческой четы какъ единокровной, и о происхожденіи всего рода отъ этой единой четы. Что же открывается изъ этого сопоставленія?—Прежде всего открывается, что современное Естествознаніе, путемъ взаимной борьбы своихъ ученій, болѣе и болѣе приходитъ къ признанію *единства видоваго типа человека*, и въ этомъ смыслѣ поставляетъ авторитетъ Библии внѣ всякаго сомнѣнія. Но научный результатъ о единствѣ вида человека еще не уравнивается (не адекватенъ) библейскому ученію о первой единой и единственной четѣ, давшей рожденіе всему человѣчеству. Наука *наблюденія и опыта* сознаетъ въ добытомъ ею результатѣ свой *предѣлъ*. Наблюденіе и опытъ не даютъ ей никакихъ свѣдѣній относительно того *факта*, существовала ли первоначально одна чета или *нѣсколько* первоначальныхъ паръ. «Этого факта, говоритъ Катрфажъ, наука не должна касаться, какъ стоящаго внѣ наблюденія и внѣ опыта. Всѣ, что она можетъ утверждать, состоитъ въ слѣдующемъ: положеніе вещей въ мірѣ таково, что *какъ будто бы* каждый видъ жизни начался одной—единичною парой»**.—Итакъ Библия открываетъ болѣе глубокій горизонтъ, утверждая са-

* Ест. Ист., стр. 318—344. Далѣе у Катрфажа разбираются возраженія полегенистовъ противъ возможности расселенія людей изъ одного пункта по всему лицу земли. Но этотъ вопросъ давно уже рѣшенъ противъ полегенистовъ; и для нашей задачи нѣтъ нужды здѣсь предлагать рефератъ этого рѣшенія, основаннаго на географіи, общей физикѣ и исторіи.

** Ест. Ист., стр. 245 и 319.

мый *фактъ* не многихъ, но—*единственной первой четы*, какъ исходной для всего рода человѣческаго. Если наука опыта *не можетъ* касаться этого факта, то она не единственная же наука, рѣшающая вопросъ антропологическій. Если она въ этомъ же вопросѣ, на одной изъ его стадій, обращается къ *наукѣ о языкѣ*, равно и къ *наукѣ исторической*; если при помощи этихъ двухъ наукъ она *утвердила* происхожденіе единого человѣческаго вида въ *одномъ только центрѣ творенія*, и назвала даже центральную Азію, какъ колыбель человѣчества: то что мѣшаетъ той же наукѣ посмотрѣть въ эту колыбель, по указанію *Священной исторіи*, которая также имѣетъ обработку научную,—посмотрѣть и увидѣть, что фактъ стоящій виѣ теперешняго опыта, но твердо засвидѣтельствованный въ Священномъ Памятникѣ общечеловѣческаго преданія, имѣетъ за себя свѣтъ исторіи и свѣтъ разума, и что *при вѣроятностяхъ* заключенія самой науки опытной этотъ фактъ является уже *научно-обоснованнымъ*.

Мы видѣли, какъ послѣдовательно ученіе Библіи, открывая единство первой человѣческой четы, и отъ нея проводя непрерывную линію къ началу *различныхъ* человѣческихъ семей. Но Библія вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ и путь къ самому раздѣленію всей земли на различные племена и единого языка на многіе. Настойчивая мысль полигенистовъ о *неизмѣнности* человѣческихъ племенъ, которыя они считаютъ видами, сопоставляемая съ тѣмъ положеніемъ моногенистовъ, что *объемъ измѣненій* или различій въ человѣческомъ царствѣ *меньше*, чѣмъ въ животномъ,—эти двѣ мысли не представляютъ ли нѣчто общее въ обѣихъ теоріяхъ, показывающее, что чего-то недостаетъ—*въ одной* для объясненія *ограниченного* объема различій въ племенахъ человѣческихъ,—въ другой для объясненія *вѣковаго устоя* этихъ различій, для объясненія не нуждающагося въ предположеніи, будто племена суть виды? Въ Библіи есть данныя, и не случайныя, для объясненія положеній обѣихъ теорій. Однѣ идеи вида, разнообразности и породы, оправдываемыя наблюденіями въ мірѣ

наличномъ, недостаточны къ объясненію историческаго *генесиса* этого наличнаго міра. Полигенистъ говорить, что племена—виды изначала произошли съ своими отличіями на мѣстахъ ихъ жительства, или въ разныхъ центрахъ творенія; моногенизмъ утверждаетъ, что центръ творенія вида одинъ, но его индивидуальности или разновидности, при расселеніи, образовались въ устойчивыя племена сообразно вліянію среды, на мѣстахъ, гдѣ они осѣли. Строго говоря, въ обѣихъ теоріяхъ—одинъ факторъ производящій или образующій, факторъ *космогоническій*, который по отношенію къ теоріи моногенизма, можетъ быть отличенъ развѣ названіемъ *антропocosмогоническаго*, но не во всемъ объемѣ смысла. Библия и здѣсь указываетъ еще необходимый факторъ *творческій*, съ признаніемъ котораго рѣшительно падаетъ полигенизмъ и восполняется, не достающимъ ей исполненіемъ, теорія моногенизма.

Библия представляетъ вначалѣ человѣка въ единомъ *всечеловѣческомъ лицѣ*, получившемъ отъ Творца дыханіе *жизней*,—всѣхъ жизней будущаго рода, со всѣми его многоразличными индивидуальностями, и прежде всѣхъ—съ двумя основными индивидуальностями *пола*. «И сотворилъ Богъ человѣка по образу Своему, мужа и жену сотворилъ ихъ». По Творческому предопредѣленію, въ этихъ уже двухъ *всечеловѣческихъ* лицахъ, или въ этой первой единственной *всечеловѣческой четѣ* совмѣщался родъ не предназначенный однако къ *раздѣленію*, при всемъ его разнообразіи: ибо въ новомъ родоначальникѣ *человѣчества*, въ Сынѣ Человѣческомъ снова весь родъ—въ единомъ Богочеловѣческомъ Лицѣ, и расточенные собираются, раздѣленные воссоединяются: *о Христѣ Иисусѣ нѣсть Еллинъ, ни Іудей,—варваръ и скивъ, но всяческая и во всѣхъ Христосъ* (Кол. III, 11). *Едино тѣло, единъ Духъ, единъ Господь, единъ Богъ и Отецъ всѣхъ* (Еф. IV, 4—6).

И это первоположное единство, несмотря на то, что *генесисъ* *человѣчества* принялъ изначала ненормальное теченіе—къ *раздѣленію*, было такъ крѣпко, такъ дѣйствительно, что

даже послѣ міровой катастрофы, вызванной этимъ ненормальнымъ теченіемъ и послѣ того какъ въ другой разъ изъ одной семьи (Ноевой) произошли племена, отъ которыхъ распространились на землѣ народы,—при всемъ томъ еще *вся земля говорила единымъ языкомъ и однимъ нарѣчіемъ* (Быт. XI). Изъ такого твердаго первоположнаго единства, имѣющаго цѣлю еще высшее единеніе, со вполне достаточнымъ основаніемъ изъясняется, наблюденная наукою, *ограниченная мѣра* различій въ племенахъ человѣческихъ.

Но откуда и эти различія, представляющія человѣчество на различныхъ ступеняхъ человѣческаго достоинства? Гдѣ рѣшительный моментъ ихъ утвержденія и причина вѣковаго ихъ устоя, столь соблазняющаго полигенистовъ? Кто разъяснить этотъ первичный *генесисъ*, также уже не повторяющійся и стоящій слѣдственно внѣ опыта, какъ и самый *фактъ первой единой четы*?

Прежде всего, эти различія—попреимуществу, если не исключительно, *тѣлесныя* или *перстныя*. Но Библия учитъ: тѣло человѣка взято отъ персти; однако вдохновенное дыханіемъ жизни,—явило въ себѣ *человѣка одушевленнаго* или *душевнаго*. Человѣку предлежалъ путь дальнѣйшаго развитія, *генесиса*, самовоздѣланія въ *человѣка духовнаго*. Но этотъ генесисъ на первыхъ шагахъ замѣшался, нарушилъ нормальное свое теченіе; и творческое Слово говорить *человѣку: земля еси, и въ землю отыдеши*. Полнота слова объемлетъ не только послѣдній или конечный исходъ *человѣка* въ смерти, но и самый путь, теченіе къ этому исходу. Вотъ начало *различій перстныхъ* какъ носителей разнообразія психическаго, запечатлѣннаго первороднымъ разстройствомъ. Не много еще объ этомъ началѣ открываетъ Библия для исключительной любознательности, ищущей *тайныхъ, въ нихъ же нѣсть потреба*, однако не совсѣмъ сокрыла напримѣръ о нѣкоторомъ *знаменіи на лицѣ Каина* братоубійцы, и о *сочувствіи Ламеха* съ Каиномъ (Быт. IV, 15, 23, 24). Но за то Библия даетъ

болѣе полное откровеніе о моментѣ рѣшительномъ въ образованіи человѣческихъ племенъ.

Генесисъ *различій* совершилъ уже свой естественный путь (*χρῶρον γενεσις*), предугазывавшій на исходъ *раздѣленія*. День этого противонравственнаго, перстнаго развитія имѣлъ свой вечеръ, положенный *творчески* (всемирный потопъ). Однако утро *новаго дня* застаетъ человечество еще не *раздѣленнымъ*, но соединеннымъ въ одномъ семействѣ. Но въ этомъ семействѣ лежатъ уже рѣзкія различія, два *различія* міра допотопнаго—сыновъ Божіихъ (Симъ съ Іафетомъ) и сыновъ человѣческихъ (Хамъ)*. На основѣ этихъ различій выступаетъ пророчество о будущемъ раздѣленіи. Величественное явленіе представляетъ Патріархъ всемірнаго потопа, видящій предъ собою семейство и прозрѣвающій въ своихъ сыновьяхъ основныя черты позднѣйшей исторіи человечества, распавшагося на рѣзкія племена. Пророчество, слѣдственно *слово творческое* изрекło будущее раздѣленіе.

Будущая судьба стала извѣстна людямъ, и страхъ раздѣленія объялъ ихъ сердца. «И случилось, что люди, двигнувшись съ Востока, нашли въ землѣ Сеннааръ равнину и поселились тамъ. Но вся земля говорила однимъ языкомъ и однимъ нарѣчіемъ. И сказали другъ другу: построимъ себѣ городъ и башню высоту до небесъ, и сдѣлаемъ себѣ имя, чтобы намъ не разсѣяться по лицу всей земли. Но Господь сошелъ посмотрѣть городъ и башню, которые строили сыны человѣческіе. И сказалъ Господь: вотъ одинъ народъ и одинъ у всѣхъ языкъ, и вотъ что начали они дѣлать, и не будетъ у нихъ остановки ни въ чемъ, что они вздумали дѣлать. Смѣшаемъ тамъ языкъ ихъ, такъ чтобы одинъ не понималъ рѣчи другаго. Тогда

* А можетъ-быть, въ томъ же семействѣ лежало и *третье* различіе, происшедшее изъ смѣшенія сыновъ Божіихъ съ дочерями человѣческими. Порожденія отъ сихъ браковъ называются *исполинами*, „сильными, издревле славными людьми“. Не согласуется ли съ этимъ качествомъ мірообладающее положеніе потомства Іафета? (Быт. VI, 3, 4).

Господь разсѣялъ ихъ оттуда по всей землѣ; и они перестали строить городъ. Посему дано ему имя Вавилонъ, ибо тамъ смѣшались Господь языкъ всей земли, и оттуда разсѣялъ ихъ Господь по всей землѣ» (Быт. XI, 1—10). Вотъ рѣшительный моментъ! Чтò же такое случилось?—Смѣшеніе языка и разсѣяніе по землѣ полагаются одновременно. Сопоставимъ съ этимъ фактъ новаго времени: взаимное усвоеніе народами чужихъ языковъ ведетъ за собою то, что исчезаетъ и рѣзкій обликъ національностей,—народы соединяются въ семью народовъ. Это даръ новаго единства, даръ Пятидесятницы, восполняющій бездну Вавилонскаго раздѣленія. Но какъ даръ языковъ есть даръ Духа познавшимъ Отца, Единого Истиннаго Бога и посланнаго имъ Христа; такъ смѣшеніе единого языка было лишеніемъ Духа, не имѣвшаго пребывать въ людяхъ забывшихъ Бога и сдѣлавшихся плотію. *Не имать Духъ Мой пребывать въ человѣцкихъ сихъ, зане суть плоть.* Слово опредѣляющее о рѣшительномъ *отъятіи* Духа, сопровождающемся *исчезновеніемъ* твари,—вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣляетъ и законъ всѣхъ степеней *уаженія* и лишенія Духа. «Предшествовавшее раздѣленію, единство рода человѣческаго», говоритъ Шеллингъ,—«ничѣмъ не могло быть поддержано такъ рѣшительно, какъ сознаніемъ единого Бога, общаго для всего человѣчества. Раздѣленію народовъ долженъ былъ предшествовать духовный кризисъ во *внутреннемъ* единствѣ человѣка, проявившійся смѣшеніемъ языковъ» *. Развалины Вавилонскаго строенія давно исчезли, но недавно открыта надпись, въ которой Навуходоносоръ говоритъ, что онъ началъ вновь старую постройку, которую люди «оставили отъ дней потопа, потому что они смѣшались въ своей рѣчи».—Духовный кризисъ, проявившійся смѣшеніемъ полувещественнаго языка, сталъ началомъ и вещественнаго, тѣлеснаго переворота: «смѣшавъ языкъ, Господь разсѣялъ народы по всей землѣ». Если исторія міротворенія имѣла ходъ

* Шеллингъ, Философія міеологіи. Введеніе, стр. 62, 101.

спокойствія, мира и благоволенія; то исторія человѣческаго генесиса, послѣ перваго сотворенія, принявши ненормальный ходъ, являетъ въ себѣ перевероты. Крѣпкая Десница Божія разсѣваетъ народы. Ужасъ, хотя въ разной степени, объемлетъ ихъ, и они расходятся, одни ближе, другіе дальше, сближаемые или раздѣляемые глубоко проникшими различіями. Переселеніе народовъ въ историческое время, по какому-то необъяснимому таинственному влеченію, которое гнало ихъ изъ азіатскихъ жилищъ въ Европу, есть миниатюра того перваго разсѣянія, всего объема котораго при Вавилонскомъ раздѣленіи мы и представить не можемъ. Волны бѣгутъ впередъ, сами не зная куда. Но знаетъ это Тотъ, Который «отъ одной крови произвелъ весь родъ человѣчскій, для обитанія, по всему лицу земли, назначивъ предопредѣленные времена и предѣлы ихъ расселенію, дабы они искали Бога, не ощутятъ ли Его и не найдутъ ли» (Дѣян. XVII, 26, 27).—Повторяемъ: вотъ рѣшительный, *творческій* моментъ, положившій *мѣрное* начало къ раздѣленію племенъ, образовавшихся потомъ, въ преемственныхъ родахъ—*генетически* въ устойчивыя расы, въ центрахъ ихъ поселенія, подъ вліяніемъ среды, по выраженію науки; подъ вліяніемъ, пожалуй, и растительнаго, и животнаго міра, и силъ физико-химическихъ. Положившій движенію народовъ предѣлъ, тѣмъ самымъ положилъ и *мѣру различій*, которыя наука наблюдаетъ и оцѣниваетъ какъ являющіяся въ *ограниченномъ объемѣ* сравнительно съ растительными и животными различіями. Положеніе этой мѣры есть положеніе своего рода тверди: творческій актъ *совершительный*.—Такъ вся исторія творенія, какъ міра, такъ и человѣка, является *тео-космогоническою исторією*, или «Богочеловѣческою» въ отношеніи къ человѣческому генесису послѣ перваго сотворенія.

Библейскимъ изображеніемъ изъясняются даже частности въ антропологическомъ вопросѣ, которыя и не затронуты ни полигенистами, ни моногенистами. Еслибы Библія разсказывала о спокойномъ и постепенномъ расселеніи рода

человѣческаго (для моногенистовъ); еслибы сказано было о многихъ центрахъ творенія (для полигенистовъ); то невозможно было бы понять, откуда глубоко-проникающее различіе расъ и откуда взаимное соприкосновеніе коренныхъ языковъ?—почему эскимосы направились къ холодному негостепріимному сѣверу; почему особенно американская раса одна и та же на громадномъ пространствѣ Свѣта отъ сѣвера до юга? *

Само собою разумѣется, что Библейское повѣствованіе о трехъ сыновьяхъ Ноя, родоначальникахъ послѣдующихъ племенъ, не говоритъ, что только три расы. По Библии, народы не раздѣляются вмѣстѣ съ сыновьями Ноя; напротивъ—потомки его живутъ еще нѣкоторое время вмѣстѣ, такъ что происходитъ смѣшеніе трехъ семействъ и образуется большое разнообразіе взаимныхъ связей. И на основаніи этой-то общей совокупности всѣхъ отношеній, уже послѣ складывается жребій племенъ. При всемъ томъ замѣчательно, что представителями Сима являются благородные племена Израиля и Аравитянъ; имена потомковъ Іафета, не отдѣляющихся рѣзко отъ потомковъ Сима, указываютъ на племена индо-германскія (бѣлые); имя Хама (горячій) съ его сыновьями Кушъ (Ефіопія), Мицраимъ (Египетъ), Путъ (Южная Ливія) указываютъ на племена Африканскія (черныя). О согласіи исторической судьбы всѣхъ этихъ племенъ съ словомъ пророчества, едва ли нужно и упоминать. Развѣ напомнить о мірообладающемъ влияніи племенъ Іафетитовъ, въ связи съ господственнымъ влияніемъ крови бѣлыхъ при смѣшеніи племенъ. Этимъ мо-

* На огромномъ американскомъ материкѣ слѣдовало бы, по теоріи полигенизма, ожидать многихъ *автохтоническихъ* расъ, которыя сложились бы различно по различію странъ—подъ тропиками или на крайнемъ сѣверѣ или же на югѣ, по берегамъ моря или же глубоко во внутренности суши. Но тоже единство американской расы обличаетъ и моногенистовъ въ односторонности или неполнотѣ, когда они объясняютъ происхожденіе племенъ лишь изъ наслѣдственности и преобладающаго влиянія среды. Въ Америкѣ несмотря на различіе климата и страны, раса осталась одна и та же.

жетъ-быть рѣшается вопросъ: какая раса ближе всѣхъ стоитъ къ первоначальному типу? Не та ли, которая всего менѣе сама преобразуется отъ вліянія другихъ, между тѣмъ какъ другія оказываются въ ней преобразующимися? Не та ли, наконецъ, которая въ древнемъ поселеніи осталась ближе, чѣмъ другія, къ центру перваго общежительства? Вообще нѣкоторыя проблемы если остаются еще не разрѣшенными, то указаніе къ рѣшенію ясно. Въ Библии истинная гармонія между единствомъ рода человѣческаго, между *первою единою четю* и распаденіемъ рода на племена; обѣимъ сторонамъ удовлетворительное изъясненіе; нити Естествознанія сходятся въ Библии.

Х.

ИЗСЛѢДОВАНИЕ БИБЛЕЙСКОЙ ИСТОРИИ ТВОРЕНІЯ ЧЕЛОВѢКА ВЪ СВЯЗИ СЪ ЕСТЕСТВЕННОЮ ИСТОРИЕЮ.

(Окончаніе).

Время сотворенія челоѣка, по Библіи.—Всемирный потопъ и ледяная эпоха. Тождество этихъ явленій, какъ достаточное основаніе библейской хронологіи исторіи челоѣка.—Попытки сдѣлать изъ ледяной эпохи хронометръ палеонтологической древности челоѣка. Опроверженіе этихъ попытокъ изъ естествознанія.—Значеніе періодовъ каменнаго, бронзоваго и желѣзнаго, по Библіи.—Согласіе библейской хронологіи исторіи челоѣка съ историческими воспоминаніями древнихъ народовъ.—Заключеніе.

Приходимъ къ концу сравнительнаго изслѣдованія антропологическаго вопроса, по Библіи и Естествознанію. Время сотворенія челоѣка въ моментъ указываемый Библіею, и время происхожденія въ неопредѣленной палеонтологической дали, гадаемое естественною исторіею челоѣка—вотъ послѣдній предметъ изслѣдованія, стоящій въ ближайшей связи съ ученіемъ о единствѣ рода челоѣческаго. Эта уже связь дасть намъ возможность быть болѣе краткими въ изслѣдованіи о древности, послѣ подробнаго изслѣдованія о начальномъ единствѣ челоѣка.

Библейская хронологія въ древнѣйшемъ періодѣ, по тексту подлинному (еврейскому) и по тексту перевода 70-ти (греческому), представляетъ разницу около шести сотъ лѣтъ. По первому, всемирный потопъ относится къ 1656 году послѣ со-

творенія челоуѣка, или къ 2348 году до нашего лѣтосчисленія; по второму, отъ потопа до начала челоуѣка, или наоборотъ—полагается хотя нѣсколько бѣльшее пространство времени, однако не палеонтологическое трудно воображаемое время. Такое въ извѣстной степени различіе въ Библейской хронологіи изъясняется и древностію Священнаго преданія, точный ключъ къ счисленію временъ котораго едва ли можно намъ открыть, и — особеннымъ характеромъ писменнаго его Памятника, представляющаго начальную исторію челоуѣчества не въ подробностяхъ, а только въ основоположныхъ чертахъ,—а также и еще болѣе самую цѣлю Священной исторіи—открывать вѣчное во времени, но не самыя времена и годы. *Нѣсть ваше, разумѣти времена и лѣта, яже Отецъ Небесный положи въ Своей власти. И первая седмица творенія собственно не открываетъ въ себѣ опредѣленныхъ періодовъ или эпохъ времени, а просто времена, какъ поприще дѣлъ творческихъ — дни Вѣчнаго.*

Но для научнаго сравненія священной хронологіи, счисляющей во всякомъ случаѣ не далѣе двухъ тысячъ съ половиною лѣтъ — съ естествознательною хронологіею — астрономическою или геологическою, счисляющею громадными числами, — въ нашемъ вопросѣ совершенно безразлично, взять ли намъ хронологію 70-ти или подлинника. Для насъ важно разсмотрѣніе самого предѣльнаго факта (всемірнаго потопа) древнѣйшей исторіи челоуѣчества, до котораго доходить цѣпь тѣхъ или другихъ годовъ,—библейскаго факта, засвидѣтельствованнаго еще живымъ свидѣтельствомъ народовъ въ ихъ воспоминаніяхъ о всемірномъ потопѣ *. Этому факту библейскому повидимо-

* Въ Западной Азіи мы встрѣчаемъ вавилонское, финикійское, фригійское, сирійское сказанія о потопѣ; въ восточной Азіи—персидское, китайское, индійское; у Еллиновъ—сказанія объ Огигесѣ и Девкаліонѣ, аттичскія, ессалійскія, фокидскія, самофракійскія племенные сказанія. Сказанія Египтянъ и Мексиканцевъ согласны съ библейскимъ даже до такой частности, каково выпущеніе птицъ; сюда присоединяются сказанія Перуанцевъ,

му соотвѣтствуетъ подобный же фактъ геологіи, и изслѣдованіе этого соотвѣтствія одно уже покажетъ намъ истинное значеніе библейскаго *начала* сотворенія человѣка въ связи съ началомъ гадаемымъ въ естественной исторіи человѣка.

Самое названіе (терминъ научный) позднѣйшаго слоя земли, которымъ обыкновенно начинаютъ геологическое настоящее, когда появляются настоящіе виды растений и животныхъ и наконецъ человѣкъ, есть *дилювій*,—терминъ происшедшій изъ предположенія сильнаго и продолжительнаго наводненія, при обстоятельствахъ котораго и образовался слой дилювіальный. Это наводненіе или потопленіе прежніе геологи не сомнѣвались сопоставлять со всемірнымъ потопомъ. Но такъ какъ въ дилювіи не находили человѣческихъ костей, то стали отвергать историческую основу библейскаго сказанія о потопѣ, и сопоставленіе падало,—дилювій отнесли къ болѣе раннему времени, нежели на какое указываетъ всемірный потопъ. Теперь почти всѣми признается основанная Агассицемъ *гипотеза ледянаго періода*, которому дилювіальный слой обязанъ своимъ происхожденіемъ;—что на немъ и запечатлѣно въ особенности такъ называемыми эрратическими валунами. Это обломки скалъ, частію небольшіе, частію исполински громадныя, покрывающіе собою многія такіе страны, которыя не могутъ считаться мѣсторожденіемъ этихъ камней, перенесенныхъ отыңуду, съ ихъ родины, изъ дальнаго сѣвера. Какимъ же образомъ совершилось это перемѣщеніе? Предполагаютъ, не иначе какъ на плавающихъ ледяныхъ массахъ, при разломѣ или растаяніи отложившихъ свою ношу большую и малую, изъ которой образовался ди-

обитателей Танти и Ориноко, также Сѣверной Америки, Японцевъ, Кельтовъ и Германцевъ. *Геттингеръ*, Апологія христіанства, т. II, отд. 1. „Все-мірный потопъ“, въ приложеніи къ главѣ „о происхожденіи рода человѣческаго“.

лювій, состоящій изъ песку, хряща и т. д. По предѣламъ *этихъ* явленій Агассицъ полагаетъ, что нѣкогда вся земля была покрыта ледяною корою, которая раздѣлялась только подъ экваторомъ болѣе или менѣе широкимъ поясомъ на двѣ половины. Слѣдствіемъ этого было уничтоженіе всей органической жизни и — необходимость новаго творенія, *по Агассицу*. Но другіе *, принимая его гипотезу, не допускаютъ уничтоженія дилувіемъ и новотворенія флоры и фауны послѣ него, выставляя то основаніе, что въ дилувіальныхъ слояхъ встрѣчаются отъ 90 до 95 процентовъ теперь живущихъ видовъ. Значить вопросъ въ томъ, наступила ли ледяная эпоха *внезапно*, или предшествующій періодъ (третичный), съ которымъ появились всѣ условія для существованія человѣка, перешелъ мало-по-малу *въ теченіе столѣтій и тысячелѣтій* въ ледяной періодъ, — согласно теоріи Ляйеля о равномѣрности и продолжительности періодовъ развитія земли **? — Но во всякомъ случаѣ, аналогія двухъ явленій представляется близкою аналогіею, такъ что нѣкоторые естествоиспытатели утверждаютъ тождество дилувія со всемірнымъ потопомъ ***; и мы не видимъ нужды отказываться отъ этого сопоставленія, несмотря на столѣтія и тысячелѣтія, требуемыя геологіею для дилувія.

* Фогтъ, Ляйель и многіе другіе. — Рейнцъ, Библія и природа, стр. 343.

** Въ приложимости теоріи Ляйеля къ *исторіи творенія* мы не выражали сомнѣнія, на основаніи самой Библіи, изображающей ходъ творенія мирнымъ, спокойнымъ. Но здѣсь, если ледяной періодъ геологій совпадаетъ со всемірнымъ потопомъ, изображаемымъ въ Библіи какъ внезапное дѣйствіе правосудія Божія надъ человѣкомъ и землею, совратившимися съ своего пути, — мы должны выставить несогласіе Ляйелевой теоріи съ Библіею. Да и самые факты дилувія покажутъ, что эта теорія къ нему столько же непримѣнима сколько исторія міра уже человѣческаго, исторія идущая переворотами, отличается отъ исторіи міротворенія, исторіи мирнаго космогеніизиса и благоволительнаго творенія.

*** За тождественность дилувія со всемірнымъ потопомъ говорятъ: Рудольфъ Вагнеръ, *Natürl. Geschichte der Menschen*, II, стр. 3. — Buckland, *Reliquiae diluvian.* pag. 221 sq. — Cuvier, *Discours sur les réolut. du globe*, ed. 5, p. 290.

Если тождественность явленій послѣдняго съ библейскимъ потопомъ можетъ быть доказуема на основаніяхъ естественнаучныхъ; то признаніе этого тождества будетъ обоснованіемъ важной *библейской данной* въ вопросѣ о времени творенія человѣка. Другая же часть гипотезы о столѣтіяхъ и тысячелѣтіяхъ будетъ изслѣдована отдѣльно, и, надѣмся, не въ ущербъ Библіи.

Разсмотримъ основанія, говоряція за и противъ тождественности потопа и дилувія.

1. *Ледяная эпоха*, по теоріи, ограничивается повидимому частію земли, лежащею ближе къ полюсамъ; между тѣмъ какъ Библія полагаетъ центръ всемірнаго потопа именно въ странахъ передней Азіи. Но если по Фогту, во время величайшаго протяженія ледяныхъ массъ, только не многія вершины Альповъ выдавались изъ швейцарскаго моря льдовъ; а по Букланду, и Альпы и Карпаты и всѣ горныя страны Европы, въ формѣ своихъ очертаній, носятъ точно такіе же слѣды дѣйствія на нихъ силы воды (или льда), *какъ и холмы болѣе низкихъ странъ земли*: то, хотя глетчеры, подвигавшіеся въ долины и оставившіе на нихъ свой слѣдъ, и ограничиваются странами не прилегающими къ экватору, однако *водяныя* массы все-таки заходили гораздо далѣе низшихъ градусовъ широты, только тамъ по причинѣ близости къ экватору онѣ не превращались въ ледъ.

2. Третичный періодъ перешелъ въ ледяной, говорятъ, мало-по-малу въ теченіи вѣковъ; далѣе—онъ шелъ равномерно съ значительнымъ охлажденіемъ нашей половины земли, усилившимся до того, что въ извѣстное время почти вся Швейцарія, Скандинавія, Шотландія и значительная часть Сѣверной Америки покрыты были льдомъ; наконецъ—общій ледяной покровъ началъ таять, раскалываться на отдѣльные глетчеры и давать отложенія.—Сводя всѣ эти событія вмѣстѣ, трудно понять, какимъ образомъ *могъ сохраниться животный міръ*, особенно—требующій умѣреннаго климата, если ледяное время продолжалось вѣки. Предполагаемое сохраненіе

животнаго міра представляется загадкою, неразрѣшимою ни допущеніемъ многотысячелѣтнаго ледянаго періода, ни допущеніемъ скорого прехожденія водъ. Но что эпоха эта наступила *внезапно*, это доказываютъ явственные слѣды *неправильныхъ* дилювіальныхъ отложеній въ противоположность правильному расположенію слоевъ прежнихъ формаций. И что при этой внезапности наступленіе эпохи сопровождалось значительнымъ холодомъ, это показываютъ тѣ громадныя земныя животныя—слоны и носороги, которыхъ находятъ въ льдахъ Сибири сохранившимися вполне съ мясомъ, кожею и волосомъ. Геологически нельзя не только открыть, но и предположить никакихъ переходовъ между умѣреннымъ климатомъ и ледяною эпохою; всё указываетъ на непосредственное внезапное наступленіе переворота. Но это образуетъ весьма значительный моментъ для тождества геологическаго дилювіа съ библейскимъ всемірнымъ потопомъ.

3. Для чего, для какихъ *геологическихъ причинъ* нуженъ былъ ледяной періодъ? Геологія утверждаетъ, что земля уже въ *третичное* время является вполне готовою и способною быть жилищемъ человѣка. Дилювій производитъ впечатлѣніе не дальнѣйшаго развитія, но насильственнаго переворота. Это утверждаетъ сама Геологія, когда говоритъ, что ледяное время не образуетъ настоящей эпохи въ исторіи земли или даже тѣхъ странъ, къ которымъ его относятъ; что оно не измѣнило ни внѣшняго вида, ни фауны и флоры тѣхъ странъ. Какъ скоро исчезли глетчеры, снова возстановилось прежнее отношеніе, за исключеніемъ нѣкоторыхъ угасшихъ видовъ, не получившихъ уже болѣе новой жизни.—Всѣ эти черты дилювіа сходственны съ Библейскимъ изображеніемъ всемірнаго потопа, какъ карательной катастрофы, произведенной гигантскими массами воды, но не прервавшей развитія животной жизни. Последняя истина лежитъ въ основѣ сказанія о ковчегѣ Ноевомъ, принявшемъ въ себя вмѣстѣ съ человѣческою семьею и «всѣхъ животныхъ отъ всякой плоти по

парамъ;—птицъ по роду ихъ,—и скота по роду его,—и пресмыкающихся по землѣ по роду ихъ».

Не будемъ говорить о томъ, что ни рѣзкое измѣненіе климата, ни величественное наводненіе,—внезапныя или постепенныя, какъ дѣятели ледяной эпохи и потопа, не *могутъ* быть изъяснены никакимъ геологическимъ феноменомъ, ни даже астрономическою попыткою, которой нужна 21 тысяча лѣтъ для произведенія подобныхъ явленій *. Всѣ это не входитъ въ нашу ближайшую задачу. Намъ нѣтъ нужды входить въ библейское изслѣдованіе о потопѣ **. Это событіе мы рассматриваемъ только въ его отношеніи къ вопросу о *времени* появленія человѣка на землѣ. Если въ самомъ Естествознаніи мы встрѣчаемъ авторитетныя свидѣтельства о тождествѣ дилювія и всемірнаго потопа,—для насъ этого довольно. Отсюда мы получаемъ данныя, что слѣды существованія человѣка, открываемые въ дилювіи, не *возводятъ* *человѣка* *далѣе* *того* *времени*, какое приблизительно дается библейскою хронологіею древнѣйшей исторіи человѣка, заключившейся *всеми́рнымъ* *потопомъ*. Если уже *третичный* періодъ, предшествующій дилювіальному, и по Естествознанію, есть періодъ земли совершенно уготованной для жизни животной и самаго человѣка; если и по Библии сотвореніе животныхъ и человѣка относится къ одному и тому же дню: то всѣ слѣды человѣческаго существованія, открываемые *въ* *дилювіи*, ровно ничего не говорятъ о древности человѣка противъ Библии; потому что не только въ дилювіальномъ, но и въ предшествующемъ ему періодѣ полагать существованіе человѣка не только согласно съ Библіею, но и обязательно по Библии. Какое же послѣ этого имѣютъ значеніе усилія, на основаніи откры-

* По этому вычисленію выходитъ, что перспектива потопа ожидаетъ наше сѣверное полушаріе въ 6,500 году нашего счисленія, и что ледяная эпоха была въ 14,500 г. до Р. Х.

** Отсылаемъ къ подробному о семъ изслѣдованію у Рейша, „Библия и Природа“, стр. 363—413.

тій собственно въ *дилювіи*, доказывать *древность* человѣка, будто десятками тысячелѣтій превышающую начальный для человѣка моментъ Библейскій?—Тутъ вопросъ изъ антропологическаго историческаго переходить въ общій ариѳметическій геологическій вопросъ. Насколько твердо онъ поставляется, это можно видѣть уже изъ того, что всѣмъ *даннымъ* для заключенія тутъ *предшествуетъ* ничѣмъ недоказанное *предположеніе* *тысящелѣтней* и *даже стотысящелѣтней продолжительности дилювія* *. Но посмотримъ на эти данныя, чтобъ ничего не сокрыть изъ области Естествознанія, сравниваемой нами съ Библейскимъ ученіемъ, въ цѣляхъ его обстоятельной апологіи.

Геологическій хронометръ для опредѣленія древности человѣка *по дилювію* очень сложенъ, и этою сложностію легко подавляетъ мысль несамостоятельную. Указываютъ на ископаемые останки человѣческіе, находимые вмѣстѣ съ вымершими или ископаемыми животными въ пещерахъ. Указываютъ на образованія Дельтъ, особенно Нила и Миссисипи,—на явленія въ торфяныхъ болотахъ и дюнахъ Даніи и Сѣвера, — на такъ называемыя свайныя постройки въ нѣкоторыхъ озерахъ **. Разсмотримъ этотъ хронометръ по частямъ.

Наносы Миссисипи простираются, по *Фогту*, на 600 слишкомъ футовъ въ глубину. На глубинѣ 16 футовъ нашли скелетъ человѣка туземной американской расы. По вычисленію *Дюлера*, принявшаго 5 дюймовъ наноса на столѣ-

* Все доказательство въ гипотезѣ Лайеля, о значеніи которой выше уже было замѣчено.

** Всѣ эти моменты доказательства, заимствованные у Геологіи, сведены вмѣстѣ въ *Ausland*, 1861 г., стр. 974.—*Фогтъ* изукрасилъ ихъ по своему въ „Лекціяхъ о человѣкѣ, его положеніи въ мірозданіи и въ исторіи земли“, 1863 г.—Американцы *Ноттъ* и *Глиддонъ* выпустили подробные трактаты объ этомъ, въ цѣляхъ своей теоріи.

тіе (по нормѣ наносовъ Нила), для древности скелета получается 57,000 лѣтъ, а для древности дельты 158,400 лѣтъ*.

Въ торфяныхъ болотахъ Даніи встрѣчаются поколѣнія лѣсовъ одни надъ другими. По различію орудій, встрѣчающихся здѣсь, различаютъ *каменный, бронзовый и желѣзный* періоды человѣческой жизни. Только уже въ верхнихъ залежахъ торфа встрѣчаются издѣлія изъ бронзы и за тѣмъ изъ желѣза. Время каменнаго періода вычисляютъ различно, но уже не очень громадными числами, отъ 6,000 до 11,000 лѣтъ.

Въ Боденскомъ, Цюрихскомъ и другихъ озерахъ, а также въ торфяныхъ болотахъ, бывшихъ озерами, открыли свайныя постройки съ разными издѣліями — гдѣ изъ камня, гдѣ изъ бронзы и — желѣза, вмѣстѣ съ греческими, гальскими и геллветическими монетами. Холмъ изъ мусору, образуемый рѣкою Тиньерою при впаденіи ея въ Женевское озеро, былъ прорѣзанъ поперекъ во время работъ при постройкѣ желѣзной дороги. На глубинѣ 4 футовъ нашли римскіе кирпичи и римскую монету. Последняя сдѣлалась хронометромъ; 4 фута обусловливаютъ періодъ времени въ 1500—1800 лѣтъ; при равномерномъ продолжающемся наносѣ, для всего холма требуется 100,000 лѣтъ.

Факты, безъ сомнѣнія, суть факты, и противъ нихъ нѣтъ спора. Но какъ *изъясняются* эти факты? Прежде всего эти изъясненія *противорѣчатъ* общепринятому въ наукѣ началу: древность слоевъ земли опредѣляютъ отсутствіемъ или присутствіемъ въ нихъ *органическихъ останковъ*, а не наоборотъ**. Но станемъ на точку зрѣнія противниковъ и посмотримъ, вѣрно ли они счисляютъ и умозаключаютъ.

* Указываютъ еще на черепа найденные въ Неандерталѣ, въ Египтѣ. Но послѣдній не отстываетъ нисколько отъ общеевропейскаго типа; и на немъ не строится никакое вычисленіе о палеонтологической древности. На черепѣ же Неандертальскомъ самъ Лайель, творецъ гипотезы стотысячелѣтняго періода диллювія, не хочетъ основывать никакого доказательства.

** Бурмейстеръ, Исторія творенія, стр. 468. А. Гумбольдтъ, Космосъ I, стр. 283. Ноумманъ, Учебникъ Геогнозіи, стр. 21.

Останки человѣческіе или предполагаемые слѣды издѣлій рукъ человѣческихъ (орудія изъ кремня), находимые вмѣстѣ съ угасшими видами животныхъ третичнаго періода, доказываютъ ли современность тѣхъ и другихъ? Но мы допустимъ эту современность. Чтò же этимъ будетъ правильно доказано?— Только то, что человѣкъ также древенъ, какъ эти виды животныхъ, или лучше сказать, что послѣдніе также недавни, какъ и люди. При этомъ мы узнали бы много-много то, что мамонты дожили еще до появленія человѣка. А сколько требуется времени для угасанія родовъ животныхъ, этого не говорить намъ ни одинъ зоологъ. Оно можетъ произойти въ теченіи не многаго времени *.

Что касается времени образованія Дельты, изъясняемаго по нормѣ наносовъ Нила, то самая эта норма, по Бурмейстеру, измѣнчива въ теченіи столѣтій. О дельтѣ Миссисипи *Котта* говоритъ, что данныя для вычисленія ея образованія до сихъ поръ еще слишкомъ недостаточны **. Самъ Ляйель, мѣрою постепеннаго поднятія суши и прилегающаго морскаго дна Норвегіи и Швеціи, принимаетъ 5 футовъ въ столѣтіе; поэтому счету, скелету Миссисипи, найденному на глубинѣ 16 футовъ, будетъ не 57,000 лѣтъ, а лишь 320 лѣтъ. Чтò весьма вѣроятно, судя по историческому примѣру: въ Пуццолі близъ Неаполя встрѣчаются слои съ обломками скульптурныхъ произведеній, развалины зданій и множества раковинъ; самый высшій изъ этихъ слоевъ поднимается на 20 футовъ надъ уровнемъ моря, а поднятіе его несомнѣнно относится къ началу 16 вѣка.

Наконецъ о вычисленіяхъ времени такъ-называемыхъ періодовъ *каменнаго, бронзоваго, жельзнаго*, по свайнымъ постройкамъ, Андрей *Вагнеръ* говоритъ рѣшительно: «предположенія, служащія исходною точкою вычисленія, я признаю совер-

* О вымершихъ животныхъ въ послѣднія столѣтія см. *Кзенитедта* „Sondst und Jetzt, populäre Vorträge über Geologie“, стр. 244.

** *Геологія*, въ нѣм. переводѣ I, стр. 160.

шенно безосновательными и произвольными; удивляюсь, какъ можно дѣлать ихъ серьезно исходною точкою научнаго изслѣдованія. Верхніе 4 фута мусорнаго холма могли быть насыпаны въ столько же минутъ, сколько *Морло* принимаетъ для нихъ столѣтій. Присутствіе римской монеты ничего не доказываетъ въ пользу древности самой массы мусора, потому что рѣчной наносъ могъ захватить и осадить монету въ гораздо позднѣйшее время». —Періоды, различаемые по свайнымъ постройкамъ,—тѣ же самые различаются по находкамъ и въ болотахъ Даніи: каменный, бронзовый, желѣзный. Но если и признать оныя за правильное раздѣленіе времени, то какаѣ же древность человѣка доказываются ими, будто превышающая древность библейскую?—Не дастъ ли удовлетворительный на это отвѣтъ сама Библія: «Цилла также родила Оовела кузнеца; *сей былъ отецъ кующихъ, всѣхъ работающихъ изъ мѣди и желѣза*» (Быт. IV, 22). Цилла была жена *допотопнаго* патріарха Ламеха, пятаго изъ потомковъ Каина. Вотъ и *начало* бронзоваго и желѣзнаго вѣка; неудобно ли по сему вѣкъ до Ламеха называть каменнымъ?.. Мы не говоримъ, что такъ *должно*, а указываемъ только фактъ *могущій* соответствовать названнымъ періодамъ и объясняющій ихъ древность отнюдь не доисторическую.—Станнымъ здѣсь можетъ представиться развѣ только то, что люди до всемірнаго потопа уже столь далеко распространились по землѣ, что слѣды ихъ существованія встрѣчаются въ Европѣ. Но Библія даетъ намъ указаніе, что исторія этого первобытнаго человѣчества имѣла другое начало, нежели исторія Ноева человѣчества: между тѣмъ какъ племена Ноевы стараются предотвратить свое разсѣяніе, Каинъ отдѣляется отъ своего семейства и начинаетъ скитальческую жизнь. Въ этихъ первобытныхъ людяхъ обнаруживается уже влеченіе взять въ свое обладаніе землю, въ силу благословенія Божія «господствуйте надъ землею».

Итакъ хронометръ геологіи разсмотрѣнный по частямъ оказывается невѣрнымъ. Тѣ самыя данныя, изъ которыхъ

онъ построенъ, представляютъ матеріалъ для инаго времясчисления древности человѣка, не только близкой, но совпадающей съ библейской хронологіей библейскихъ данныхъ. Но есть еще другой хронометръ, по которому можетъ быть испытано геологическое счисленіе времени.

Какъ въ вопросѣ о единствѣ рода человѣческаго само Естествознаніе, въ лицѣ моногенистовъ, прибѣгало къ свидѣтельству *исторіи*; такъ и въ вопросѣ о древности рода человѣческаго, изслѣдованія естествознанія, не враждующаго съ Библіею, подтверждаются *историческими* воспоминаніями древнѣйшихъ культурныхъ народовъ, которые всѣ *ограничиваются* ближайшимъ къ намъ временемъ, по точнымъ историческимъ изслѣдованіямъ, хотя нѣкоторые народы и приписывали себѣ гораздо отдаленнѣйшую древность. Такъ китайскіе лѣтописи восходятъ до 3082 г. до Р. Х.,—а достовѣрныя извѣстія доходятъ только до 782 г. до Р. Х. Исторія индійцевъ начинается для насъ только уже около 300 г. до Р. Х. Ассиріяне и Вавилоняне послѣ темнаго періода своей исторіи выступили на открытое поприще исторіи въ началѣ 8 в. до Р. Х. Достовѣрная исторія Египта восходитъ также не далѣе 8 в. до Р. Х. (Шлоссеръ), хотя другіе изслѣдователи, опираясь на показаніе Манефона, египетскаго жреца въ 3 в., первую историческую династію отодвинули до 3839 г. до Р. Х. *. Притомъ по отношенію къ Египту, величающемуся своею древностію, надобно еще помнить, что Бытописатель, владѣвшій египетскою мудростію, не могъ же поставить исторію міра и своего народа, въ Египтѣ же возросшаго,—въ противорѣчій съ хронологіею этой страны.—Этихъ краткихъ указаній для нашей цѣли достаточно.

* Болѣе подробное изслѣдованіе историческихъ данныхъ древности человечества можно видѣть у *Геттинера* въ цитированной нами „Апологіи Христіанства“, въ приложеніи къ отдѣлу „Происхожденіе рода человѣческаго отъ одной четы.“—Такое изслѣдованіе мы считаемъ для себя эпизодическимъ; потому и не останавливаемся на немъ, чтобы имъ не заслонять *главнаго* у насъ,—изслѣдованія Библии сравнительно съ естествознаніемъ.

Мы заключаемъ, что показанія Библии, по всѣмъ свѣтамъ Естествознанія, по всѣмъ его точнымъ результатамъ и даже гипотезамъ, оказываются до сихъ поръ достовѣрнѣйшими источниками исторіи человѣчества и самаго его *начала*. Между тѣмъ, при всѣхъ свѣтахъ истины, особенно возсіявшихъ въ новое время, это-то самое время и силится затмить свѣтъ, измышленіемъ такого доисторическаго начала для человѣчества, которое извращаетъ всю исторію. Отбрасываютъ начало человѣка въ немыслимую даль прошедшихъ сотенъ тысячъ вѣковъ: для чего? Чтобы, въ этой далекой тѣмѣ времени, удобнѣе представить начало человѣка въ состояніи грубой *животности*, и *при помощи времени* (какъ будто время творческій агентъ, а не просто форма или поприще дѣйствія)—при помощи времени изъ животности самой въ себѣ вывести то, чего въ ней нѣтъ,—*духовное* благородство. Тутъ исторія становится немыслимою. Дѣйствительная исторія человѣка, по свидѣтельству Библии, оправданному всестороннимъ изслѣдованіемъ его въ связи съ естественнымъ ученіемъ, началась *душевымъ* благородствомъ *единого* въ началѣ человѣка, потомъ *единой* четы человѣческой. Это благородство было потеряно, и затѣмъ дѣйствительно открылось въ нѣкоторой степени царство животности, тѣлеснаго и психическаго уничтоженія, явленіями котораго, но *позднѣйшими* явленіями злоупотребляютъ, преувеличивая ихъ и относя къ самому началу человѣка. Потеряно душевное благородство, *единившее* всѣ разности въ человѣчествѣ, и открылось въ опредѣленной мѣрѣ *раздѣленіе*, явленіями котораго опять злоупотребляютъ, преувеличивая ихъ объемъ и возводя ихъ къ началу жизни человѣчества. Такова связь антропологическаго вопроса о единствѣ и о времени или древности человѣка. Потому должно сказать, что оба послѣднія наши изслѣдованія подкрѣпляютъ одно другое. Все, что утверждаетъ истину *единства* человѣка, вмѣстѣ съ тѣмъ утверждаетъ истину его *временнаго начала* по Библии. Все, что обосновываетъ это начало, привноситъ свѣтъ къ истинѣ единства.—Мнимая древность

мнимыхъ изначала *многихъ животныхъ* человѣковъ безсильна привести человѣка къ душевному благородству. Животное доселѣ осталось бы животнымъ, хотя бы его древность превосходила всякое счисленіе времени. Для чего же человѣка *отъ начала прилагаютъ скотомъ* безмысленнымъ и уподобляютъ *имъ*?—Но истинное начало единого *душевнаго* человѣка, несмотря на замѣшательство историческаго генесиса, при Богочеловѣческомъ посредствѣ, праведно возстановляется, возраждается; и раздѣленное единство—собирается, создается въ единое тѣло Богочеловѣка; и животворящимъ Его Духомъ преобразуется изъ душевнаго въ духовное, воздѣйствуя и на самую тѣлесность перстную или животную. «Первый Адамъ бысть въ душу живу, послѣдній Адамъ въ Духъ животворящъ.» Душевность не сама изъ себя поражаетъ духовность, но пріемлетъ еѣ отъ Духа Того, Кто благоволилъ соединиться съ душею и плотію человѣка, чтобы его воспріобщить Духа, и чтобы его *перстное облечь* *отъ небесное*. Вавилонскому раздѣленію противопоставлено единеніе Пятидесятницы. Такъ конецъ сойдется съ началомъ, усиливши его и возвысивши. Такова послѣдняя перспектива человѣческаго единства и *вѣчности*, вмѣсто времени. Таковъ полный объемъ библейскаго ученія о человѣкѣ, не обнимаемый естественнымъ познаніемъ, но и не противорѣчащій его истиннымъ ученіямъ, напротивъ углубляющій ихъ истину и расширяющій ея горизонты.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ

АПОЛОГІИ ТВОРЕНІЯ МІРА И ЧЕЛОВѢКА.

Мы прошли длинный путь изслѣдованія Библейской исторіи творенія въ связи съ Естественною исторіей міра и человѣка. Мы шли по этому пути внимательно и осторожно отъ начала до конца, — не уклоняясь ни отъ точныхъ результатовъ Естествовѣдѣнія, ни отъ его гипотезъ, ни даже отъ крайнихъ въ немъ воззрѣній. Мы ничего не оставили втунѣ и не скрыли изъ его области, относящагося къ предмету нашего изслѣдованія. При этомъ, мы не выставляли Богословіе какъ науку судією въ другой наукѣ. Какъ въ изложеніи, такъ и въ фактической критикѣ ученій естествознанія мы говорили устами авторитетныхъ его учителей. Только общій научный анализъ или общій научный методъ, который одинаковъ во всѣхъ наукахъ и котораго выводы (логическіе) одинаково для всѣхъ обязательны, — только этотъ анализъ или методъ и въ приложеніи къ естественнымъ ученіямъ мы естественно полагали въ области общаго, слѣдственно и нашего права или компетентности. Какіе же выводы дало такое изслѣдованіе?

Прежде всего, не обинуясь признаемъ оправданнымъ то, что было развиваемо уже во вступленіи къ изслѣдованію. Вѣра посредствуется съ прочими науками чрезъ науку Богословія. Между науками какъ частями или органами цѣлаго знанія Единой Истины не должно быть вражды, но есть внутренняя связь. Успѣхъ одной есть успѣхъ для всѣхъ прочихъ

въ соотвѣтственной мѣрѣ, по большей или меньшей близости ихъ предметовъ. Успѣхъ Естествознанія особенное имѣетъ значеніе для успѣховъ Богословія какъ науки, которой преуспѣяніе, какъ мы видѣли изъ разсмотрѣнія исторіи опытовъ изъясненія творенія, дѣйствительно шло въ уровень съ преуспѣяніемъ Естествознанія. Богословіе не обинуясь признаетъ, что въ его научномъ *сортѣ* есть доля меду собраннаго съ цвѣтовъ ученія о природѣ. Довольно ли этого для Естествознанія?—Тѣмъ не менѣе, самый ходъ строенія богословской мысли о природѣ и человѣкѣ въ пройденномъ изслѣдованіи ясно показываетъ, что это строеніе основано *не на чужомъ основаніи*, равно не на измышленномъ ею, но на томъ единственно истинномъ, свѣше ей *положенномъ основаніи Слова Откровенія*, которое и открываетъ свои глубины изслѣдованію твердому и проникнутому чистымъ желаніемъ служить Истинѣ средствами человѣческаго познанія истины.

Такое изслѣдованіе показало намъ, что слово Откровенія о мѣрѣ и человѣкѣ не только не противорѣчитъ научнымъ открытіямъ въ области природы, которая сама есть первоположное Откровеніе Слова, но—восполняетъ и углубляетъ естественныя познанія, тысячекратнымъ трудомъ собираемыя и чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе въ своихъ результатахъ сближающіяся съ ученіемъ Библіи. Одно требуется для полного признанія этого согласія, съ научной точки зрѣнія, чтобъ наука о природѣ, работая въ своей области, открывающей для нея свои богатства изобильныя, не замыкала въ ней *всего человека*, да и сама не уединялась только въ *мѣрѣ вещества видимаго*, какъ будто видимое есть *всѣ* и какъ будто ключъ къ нему только въ *немъ самомъ*. Такое уединеніе, оправдываемое въ наукѣ спеціальностію, *на дѣлѣ* даже для науки или лучше для ея жрецовъ *невозможно*. Наблюдая въ *видимомъ* строгую законмѣрность, уединяющійся по принципу (не говоримъ уже о простыхъ подражателяхъ) непримѣтно подавляется массою вещества кипящаго жизнью и вслѣдствіе этого, строго говоря, уже помимо своей спеціальности, не

только видимыя явленія этой жизни, но и *невидимыя*, не только необходимы, но и *свободныя*, которыя однако отъ *внѣшняго* взора естественно ускользають,—*всѣ* явленія жизни приводятъ наконецъ къ одному знаменателю. По наукѣ, обязанный изслѣдованіями явленій *необходимости*, крайній специалистъ принуждается однако *по человѣку*, произносить приговоръ о явленіяхъ *свободы*, объясняя свободу изъ необходимости,—волю Творческую изъ чужой воли, потому что положенная въ міръ необходимость есть не болѣе, какъ чужая воля, проявленная *мѣрою, числомъ и вѣсомъ*, т.-е. разумно. Но эта воля *полагающая* вещество не есть самосила вещества. Эту-то мысль и поставляетъ Библія на первомъ мѣстѣ, какъ первый свѣтъ міра и человѣка. Эту-то мысль Библіи оправдываетъ, т.-е. приближаетъ къ понятію Богословіе средствами научнаго познанія, средствами собственнаго познанія въ связи съ средствами Естествознанія.

Предъидущее изслѣдованіе съ послѣдовательностію и достаточною полнотою обосновываетъ по Библіи и наукѣ прежде всего то понятіе, что *бытіе міра* самаго въ себѣ, во всей его необъятности, не есть однако *полное вседовлѣющее* себѣ *бытіе*, а есть только величественное *явленіе Бытія*, что поэтому движенія его жизни не представляютъ покоя или достигнутаго удовлетворенія вседовлѣющей себѣ полноты, но суть постепенныя *стремленія къ бытію*, къ его полнотѣ. Это—основное понятіе, безъ котораго бытіе міра внѣ Бога есть неразрѣшимая загадка, безъ котораго всѣ прочія представленія о мірѣ, его происхожденіи и развитіи могутъ быть только смутными представленіями, несмотря на ихъ фактическую основу, допускающими произвольныя сочетанія и заключенія и такимъ образомъ дающими пищу безконечнымъ и неразрѣшимымъ спорамъ. Для полнаго Бытія, для *Сущаго* нѣтъ развитія, нѣтъ генесиса стремящагося, текущаго по степенямъ. Сущій Самъ въ Себѣ—вѣчно все, и Самъ Себя всегда всецѣло полагаетъ, *въ Себѣ вѣчно имѣетъ* полную жизнь. Но такъ какъ міръ есть *явленіе бытія*, есть стремящійся

быть; отсюда течение по степенямъ,—процессъ *генесиса* для міра есть существенное, приращенное его *существо*. Отсюда развитіе міра, или что тоже ходъ жизни міра отъ начала есть *космогенесисъ*. Но при этомъ, самое *начало* міра какъ *явленія* можетъ ли быть представляемо какъ самосущее, когда и во всей необъятности развитія міръ не есть вседовлѣющій, неизмѣнный, цѣлый, но есть непрестанно текущій, измѣняющійся, проходящій различныя стадіи жизни, раздробляющійся на множество частнѣйшихъ явленій,—во всемъ только *стремящійся* къ полнотѣ, къ равновѣсію, къ неизмѣнности, къ цѣльности, словомъ—*къ бытію*? Будучи только явленіемъ бытія, міръ для разума можетъ имѣть свое начало не иначе, какъ отъ неявляемаго Сущаго по волѣ Его разума или слова: *впроу разумѣемъ совершитися въкомъ глаголомъ Божиимъ, во еже отъ неявляемыхъ видимымъ быти* (Евр. XI, 3). До этого начала не достигаютъ естественныя ученія, но Библія открываетъ это начало вѣрѣ разума съ первыхъ Словъ: *въ началѣ сотвори Богъ небо и землю*. Естественныя ученія хотя признаютъ *это* начало,—по невозможности какихъ-либо наблюдений въ этомъ исходномъ пунктѣ, слѣдственно по невозможности иначе объяснить начало; но признаніе въ *такой* силѣ недовольно еще дѣйственно, чтобы придать ученіямъ естественнымъ въ ихъ развитіи опредѣленное и твердое, неотступное отъ истины движеніе. Говорятъ: «начала міра мы не знаемъ, но для насъ достаточно, что міръ существуетъ, достаточно *существующаго* міра, чтобы изучать его научно». Но вѣдь наука по существующему міру думаетъ изучить его *происхожденіе*, которое несомнѣнно *граничитъ къ началу* и само въ себѣ есть уже несуществующее. Слѣдовательно на ученіи о происхожденіи міра неизбѣжно полагается печать неотчетливая, если представленіе о началѣ недовольно ясно, или если понятіе о началѣ не принимается къ должному вниманію. Такъ утверждается величіе начала Библіи: «въ началѣ сотвори Богъ».

Отъ *такого* начала идетъ дальнѣйшая исторія міротворенія. Что же, можетъ быть по крайней мѣрѣ эта продолжаю-

щаяся за началом *исторія* уже есть только космогенесисъ? Или же наоборотъ и эта исторія всецѣло есть дѣло *творческое*?—Но гдѣ же тогда быть *стремленіямъ* начальноявленнаго бытія? Или же они должны были быть *сдержанными* пока шла седмица творенія? Съ другой стороны зачѣмъ *продолжающееся* твореніе? Довременная воля, акты этой воли для своего проявленія развѣ требовали времени? Однако Библия открываетъ намъ именно исторію творенія продолжающагося въ теченіи седмицы временъ. Естественныя ученія и въ свою очередь изображаютъ *исторію* міроисхожденія. Въ изъясненіе всего этого наше изслѣдованіе, обстоятельнымъ разсмотрѣніемъ всѣхъ данныхъ Библии и природы, богословскихъ и естественно научныхъ, пришло къ заключенію, что *космогонія не отрицается Библіею*, что въ рамкахъ библейскаго ученія о міротвореніи есть мѣсто ученію космогоническому, что Естествознаніе имѣетъ свое право изслѣдованія на почвѣ Библии, что сама Библия, изображая міротвореніе какъ *исторію*, утверждаетъ мысль о присутствіи, кромѣ Творческаго, какъ бы инаго, *другаго дѣателя* на поприщѣ седмицы творенія. Этотъ дѣатель—земля произращающая, воды многородящія, земля производящая. Это—*космогоническій дѣатель*. Такимъ образомъ наше изслѣдованіе показало, что исторія міротворенія есть *тео-космогоническая* исторія, и представило опытъ проведенія этой мысли въ подробностяхъ изъясненія Шестоднева, какъ чрезвычайной седмицы временъ, въ которой все относящееся къ Творческому Дѣателю, конечно, не можетъ быть измѣряемо *никакимъ* временемъ, ибо творчество доременно,—вся же продолжительность времени падаетъ на дѣятельность космогоническую *.

Далѣе общая мысль о характерѣ исторіи творенія съ особенною подробностію раскрыта въ изслѣдованіи о сотвореніи *человѣка*, въ изъясненіи антропологическихъ вопросовъ, своеобразно поставляемыхъ въ Естествознаніи,—объ образѣ или способѣ происхожденія *человѣка*, о единствѣ рода *человѣ-*

* Раскрытіе вывода о времени, кратко здѣсь выраженного, см. на стр. 126 — 129.

ческаго и о времени или древности человѣка на землѣ. И здѣсь изслѣдованіе показало, что ученіемъ библейскимъ о человѣкѣ не отрицается и *космогонія* въ его твореніи, и собственный человѣческій *генесисъ* въ исторіи послѣ творенія. Но здѣсь изслѣдованіе преимущественно выставило на видъ значеніе Творческаго дѣйствія и на поприщѣ исторіи творенія человѣка, и на поприщѣ послѣдующей человѣческой исторіи, какъ исторіи *Богочеловѣческой*. Изслѣдованіе показало, что съ признаніемъ библейскаго ученія во всемъ объемѣ его смысла, антропологическіе вопросы Естествознанія разрѣшаются удовлетворительно и полно, что и здѣсь точному Естествознанію не только не приходится поступаться какими-либо достигнутыми результатами относительно антропогенесиса, напротивъ эти результаты тверже запечатлѣваются, недостающее имъ восполняется и отъ нихъ дальнѣйшее научное движеніе предназначается. Горизонты Откровенія обширны и даютъ просторъ горизонтамъ науки, и своимъ свѣтомъ даютъ послѣднимъ возможность еще болѣе раздвинуться или открыться. Такъ—въ вопросѣ и о началѣ происхожденія человѣка, и особенно въ вопросѣ о единствѣ рода человѣческаго. Все это преуспѣяніе обуславливается только однимъ, признать исторію творенія *тео-космогоническою* исторіею, равно исторію антропогенесиса *Богочеловѣческою* исторіею. Но можно ли этого не признавать? •

Для точнаго естественнаго познанія, созидающаго свое зданіе на основаніи опыта и наблюденія, исторія происхожденія міра и человѣка есть *космогонія*. Опытъ и наблюденіе, конечно, большому и научить *не могутъ*. И не только опытъ частный, отрывочный, и не только наблюденіе не самаго міропроисхожденія, а лишь нѣкоторыхъ оставшихся слѣдовъ онаго,—не только такой опытъ и такое наблюденіе *сами по себѣ* научить большому не могутъ, но еслибы представить невозможное,—возможность всеобщаго наблюденія *самаго процесса творенія*, то для наблюдающаго *внѣшняго* взора былъ бы видимъ и *тогда* только постепенный ходъ вещей, движеній, развитій, выступающихъ жизней,—словомъ, былъ бы видимъ

тотъ же *космогенесисъ*. Всесущая сила, движущая, управляющая движеніемъ, животворящая, словомъ — *Воля творящая*: какъ её подмѣтитъ глазу внѣшняго наблюдателя? *Бога никтоже видѣти нигдѣже*. Воля какъ такая не переходитъ во внѣ. И воля человѣка невидима другому человѣку, только самъ человѣкъ сознаетъ ее. Такъ и Божія воля творящая вѣдома только Духу Божію и *ему же еще хочетъ Богъ открыти*. Библия содержитъ такое Откровеніе для всѣхъ, по которому вѣрою познаемъ на поприщѣ космогенесиса моменты *творческаго дѣйствія*. Такое познаніе пусть представляютъ себѣ хотя въ аналогіи съ познаніемъ *предположительнымъ* въ наукѣ, которое хотятъ оцѣнить приложеніемъ онаго къ изъясненію тѣхъ или другихъ непонятныхъ фактовъ или идей. Уже такимъ образомъ космогонія естествознанія можетъ увѣриться, какъ мы старались показать на примѣрахъ изъясненія естественныхъ ученій, что она не бесплодно углубляется дальше непосредственнаго наблюденія и можетъ расширить свои предѣлы, преобразуясь въ *тео-космогонію*. — Подобнымъ образомъ, для точнаго естественнаго познанія, исторія человѣка послѣ сотворенія, исторія дальнѣйшихъ образованій его жизни есть *антропогенесисъ*. Но внѣшній опытъ и внѣшнее наблюденіе большому и научить *не могутъ*, еслибы тотъ и другой были даже всеобъемлющи, а не такъ тѣсны, какъ тѣсны они въ дѣйствительности,—еслибы наблюдающій даже могъ быть поставленъ на стражѣ *самой исторіи творенія*, равно и *всѣхъ дальнѣйшихъ образованій* человѣка. И тогда для внѣшняго взора наблюдателя представлялся бы не болѣе, какъ тотъ же антропогенесисъ. Дѣйствующая же на этомъ поприщѣ Божія сила *не приходитъ съ собмоуденіемъ*, т.-е. не примѣтна, если Сама Себя не откроетъ. Но она Себя открыла первѣе *словомъ*, на различныхъ стадіяхъ исторіи человечества. Таково древнее ученіе Библейское, открывающее *исторію творенія человека*, и потомъ указывающее въ *человѣческомъ генесисѣ моменты дѣйствія Божественнаго*. Но это не всё. Мѣра древняго Откровенія исполнена и преиспол-

нена новымъ. И то, что мы представляли еще какъ невозможное—*возможность созерцанія творчества*,—новое Откровеніе осуществило. Незримое предстало міру *видимымъ, слышимымъ, осязаемымъ* (1 Іоан. I, 1). Богъ слова Откровенія, Онъ же—Богъ-Слово *ипостасное, Имъ же вся быша и безъ Него же ничтоже бысть еже бысть*,—*стало плотию* и лично вошло въ человѣческую исторію и ввело въ нее полноту Своего Духа. Такъ человѣческая исторія открылась какъ исторія *Богочеловѣческая*, въ своемъ генесисѣ не только носящая творческія дѣйствія, но и существенно принявшая явленіе Творца какъ Сына человѣческаго и Его Духа, благоволившаго обитать въ человѣцѣхъ; и въ этомъ своемъ качествѣ стала уже доступною, если не намъ для внѣшняго наблюденія, то и намъ для *внутренняго видѣнія*. «Имѣющій очи видѣти, да видить».

Таковъ полный объемъ Откровенія о мірѣ и человѣкѣ, и наконецъ въ мірѣ и человѣкѣ, не упраздняющій естественнаго ученія, какъ и самой жизни естественной, но восполняющій оныя *исполненіемъ* не только *истины*, но и *жизни*, *яже бы свѣтъ челоукомъ*,—творящей и возсозидающей, и возводящей твореніе до единенія съ Творцомъ, чрезъ единеніе Творца съ твореніемъ. Полнота истины природы не есть только ученіе, мысль о природѣ, но союзъ истинной мысли, разума, духа съ истинною жизнью самой природы. Исполненіе такой полноты, полнота истины и жизни міра и человѣка въ Богочеловѣкѣ, Который въ исполненіи временъ явился міру, какъ Жизнь-Слово: *Азъ есмь Истина и Жизнь!*

О П Е Ч А Т К И.

Напечатано:	Стр. 171, строка 1	Должно исправить:
совѣстную		совѣстную
	Стр. 180, строка 9	
то Откровеніе даетъ о всѣхъ народахъ; и линія		того Откровеніе хотя не даетъ о всѣхъ народахъ, но линія

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Предисловіе.....	III
------------------	-----

I.

Введеніе.

Задача. — Богословіе и Естествознаніе. — Планъ и части изслѣдованія. — Литература предмета.....	1
---	---

II.

Библейское Откровеніе въ Его существѣ и предѣлахъ.

Происхожденіе Библейскаго Откровенія о міротвореніи. — Боговдохновенность Писанія и въ особенности книги Бытія. — Отличительный характеръ содержанія Библіи и ея предѣлы. — Значеніе ея воззрѣнія на природу.....	22
---	----

III.

Библія и естествознаніе въ ихъ ученіи о мірѣ.

Изъясненіе Бытія первой главы, въ связи съ цѣлымъ ученіемъ Библіи о мірѣ и человѣкѣ. — Изложеніе ученія Естествознанія о происхожденіи міра и его существѣ. — Представляющіяся разности между сказаніемъ книги Бытія и объясненіями Естествознанія.....	36
---	----

IV.

Опыты сравнительнаго изъясненія міротворенія по Библіи и естествознанію.

Извѣстные въ Богословіи изъяснительные опыты не случайны. — Ихъ связь съ успѣхами естествознанія. — Первый по времени опытъ: гипотеза потопная. Ея изложеніе и критика. — Второй опытъ: гипотеза реститутивная. Ея изложеніе и критика.....	63
---	----

V.

Опыты сравнительнаго изъясненія міротворенія по Библіи и естествознанію (Продолженіе).

Связь предыдущихъ двухъ опытовъ изъяснительныхъ съ послѣдующими двумя. — Третій по времени опытъ: гипотеза соглашенія. Ея изложеніе и критика. — Четвертый опытъ: гипотеза идеальной гармоніи. Ея изложеніе и критика.....	77
--	----

VI.

Новый опытъ сравнительнаго изъясненія міротворенія по Библіи и естествознанію.

Общіе критическіе выводы изъ предыдущаго изслѣдованія извѣстныхъ изъяснительныхъ опытовъ. — Дальнѣйшая задача научнаго изслѣдованія о міротвореніи. — Міротвореніе есть исторія. Ея факторы, творческій и космогоническій. — Канто-Лапласова гипотеза въ свѣтъ теокосмогоніи.....	106
---	-----

Новый опыт сравнительнаго изъясненія міротворенія по Библіи и естествознанію (Продолженіе).

Краткое изложеніе основныхъ мыслей предыдущей главы. — Имя новаго опыта: гипотеза тео-космогоническая. — Дни и періоды. — Общій характеръ исторіи творенія. — Творческіе моменты и космогоническіе ходы въ библейской исторіи творенія. — Сравненіе съ естественною космогоніею, преимущественно въ пунктахъ, недостаточно изъясняемыхъ въ прежнихъ опытахъ. — Заключение 121

VIII.

Изслѣдованіе библейской исторіи творенія человѣка въ связи съ естественною исторіею.

Новая задача въ изслѣдованіи о твореніи человѣка. — Гипотеза естествознанія въ общихъ положеніяхъ о преобразованіи видовъ. — Крайній изъ нея выводъ о происхожденіи человѣка: научная несостоятельность вывода. — Библейское ученіе: человѣкъ есть особенное твореніе. — Твореніе человѣка, какъ все міротвореніе, есть также исторія. — Ея моменты: перстное существо, одушевленный человѣкъ; едиличный человѣкъ; мужъ и жена. — Космогонія въ этой исторіи. — Предлежащій генезисъ человѣка и міра, законоположенный твореніемъ 154

IX.

Изслѣдованіе библейской исторіи творенія человѣка въ связи съ естественною исторіею (Продолженіе).

Ученіе Библіи о сотвореніи человѣка въ единой четѣ и о единствѣ дѣлаго рода человѣческаго. — Антропологическія ученія Естествознанія въ ихъ взаимной борьбѣ: моногенизмъ и полигенизмъ. — Особая теорія Агассица. — Предѣлы естественнаго ученія, и дальнѣйшіе горизонты, открываемые Библейскимъ ученіемъ. — Связь вопроса о единствѣ съ вопросомъ о времени сотворенія человѣка. 177

X.

Изслѣдованіе библейской исторіи творенія человѣка въ связи съ естественною исторіею (Окончаніе).

Время сотворенія человѣка, по Библіи. — Всемирный потопъ и ледяная эпоха. Тожество этихъ явленій, какъ достаточное основаніе библейской хронологіи исторіи человѣка. — Попытки сдѣлать изъ ледяной эпохи хронометръ палеонтологической древности человѣка. Опроверженіе этихъ попытокъ изъ естествознанія. — Значеніе періодовъ: каменнаго, бронзоваго и желѣзнаго, по Библіи. — Согласіе библейской хронологіи исторіи человѣка съ историческими воспоминаніями древнихъ народовъ. — Заключение 217

Заключеніе Апологіи творенія міра и человѣка 231

2p-5D-

